

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ФГБОУ ВПО
«МГУ им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

4/2012
(№ 81)

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы регионологии

- 5 **Г. Р. Ростом.** Уровень развития различных форм организации пространства в регионе
- 12 **К. А. Сулимко.** Ресурсный подход к экономическому районированию в контексте стабильного социально-экономического роста

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 20 **И. В. Морозов.** Принципы формирования сетевых структур на региональном уровне

Экономика региона

- 25 **И. Ф. Дедкова, Т. И. Петрова, А. В. Махоргова.** Воспроизводственная структура человеческого капитала в экономическом пространстве региона
- 33 **Н. Н. Бутрюмова, Д. В. Сидоров.** Проблемы привлечения финансирования в инновационные компании на ранних стадиях их развития в регионе
- 41 **Д. В. Кормишкин.** Организация маркетингового планирования на предприятии строительной индустрии региона
- 48 **А. М. Тиньгаев, С. С. Артемьева.** Основные рыночные тенденции кластера региона «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением»
- 51 **Л. А. Карякина.** Методы анализа факторов инновационного развития региона

Региональные проблемы науки и образования

- 57 **И. В. Сокольник.** Современные тенденции и проблемы развития рынка услуг высшего профессионального образования
- 65 **Н. В. Ивашкина.** Организационные формы взаимодействия государственных и общественных институтов по формированию и развитию этнокультурного образования в регионе

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
С. М. ВДОВИН
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

- 69 **Н. В. Шумкова.** Формирование этнокультурной идентичности в системе дошкольного образования
- 74 **М. А. Капаев.** Специфика этнокультурного компонента в системе среднего профессионального образования

Социология региона

- 80 **Л. И. Савинов.** Социология закономерностей социальных систем
- 84 **А. Н. Ершов, А. П. Кулапин, А. А. Салатова.** Социологические аспекты управления в условиях нестандартной занятости
- 96 **О. С. Чернявская.** Размещение горожан в пространстве социальных связей
- 106 **О. В. Салмова.** Социологический портрет торговцев городских рынков региона
- 111 **Ж. В. Чернова.** Восприятие мер семейной политики и потребности семей в государственной поддержке
- 120 **Л. И. Ватанина.** Сельское население региона в конце XX — начале XXI в.: социокультурный аспект

**Народы России:
возрождение и развитие**

- 126 **Н. Н. Азисова, О. А. Богатова.** Проблемы гармонизации взаимодействия этнокультурной политики, религиозности и светских культурных ценностей в современном эрзянском обрядовом празднике
- 139 **М. В. Мосин, Т. М. Шеянова.** Из истории создания терминологии в мордовских языках
- 148 **А. Н. Ракин.** Этимологизация заимствованной лексики коми языка
- 156 **Д. В. Цыганкин.** Этимологически общие уральские именные и глагольные основы в мордовских и ненецком языках: сравнительный анализ

**Региональная история
и историография**

- 164 **Е. Н. Мокшина.** Историография религиозной жизни мордовского народа

Философия в регионе

- 171 **Н. С. Савкин.** Философская интерпретация языка культуры региона
- 180 **П. А. Баёв, А. В. Кобжицкий, А. А. Надольная.** Атеистическое мировоззрение личности в условиях социальной дезорганизации
- 191 Круглый стол «Этическая мысль в регионе»
- 191 **Е. В. Мочалов.** Становление и развитие этики на кафедре философии для гуманитарных специальностей Национального исследовательского Мордовского государственного университета
- 195 **И. Л. Сиротина.** Этика рекламной деятельности в современной России
- 198 **А. А. Сычев.** Развитие экологической этики в регионе
- 201 **О. С. Пугачев.** Значение и границы теологической этики
- 208 **В. П. Фурманова.** Этическое знание в современной гуманитарной парадигме российского общества
- 210 **М. Ю. Грыжанкова.** Ценностные ориентации и проблема культурной идентичности
- 212 **Ю. В. Кузнецова.** Основные принципы теории сновидений в индивидуальной психологии А. Адлера
- 215 **А. П. Скрипник.** Через моральную ответственность к свободе воли?
- 217 **Н. Л. Новикова.** Массовая коммуникация и современная молодежь
- 219 **А. А. Гагаев, П. А. Гагаев.** Этические аспекты феномена здравого смысла
- 222 **Н. Г. Юрченкова.** Мордовский национальный эпос в основе формирования нравственной культуры

Экология региона

- 226 **П. Е. Ежов.** Институционализация социальной системы правовой регуляции экологической деятельности в регионе

Провинциальная культура

- 238 **Н. П. Ледовских.** Православная самоидентификация: ценностная эволюция в истории русской культуры
- 245 **Ю. В. Инюшкина.** Авторская песня в Пензенской области
- 249 Материалы семинара «Народная музыка на современной концертной эстраде и в образовании»
- 249 **Ж. Пяртлас.** Kergütäminõ в сетуской народной песне: практическая необходимость, обычай или композиционный прием?

- 251 **М. В. Медведева.** Особенности функционирования народно-песенных традиций
- 253 **С. А. Исаева.** Сохранение и преемственность музыкального наследия мордовского народа
- 256 **Е. О. Модина.** Фольклор в системе современной музыкальной культуры
- 257 **Н. П. Трегулова.** Становление профессиональной музыкальной культуры Мордовии
- 258 **Э. Н. Киласония.** Этническое своеобразие музыкальной культуры мордвы
- 259 **Л. Р. Мухаева.** Театральные формы как средство этнохудожественного воспитания и обучения (из опыта работы детских музыкальных школ г. Саранска)
- 261 **Ю. Л. Колесникова.** Актуализация музыкально-творческого потенциала студентов в процессе изучения культуры финно-угорских народов
- 262 **Т. В. Тюрина.** Творчество С. Я. Терханова: традиции и новаторство в композиторской и исполнительской практике
- 263 **Е. В. Герасимова.** О некоторых стилевых особенностях фортепианного творчества Я. Сибелиуса
- 265 **Т. Н. Гулая.** Национальные истоки музыкального языка в фортепианных циклах композиторов Мордовии
- 267 **Л. В. Кинякина.** Стилевые особенности хоровых обработок Г. Г. Вдовина
- 268 **С. В. Колесникова.** Вокальная музыка Г. Г. Вдовина: национальный аспект
- 270 **И. Г. Коленченко.** Преломление жанра духовного стиха в творчестве Н. А. Римского-Корсакова
- 271 **О. В. Жесткова.** Национальная история и ее воплощение во французской большой опере

Г. П. РОСТОМ

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: форма организации, социально-экономическое пространство, индекс относительного уровня развития, типологические черты, региональные различия

Key words: organisation form, social and economic space, relative development level index, typological characteristics, regional differences

Для устойчивого развития территории важно представлять территориальные различия в уровне социально-экономической обустроенности ее частей. Это актуализирует задачу выделения таких форм территориальной организации социально-экономического пространства, которые объективно отражали бы реальную картину территориальных различий. Для количественной характеристики уровня развития частей территории с точки зрения особенностей ее пространственной дифференциации наиболее приемлемо функциональное деление территории по масштабу воздействия и особенностям форм освоения территории, предложенное Г. Г. Руновой и др.¹ Эта классификация (с небольшими изменениями и дополнениями) предполагает выделение фоновой (площадной), полосной, линейной и очаговой форм организации социально-экономического пространства.

Фоновую форму организации имеет сельскохозяйственное производство, основанное на использовании земельных ресурсов и распространенное в пределах значительных территорий. Полосная форма характерна для системы распределения сельского населения и обслуживающей его социальной инфраструктуры². На наличие приближенной к автомагистрали полосы, отличающейся от остальных частей территории своим выгодным транспортно-географическим

РОСТОМ Герард Рауфович, доцент кафедры географии Липецкого государственного педагогического университета, кандидат географических наук.

положением и большей инфраструктурной емкостью, указывал еще Г. М. Лаппо³. Такие полосы получили название «коридоры развития».

Линейной формой организации обладают транспортно-коммуникационные системы. Они локализованы линейно и составляют осевую часть полос внутри «коридора развития». Очаговая форма организации характерна для промышленных, селитебных и транспортных систем, распространенных в городах и крупных районных центрах. Как правило, такие очаги «нанизаны» на коммуникационные системы. Выстроенные таким образом таксономические единицы форм организации пространства расположены в определенной территориальной последовательности, они не пересекаются и полностью покрывают всю территорию.

Достоверность существования выделенных форм организации социально-экономического пространства наглядно показывается различиями в их уровне развития на территории Липецкой области. Количественная оценка уровня социально-экономического развития каждой такой формы проведена по следующим показателям: для фоновой формы — доля пашни, плотность поголовья скота; для полосной формы — плотность сельского населения, объектов социальной инфраструктуры; для линейной формы — интенсивность движения автотранспорта на участке автомагистрали; для очаговой формы — плотность населения основных фондов, объектов социальной инфраструктуры в поселениях.

Исходными данными для исследования стали материалы статистических сборников⁴ и полевых исследований⁵. Анализ показателей проводился нами в пределах существующих административно-территориальных единиц области. Такой подход является общепринятым в экономико-географических исследованиях, поскольку управление территорией осуществляется по имеющимся муниципалитетам. Сопоставление показателей проводилось в среде однотипных по форме организации социально-экономического пространства территориальных выделов (отдельно — для очагов, линий, полос, площадных пространств). Натуральные относительные показатели в каждой группе были приведены к единому стандарту. За основу был взят показатель минимального уровня развития. Полученные таким образом индексы отражают величину превышения уровня развития территории

по сравнению с минимальным. В связи с тем, что уровень развития каждой формы территориальной организации (кроме линейной) отражают несколько показателей, был определен интегральный уровень развития. Для этого все индексы были суммированы. На основании значений суммы проведено ранжирование величины по трехуровневой оценочной шкале «умеренный — средний — высокий». Для линейной формы организации пространства оказалось необходимым выделить четвертый уровень развития — слабый. Составленные на основе полученных значений карты позволяют наглядно показать территориальные различия уровня социально-экономического развития пространства Липецкой области для каждой формы организации социально-экономического пространства.

Уровень социально-экономического развития фоновой формы организации пространства в районах Липецкой области изменяется от периферии к центру (рис. 1). Причем в противовес ожидаемому падению уровня развития к периферии он снижается по направлению к центру области. Можно выделить ряд направлений, вдоль которых происходит такое снижение: с северо-запада, юго-востока и севера. В центре области находится полоса из Хлевенского, Липецкого, Лебедянского районов, имеющих средний уровень развития фоновой формы организации.

Такое распределение фонового уровня объясняется историческими факторами. Липецкая область сформировалась относительно недавно, в 1954 г., из окраин смежных областей. Вероятно, и сегодня фоновый уровень развития снижается по направлению к бывшим окраинным территориям (в настоящее время — центральным районам области) от бывших центров (на данный момент — окраинных районов области).

Для определения уровня социально-экономического развития полосной формы организации пространства на территории Липецкой области вдоль автомагистралей выделены полосы шириной 1—3 км, отличающиеся от соседних большей плотностью сельского населения и неплохой инфраструктурой. В целом уровень развития полос убывает от наиболее приближенной к автодорогам полосы («коридора развития») и приближается к наиболее удаленной от автодорог полосе (рис. 2). Сопоставление уровней развития внутри одноименных полос позволило выделить четыре группы районов.

Рис. 1. Уровень социально-экономического развития фоновой формы организации пространства в Липецкой области

Три северных района (Данковский, Лев-Толстовский и Чаплыгинский) отличаются умеренным уровнем внутри «коридора развития» и высоким уровнем вне его. Восточные районы (Лебединский, Добровский, Липецкий, Грязинский) имеют средний уровень развития по всей территории, южные районы (Добринский, Усманский, Хлевенский, Задонский, Елецкий, Воловский) — высокий. Западные районы (Краснинский, Становлянский, Измалковский, Долгоруковский, Тербунский) характеризуются высоким уровнем внутри «коридора развития» и умеренным уровнем за его пределами.

Таким образом, можно говорить о двух типологических чертах распределения уровня развития в полосной форме организации пространства Липецкой области. Первая — с севера на юг уровень развития в обеих полосах постепенно увеличивается. Вторая — соотношение уровня развития между полосами различается в западных и восточных районах. В западных областях уровень развития внутри «коридора развития» наиболее высокий, в восточных областях уровень развития обеих полос одинаков.

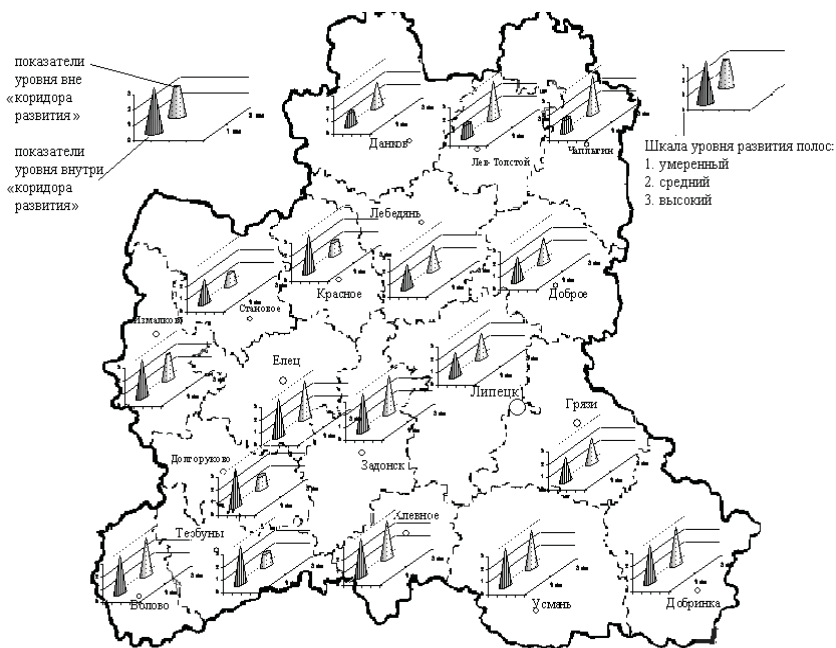

Рис. 2. Уровень социально-экономического развития полосной формы организации пространства в Липецкой области

Уровень социально-экономического развития линейной формы организации пространства является наиболее высоким около областного центра и снижается по мере удаления от него (рис. 3). Обращает на себя внимание низкий уровень развития линейных структур (автодорог) периферийных частей многих районов области, особенно северных. Уровень социально-экономического развития очаговой формы организации пространства в Липецкой области имеет вид чередующихся V-образных полос, сменяющих друг друга с севера на юг (рис. 4). Центр области занимает полоса очагов с высоким уровнем развития (Становое, Елец, Задонск, Липецк, Доброе). К северу расположена полоса очагов со средним уровнем (Красное, Лебедин, Лев Толстой, Данков). К югу находится полоса очагов с умеренным уровнем развития (Долгоруково, Хлевное, Грязи), которая еще южнее сменяется полосой очагов с высоким и средним уровнем (Тербуны, Усмань).

К. А. СУЛИМКО

**РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД
К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ
РАЙОНИРОВАНИЮ
В КОНТЕКСТЕ СТАБИЛЬНОГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА**

Ключевые слова: принципы районирования, экономическое развитие, нематериальные факторы, индексы роста

Key words: regionalism principles, economic development, non-material factors, growth indices

Экономическое районирование как один из разделов регионалистики развивалось в соответствии с поиском оптимальных способов территориального деления для достижения стабильного социально-экономического роста и исходило из уровня развития экономики на определенном историческом этапе. В контексте данной проблемы в экономическом районировании необходимо не только найти принципы оптимального деления территории с учетом целей экономического роста, но и определить методы измерения развития ключевых ресурсов региона. Важно отметить, что экономический рост — это не только количественный рост произведенной продукции и рентабельности, но и стремление к социальному балансу региона.

Исторически сложившейся основой экономического районирования в России и за рубежом является административно-территориальное устройство, сформированное на базе национального и административного принципа управления. Теория экономического районирования в исторической ретроспективе развивалась посредством поиска симбиоза существующего территориального устройства государства с целями повышения эффективности управления факторами, необходимыми для социально-экономического развития. В России это районирование носило максимально прикладной

СУЛИМКО Константин Алексеевич, аспирант кафедры менеджмента Владимирского государственного университета.

характер, так как многие ученые, занимавшиеся этой проблемой, не только формулировали принципы районирования, но и предлагали конкретное административно-территориальное деление России с учетом этих принципов.

Вначале такое районирование имело природно-географический характер. Н. П. Огарев в статье «На Новый год — 1861» предлагал разделить Россию на области «по географическим и промышленным условиям» и по народам, населяющим страну¹.

Первым научным трудом по районированию, исходившим из интересов экономического развития, была работа Д. И. Менделеева «Фабрично-заводская промышленность и торговля России» (1893). Он выделил экономические районы «различного хозяйственного характера» и объединил губернии в 14 краев: Центральный, или Московский; Балтийский, или Петербургский; Северный; Восточный; Юго-Западный; Среднеазиатский; Кавказ; Южный; Юго-Западный; Северо-Западный; Малороссийский; Средний хлебный, или Черноземный; Финляндия; Польский. Такая постановка проблемы районирования была тесно связана с его идеями о необходимости быстрой индустриализации страны².

Дальнейшее развитие теории районирования привело к потребности учитывать не только природно-географические условия, но и факторы размещения промышленности и инфраструктуры.

Следующим наиболее значимым этапом в развитии этого направления в науке стала советская школа экономического районирования, основанная Н. Н. Колосовским. Концепция, созданная им, отвечала потребностям своего времени и была востребована в условиях индустриальной стадии развития экономики. Экономический район рассматривался как относительно целостная территориально-хозяйственная система, характеризующаяся особенностями не только специализации, но и процессов воспроизводства. Регион, в понимании Госплана, в рамках которого велись эти научные разработки, обладал такими чертами, как безусловная объективность, энергопроизводственный принцип построения, экономическая целесообразность, оптимальное сочетание специализации и комплексности, опора в развитии на концепцию районных территориально-производственных комплексов. Нововведением этой школы стало выдвижение

на первый план инфраструктурного фактора, в первую очередь энергопроизводственного как ключевого на данном этапе развития промышленности³.

При рассмотрении истории развития экономического районирования за границей необходимо отметить, что зарубежная школа районирования развивалась более успешно в контексте теории размещения производства и создания абстрактных моделей оптимального размещения (У. Айзард, А. Вебер, В. Кристаллер, В. Лаунхардт, А. Леш, И. Тюнен и др.)⁴.

Заслуга А. Леша в экономическом районировании — успешное интегрирование разработок предшественников (А. Вебер, В. Лаунхардт, И. Тюнен и др.) и создание собственной концепции экономического ландшафта, в которой определяющим фактором являются сбытовые зоны предприятий разного уровня, образующие сеть экономических районов с «узлами» в городах. В отличие от аналогичных построений В. Кристаллера идея, предложенная А. Лешем, была моделью рыночного равновесия, а не плановым предписанием. Она фактически представляла собой модель территориальной самоорганизации общества и его экономической жизни.

У. Айзард вслед за А. Лешем попытался создать интегральную модель территориальной проекции социально-экономической жизни общества, основные элементы которой — потребительский спрос и его географическое распределение, наличие тех или иных экономических ресурсов. Сочетание этих факторов он рассматривал как главную составляющую экономического ландшафта территории. Методология работ ученого основана на принципах «количественной революции»: большое внимание уделено определению иерархии населенных пунктов и транспортных узлов через их количественные характеристики, размещение промышленных предприятий рекомендовано в зонах тех или иных факторов производства (близость к сырью или рынкам сбыта), миграции рассмотрены через призму территориальных диспропорций спроса и предложения на рынках труда и т. д.

В современной экономической науке в факторах, влияющих на региональное развитие, происходит существенная трансформация, которая характеризуется выделением нематериальных ресурсов в качестве главного фактора развития. Это связано с переходом экономики на новый

высокотехнологический уровень развития, в котором первоочередным является наличие не материальных ресурсов, а интеллектуальных, выражаемых в человеческом капитале новых технологических разработок. Согласно исследованиям Т. Стюарта, к 1991 г. общие капитальные затраты компаний на промышленное оборудование и информационную технику были примерно одинаковы. В дальнейшем доля затрат на информационную технику только увеличивалась⁵. Эти факты подтверждаются и исследованиями российских ученых. Так, по данным Б. Мильнера, в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 90-е гг. XX в. вложения в знания ежегодно увеличивались в среднем на 3,4 % против 2,2 % в сфере основных фондов. В результате в промышленно развитых странах 80—95 % прироста ВВП приходится на долю новых технологий⁶.

Главная задача экономического районирования — создание условий для более качественного управления социально-экономическим ростом, поэтому в XXI в. существует потребность в определении принципов районирования, учитывающих нематериальные ресурсы. Основным ключевым нематериальным ресурсом является человеческий капитал. Такой подход основан на общепринятой модели экономического роста Р. М. Солоу, в которой отражены два ключевых фактора экономического роста — труд и технологическое развитие, представляющие собой продукт деятельности человеческого капитала⁷.

Главным в вопросе экономического районирования на основе нематериальных ресурсов в контексте стабильного социально-экономического роста также является определение показателей, отражающих изменение этих ресурсов на региональном уровне. Регион как мезоуровневая система состоит из более мелких «частиц», и его рассмотрение отдельно от развития составных элементов значительно отодвигает от получения объективного знания. В связи с тем, что на этапе современного экономического развития важны нематериальные ресурсы, появляется проблема, которая характеризуется поиском методов измерения. Это связано с тем, что материальные ресурсы количественно более просты в измерении в отличие от знаний и человеческих ресурсов.

Стоит отметить, что в настоящее время в большинстве работ есть структура и характеристика человеческого капи-

тала, дается оценка эффективности использования на микроуровне. Следует остановиться на статье В. А. Шабашева и С. И. Шорохова, в которой предложен оригинальный подход к анализу влияния капитала здоровья и образования на экономический рост регионов⁸. Модель этого исследования построена на основе производственной функции Кобба-Дугласа. В качестве измерителей уровня здоровья тестировались показатели заболеваемости, перинатальной и младенческой смертности, ожидаемой продолжительности жизни. За показатель образовательного капитала взят показатель уровня инвестиций в образование. Необходимо отметить, что это исследование рассматривает рентабельность во вложения в образовательный капитал, что не в полной мере отражает современное представление о целях социально-экономического роста (в том числе и о стремлении экономики к социальному балансу, отмеченному ранее).

Наиболее оптимальным при анализе изменения эффективности использования человеческого капитала как главной составной части нематериальных ресурсов на региональном уровне предлагается применение общего интегрального показателя. Таким показателем может быть индекс роста нематериального фактора экономического развития, который состоит из суммы индексов роста показателей, отражающих влияние человеческого капитала на социально-экономический рост. В совокупном индексе отражены как положительные, так и отрицательные факторы влияния на социально-экономический рост (таблица). Индекс роста нематериального фактора региона включает в себя агрегативные показатели, характеризующие изменения качества человеческого капитала, его востребованность и эффективность использования.

Качество человеческого капитала характеризуется показателями заболеваемости и смертности населения трудоспособного возраста. Среди исследований в этой области наиболее интересен анализ эмпирических данных о влиянии здоровья на экономику РФ, подготовленный группой ученых Всемирной организации здравоохранения⁹. В работе описывается, как пропуск работы по болезни влечет за собой прямые издержки на оплату больничных листов (там, где это предусмотрено) и косвенные издержки, обусловленные снижением производительности во время отсутствия работника.

Таблица

Расчет индекса роста нематериального фактора экономического развития

$I_{\text{роста}} = (I_{\text{в.н.т.р}} + I_{\text{зн}} + I_{\text{зр}} + I_{\text{доходов}} + I_{\text{п.т.р}}) - (I_{\text{с.насел.}} - 1)$	
$I_{\text{зн}}$ — индекс роста уровня занятости населения	Уровень занятости населения, %
$I_{\text{зр}}$ — индекс снижения заболеваемости в регионе	Заболеваемость населения отдельными инфекционными болезнями на 100 тыс. чел. населения
$I_{\text{п.т.р}}$ — индекс роста производительности труда в регионе	Объем товаров, отгруженных на конец отчетного года (тыс. руб.), среднесписочная численность работников на конец года
$I_{\text{доходов за труд}}$ — индекс вознаграждения за труд	Денежные доходы в расчете на душу населения, руб.
$I_{\text{с.насел.}}$ — индекс роста смертности населения трудоспособного возраста	Смертность населения трудоспособного возраста, на 100 тыс. чел. населения в трудоспособном возрасте
$I_{\text{в.н.т.р}}$ — востребованность новых трудовых ресурсов, %	$I_{\text{в.н.т.р.}} = \text{Ур. Труд}_{\text{м.с.}} / \text{Ур. Труд}$, где Ур. Труд — общий уровень трудоустройства, Ур. Труд _{м.с.} — уровень трудоустройства среди молодежи в возрасте от 18 до 29 лет

Индекс роста уровня занятости населения и индекс вознаграждения за труд отражают восстребованность экономикой региона человеческого капитала. Эти показатели наглядно показывают не только спрос на имеющиеся трудовые ресурсы, но и движение экономики к социальному балансу. Применение показателя индекса вознаграждения за труд указывает на желание экономических субъектов удержать уже имеющиеся трудовые ресурсы. Кроме того, этот показатель отражает рост стоимости нематериальных ресурсов региона.

Изменение эффективности использования нематериальных ресурсов, помимо индекса роста производительности труда в регионе, выявляющего эффективность используемого труда, показывает индекс востребованности новых трудовых ресурсов. Этот индекс позволяет увидеть результат инвестиций в образовательный сектор экономики. Снижение спроса на новые трудовые ресурсы свидетельствует о неэффективности инвестиций в их подготовку, так как, не найдя работу, подготовленный специалист не осуществляет отдачу от инвестиций в его образование. Рост этого показателя демонстрирует востребованность специалистов и, как следствие, приводит к повышению эффективности использования человеческих ресурсов. Невостребованность

новой рабочей силы сказывается на эффективности экономики: снижается отдача инвестиций в образование людей, а также повышается нагрузка на бюджет региона в связи с необходимостью их переподготовки и выплаты им пособий. Такой подход к образовательному капиталу подтверждается А. Акулиным, отметившим, что полная динамика затрат и результатов позволяет определить объективную стоимость — цену человеческого капитала по тем или иным видам труда¹⁰.

Предлагаемый обобщенный индекс роста способствует созданию модели развития нематериальных ресурсов региона. При этом такой подход имеет цель выявить общую тенденцию развития региона, а не ее количественное измерение. При количественном измерении наиболее оптимально было бы использовать коэффициенты значимости факторов развития, которые могли бы отразить, в какой степени каждый показатель влияет на экономический рост. В настоящее время отсутствуют научно обоснованные и признаваемые научным сообществом методы расчета коэффициента значимости нематериального фактора развития региона.

Предлагаемый подход к измерению развития нематериальных ресурсов региона необходимо рассматривать с учетом исторического этапа развития экономики и общества. Так как общество и экономика развиваются эволюционно, а виды необходимых ресурсов меняются, то предложенные показатели измерения требуют постоянного дополнения их факторами роста, более актуальными для определенного времени и конкретного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Соловьева Т.В. Идеи экономического районирования в исторической ретроспективе // Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 49.

² См.: Фабрично-заводская промышленность и торговля России / под ред. Д.И. Менделеева. Репринт. изд-е 1893 г. СПб.: Альфарет, 2009. 754 с.

³ См.: Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М.: Изд-во «Мысль», 1969. 336 с.

⁴ См.: Tuenen H. von Der Isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationaloekonomie. 1826; Launhardt W. Die Bestimmung des Zweckmasigsten Standort Einer Gewerblichen Anlage // Zeitschrift des Vereins des Deutscher Ingeniers. 1882. В. XXVI. № 3; Вебер А. Теория размещения промышленности. Проблема промышленного штандорта. М., 1926; Леш А.

Географическое размещение хозяйства. М.: Наука, 1959. 455 с.; Christaller W. Die zentralen Orte in Sdddeutschland. 1933; Айзард У. Методы регионального анализа. М.: Прогресс, 1966. 660 с.

⁵ См.: Стюарт Т.А. Интеллектуальный капитал. Новое благосостояние организаций. N. Y.: Doubleday; L.: Currency, 1997.

⁶ См.: Мильнер Б.З. Управление знаниями в современной экономике: науч. тр. (автор. колл.) // Междунар. академия менеджмента. 2006.

⁷ См.: Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. № 70. P. 65—94.

⁸ См.: Шабашев В.А., Шорохов С.И. Особенности влияния образовательного капитала и капитала здоровья на экономический рост в регионах различной хозяйственной специализации // Регион. экономика и практика. 2010. № 38.

⁹ См.: Сухрке М., Рокко Л., Макки М., Мазуко С., Урбан Д., Стеинхер А. Экономические последствия неинфекционных заболеваний и травм в Российской Федерации // Всемир. организация здравоохранения. 2008.

¹⁰ См.: Акулин А. Экономика образования. М.: Прогресс, 1998.

Поступила 05.09.12.

И. В. МОРОЗОВ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: сеть, регион, предпринимательские структуры, кластеры, интеграция, принципы

Key words: network, region, entrepreneurship structures, clusters, integration, principles

Регионализация — один из глобальных процессов определения трендов развития территориальных образований. В научной литературе под регионализацией понимают развитие экономических, политических, социально-культурных и других связей между странами одного региона или возникновение региональных объединений (блоков) государств¹. Но такое определение недостаточно полно характеризует понятие «регионализация». В процессах регионализации активное участие принимают субъекты макроуровней (государства) и мезоуровня (регионы). Положительным результатом реализации стратегии регионального развития стало появление новых экономических регионов — территориальных образований с высокой степенью конкурентоспособности. Это базис повышения конкурентных позиций национальной экономики в целом. К таким формам экономической организации относят предпринимательские сетевые структуры, или кластеры.

Экономика, которая формируется на основе сетевых структур, представляет собой модель конкурентоспособной инвестиционно-привлекательной экономики. Сетевые структуры основаны на принципах конкуренции и сотрудничества, «коллективной эффективности», «гибкой специализации», использования эффектов масштаба и полюса роста². Они являются источниками и факторами экономического роста территорий. Это требует поиска новых форм и подходов к региональному менеджменту. Сетевые структуры, представленные в регионе, показаны на рисунке.

В современных условиях меняется система регионального управления, например, в сторону более широкого использо-

МОРОЗОВ Иван Владимирович, аспирант кафедры национальной и региональной экономики Российского экономического университета (г. Москва).

вания сетевых структур, которые в системе регионального управления представляют собой организационные структуры, где возникает двойная подчиненность и межуровневое взаимодействие, причем одни и те же субъекты могут играть роль управляющих органов, вступать в сетевое взаимодействие для решения хозяйственных и социальных задач отдельного региона. Сетевые структуры (промышленные зоны и парки, партнерства, кластеры, ассоциации) можно отнести к системе регионального управления по наличию региональных отделений, представительств, филиалов; по участию (членству) представителей местных органов власти в большинстве этих структур; по ограниченности отдельной четко определенной территорией и т. д.

Рисунок. Сетевые структуры, представленные в регионе (пунктиром выделены сетевые структуры, входящие в систему регионального управления)

Наиболее распространены сетевые структуры на вертикально интегрированных предприятиях, производящих конкурентоспособные товары и услуги, а также использующих внутренние ресурсы региона (транснациональные компании, холдинги, синдикаты, конгломераты, концерны).

Следует отметить, что каждая из форм сетевых структур, входящих в систему регионального управления (выделены

пунктиром на рисунке), определяется совокупностью своих составляющих, условиями и факторами, использование которых дает дополнительные «импульсы» для регионального управления. Функционирование сетевых структур в регионах позволяет оперативно решать «приграничные» проблемы на местном уровне, создавать гибкие хозяйственные структуры с привлечением внешних инвестиций для строительства и расширения инфраструктуры, а также налаживать приграничную торговлю и туризм, сотрудничество в культурной, социальной, природоохранной и других сферах.

Кластеры выступают основой эффективного экономического развития регионов, способствуют улучшению развития государства и представляют собой добровольное, отраслевое, территориальное объединение предпринимательских структур, тесно сотрудничающих с научными (образовательными) учреждениями, общественными организациями и органами местной власти для повышения конкурентоспособности собственной продукции и содействия экономическому развитию региона³.

Региональное экономическое развитие на базе создания и стимулирования кластеров предполагает инициативу и активность бизнеса, а также совместные усилия бизнеса, исполнительной и законодательной власти. Роль, которую играют бизнес и власть при создании и развитии отраслевых кластеров, различна, но взаимодополняюща. Один из способов развития кластеров — экономические и социальные программы региональной администрации. Сегодня этот процесс активно идет за рубежом. Для организации кластера требуется высокая степень доверия участников по отношению друг к другу, а также длительное горизонтальное планирование экономического процесса.

Промышленный парк — территория, выделенная при планировании города для промышленного развития. Часто промышленные парки создаются в рамках программ экономического развития, а предприятиям в них предоставляют определенные льготы. Целями создания промышленных парков являются введение новых моделей привлечения инвестиций в производственную и хозяйственную деятельность, обеспечение диверсификации существующей структуры производства региона, развитие современной производственной и рыночной инфраструктуры, создание условий для экономического роста территорий⁴.

Цели создания ассоциации — консолидация усилий по продвижению на внешних рынках конкурентоспособной продукции российских компаний, слияние научных и производственных потенциалов Российской Федерации для создания продукта, отвечающего международным стандартам и условиям для дальнейшего эффективного развития региона.

Следует отметить, что внедрение кластеров в регионах является необходимым условием для развития экономики территорий. Успешные предприятия сильно влияют на ближайшее окружение (поставщики, конкуренты, покупатели), а удачные сделки экономических субъектов делового окружения переносят свои достижения на повышение конкурентоспособности предприятий-лидеров сетевых структур. В результате создается предпринимательская сетевая структура (кластер) — объединение хозяйствующих субъектов, тесно взаимодействующих между собой и способствующих повышению конкурентоспособности друг друга. Активные процессы становления и развития предпринимательских сетевых структур, улучшение их работы и увеличение их количества играют основную роль в развитии экономики региона. Кластерный подход обуславливает устойчивое и комплексное развитие территорий и создает конкурентные преимущества для потенциальных предприятий кластера.

Одним из главных преимуществ внедрения кластерного подхода является сохранение доли рынка предприятий в условиях сложной экономической ситуации. Кластерный подход имеет ряд преимуществ⁵.

Механизм создания сетевых структур, или кластеров, обеспечивается благодаря территориальной близости субъектов хозяйствования; технологическому и организационно-экономическому родству потенциальных предприятий-участников; наличию ресурсной базы (природоресурсный потенциал влияет на отраслевую специализацию региона, а от качественного использования ресурсов зависит темп социально-экономического развития)⁶; развитой соответствующей инфраструктуре; синергии внутренних интеллектуальных ресурсов организации и ее внешних возможностей (знания персонала, навыки и т. д.); внедрению инновационных технологий; взаимодействию с научно-исследовательскими учебными заведениями; привлечению инвестиций (иностранные инвесторы преимущественно вкладывают

свой капитал в инвестиционно-привлекательные регионы, которые характеризуются небольшим риском, значительной поддержкой предпринимательских структур со стороны представителей власти и надежным законодательством); наличию трансформационных процессов в экономике; поддержке властных структур.

Эффективность сетевых структур заключается в том, что они дают возможность регионам успешно налаживать сложную систему взаимосвязанных экономических и социальных факторов. Именно высоко интегрированные предпринимательские структуры, финансово-промышленные группы, кластеры и др. являются основным двигателем роста экономики региона, производят мультипликативный эффект на прилегающие территории, поэтому на нынешнем этапе развития экономики изучению сетевых систем должно уделяться значительное внимание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Ин-т новой экономики, 1998. С. 328.

² См.: Цисинская О.Б. Формирование и развитие сетевых структур как фактор обеспечения конкурентоспособности региона // Экон. науки. Сер.: Регион. экономика. 2010. Вып. 7. Ч. 5. С. 151—160.

³ См.: Мирзодаева Т.В. Кластерный подход в повышении эффективности экономического развития предприятий в условиях глобализации // Культура народов Причерноморья. 2005. № 59. С. 139—140.

⁴ См.: Промышленный парк. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 21.08.2012).

⁵ См.: Билега О.В. Формирование конкурентоспособных предпринимательских сетевых структур в качестве ключевых элементов экономики страны и региона // Экон. науки. Сер.: Регион. экономика. 2010. Вып. 7. Ч. 2. С. 31—38.

⁶ См.: Семенов В.Ф., Проценко Т.А. Региональная экономика: учеб. пособие. Киев: МП Леся, 2009. 708 с.

Поступила 03.09.12.

И. Ф. ДЕДКОВА

Т. И. ПЕТРОВА

А. В. МАХОРТОВА

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Ключевые слова: человеческий капитал, воспроизводство, воспроизводственная структура региона, элементы человеческого капитала, социально-экономическое развитие региона, здравоохранение, культура, образование

Key words: human capital, reproduction, reproductive structure of the region, human capital elements, social and economic development of the region, health care, culture, education

Изучение человеческого капитала особенно актуально в условиях провозглашенной концепции инновационного развития и модернизации экономики Российской Федерации. Возросший интерес к воспроизводству человеческого капитала в рыночной экономике обусловлен тем, что именно созидательные способности человека, его интеллектуальная деятельность (а не только оборудование и производственные запасы) являются определяющим фактором повышения конкурентоспособности региона, его экономического роста и эффективности экономики страны в целом.

ДЕДКОВА Инна Федоровна, доцент кафедры прикладной экономики и управления персоналом Кубанского государственного университета, кандидат экономических наук.

ПЕТРОВА Татьяна Игоревна, студентка 4 курса экономического факультета Кубанского государственного университета.

МАХОРТОВА Анастасия Владимировна, студентка 4 курса экономического факультета Кубанского государственного университета.

Человеческий капитал — сформированный в результате соответствующих инвестиций и накопленный индивидом определенный потенциал здоровья, знаний, умений и навыков, а также социальных характеристик (духовных, нравственных качеств, ценностных ориентаций), который используется в условиях рыночной экономической системы в различных сферах общества, обеспечивает повышение производительности труда, эффективности производства, национальной конкурентоспособности и влияет на величину доходов данного индивида¹.

Для получения наибольшего эффекта от вложения инвестиций в человеческий капитал необходимо проанализировать его воспроизводственную структуру и понять, какой элемент наиболее выгодно инвестировать. Структура человеческого капитала представляет собой единство трех капиталов: здоровья, образования и культуры.

Человеческий капитал здоровья состоит из наследственной и приобретенной частей. В течение жизни человека этот капитал изменяется. Главная цель инвестиций в человеческий капитал здоровья — продление периода активной жизнедеятельности человека. Инвестиции в капитал здоровья — база для человеческого капитала, так как они продлевают трудоспособный период жизни человека. Здоровье общества оказывает большое влияние не только на экономическое развитие государства, но и служит фактором национальной безопасности. Этот вид капитала зависит от образа жизни человека, развития здравоохранения и спорта в стране. Средой воспроизводства капитала здоровья является система здравоохранения государства. Характерная черта капитала здоровья человека — увеличивающийся с годами его износ. Именно поэтому государству важно создать эффективную систему, состоящую из системы здравоохранения, а также различных программ, обеспечивающих сохранение, поддержание и восстановление здоровья нации.

К первой составляющей *человеческого капитала образования* относятся профессиональные знания, умения и навыки. С учетом изменений, происходящих в российской экономике, они становятся другими. В современных условиях знания, как и труд, выступают источником стоимости, так как они являются основой любой практической деятельности. В связи с сокращением рабочего времени и снижением роли

труженика знания и способы их практического применения играют роль источника прибавочной стоимости².

Главное качество специалиста — умение непрерывно пополнять, развивать и совершенствовать свои знания в процессе производства. Эти способности в условиях новой образовательной парадигмы являются предметом совершенствования и составляют второй элемент человеческого капитала образования. К третьему элементу относятся менеджерские и предпринимательские навыки, например, самоорганизация, позволяющая работнику самостоятельно совершенствовать свои знания и принимать решения в нестандартных ситуациях.

Степень включенности в корпоративную культуру — четвертый элемент структуры человеческого капитала образования. Это умение представляет собой набор правил и норм как профессиональной и деловой этики, так и организационного поведения, социально-психологических особенностей и морально-нравственных ценностей, развиваемых средой организационной культуры, которые можно охарактеризовать как «умение работать в команде». Пятый элемент составляют необходимые для той или иной профессии умения: владение иностранными языками, работа с офисными программами и т. д.

Средой воспроизводства капитала образования является государственная система образования. Современное образование должно быть посредником, осуществляющим преобразование первоначальных задатков человека в качества, пользующиеся спросом на рынке труда. В России система общего и профессионального образования представлена государственными и негосударственными общеобразовательными учреждениями, учреждениями дополнительного образования детей и начального профессионального образования, государственными и муниципальными учреждениями среднего профессионального образования, учреждениями высшего образования (государственные и негосударственные вузы).

Культурный капитал — это языковая и культурная компетенция человека, своеобразное богатство в форме знаний и идей, которые легитимируют статусы и власть, поддерживают установленный социальный порядок, существующую в обществе иерархию. Культурный капитал состоит из интеллектуальной, образовательной, морально-нравственной,

символической и социальной культуры. Инвестиции в капитал культуры имеют большое социальное значение. Они повышают склонность человека к коммуникации, создают предпосылки для более успешной профессиональной подготовки, способствуют передаче культурного наследия из поколения в поколение. Средой воспроизводства капитала культуры является система культуры государства. Его финансирование — это обеспечение необходимыми государственными и региональными финансовыми ресурсами составляющих культурно-образовательного процесса.

Воспроизводство каждого из элементов человеческого капитала необходимо для обеспечения устойчивого развития региона и государства в целом. Для этого в России реализуются федеральные целевые программы.

Здравоохранение является одним из приоритетных направлений развития РФ. Для его реализации разработан национальный проект «Здоровье». Необходимо также отметить федеральные целевые программы «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями» и «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации».

Для улучшения качества образования разработана «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г.». С 2011 по 2025 г. планируется довести объем финансирования образования до уровня не менее 10 % от ВВП, в том числе за счет бюджетов всех уровней (не менее 8 % от ВВП), из них за счет средств федерального бюджета — не менее 1,5 % ВВП (не менее 9 % от расходной части федерального бюджета)³. Кроме того, реализуется Федеральная целевая программа развития образования на 2011—2015 гг., цель которой — обеспечение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного социально ориентированного развития РФ.

Государство финансирует воспроизводство человеческого капитала через систему федеральных целевых программ. Пример такой программы — Федеральная целевая программа «Жилище». Обеспечение граждан доступным и комфортным жильем позволит снизить социальное напряжение в семьях, так как отсутствие жилья ведет к разладу в семьях и снижает общий уровень культуры.

В соответствии с данными Федерального казначейства и Росстата составлен «Рейтинг субъектов РФ по динамике

расходов консолидированных бюджетов на образование, здравоохранение, физическую культуру и спорт»⁴. Первую строчку в рейтинге занимает Пензенская область, увеличившая в 2011 г. на 68,4 % расходы консолидированного бюджета на образование, здравоохранение, физкультуру и спорт. Доля этих расходов в консолидированном бюджете области составила 45 %. Также в десятку лидеров вошли Чеченская и Карачаево-Черкесская республики, республики Коми и Мордовия, Смоленская, Тамбовская, Самарская области, Чукотский автономный округ, Алтайский край. Краснодарский край занял 75-ю строчку рейтинга, увеличив инвестиции в воспроизводство человеческого капитала на 23,32 %. Таким образом, доля этих расходов в консолидированном бюджете края составила 38,0 %.

В рамках Федеральной целевой программы на строительство спортивных сооружений в Краснодарском крае в 2011 г. выделено 3,2 млрд руб. (2,9 млрд руб. — из краевого бюджета). Эти цифры значительно превзошли показатели 2010 г., когда на те же цели выделялось 2,7 млрд руб. (2,5 млрд руб. — из краевого бюджета). Также увеличилось финансирование физической культуры и спорта с учетом муниципальных образований. Если в 2010 г. на эти цели было выделено 7 млрд 128 млн руб., то в 2011 г. — 8 млрд 814 млн руб.⁵

Помимо Федеральной целевой программы «Образование», в регионе также реализуются краевые долгосрочные целевые программы. Следует особо выделить программу «Развитие системы дошкольного образования Краснодарского края на 2010—2015 годы». Ее реализация позволит построить более 20 новых детских садов и создать свыше 8,5 тыс. дошкольных мест. Программа «Создание развивающей среды и укрепление материально-технической базы дошкольных учреждений» позволила приобрести и наполовину обновить игровое и спортивное оборудование детских садов. Расход на эти цели составляет 85,5 млн руб. Дошкольное образование — одно из приоритетных направлений в системе образования Кубани. Предстоит решить много проблем, связанные с его модернизацией.

Жилищная проблема в Краснодарском крае — одна из наиболее острых социальных проблем. По обеспеченности жильем на душу населения регион занимает 69-е место в

России. В улучшении жилищных условий только из числа зарегистрированных граждан нуждаются почти 128 тыс. семей, при этом первые очередники состоят на учете еще с 60—70-х гг. XX в. Чтобы обеспечить жильем только очередников, необходимо построить 7 млн м² жилой площади (при социальной норме предоставления жилых помещений в среднем 54 м² на семью). Для комплексного решения проблемы развития жилищной сферы и формирования рынка доступного жилья в регионе действует Краевая целевая программа «Жилище».

С 2005 по 2011 г. более 68 тыс. жителей Кубани приобрели или построили квадратные метры жилой площади с помощью жилищных ипотечных кредитов на сумму 70,2 млрд руб. Почти каждый пятый житель Кубани, получивший такой кредит, улучшил свои жилищные условия с помощью государства. За время реализации программы «Жилище» с 2005 по 2011 г. господдержку получили более 14 тыс. семей на сумму 4,3 млрд руб., в том числе в рамках краевых и федеральных программ более 5 тыс. молодых семей предоставлена бюджетная поддержка на сумму более 1,4 млрд руб.

В 2012 г. господдержка осуществляется посредством социальных выплат отдельным категориям граждан, в том числе молодым семьям, с целью оплаты первоначального взноса при получении ипотечного жилищного кредита на приобретение и строительство жилья; молодым семьям в соответствии с подпрограммой «Обеспечение жильем молодых семей» Федеральной целевой программы «Жилище» на 2011—2015 гг.; физическим лицам, открывающим вклады (счета) в кредитных организациях с целью накопления средств для улучшения жилищных условий («Накопительная ипотека»).

В 2011 г. на социальные выплаты из краевого бюджета выделено 694 млн руб., в том числе для молодых семей — 146 млн руб. В рамках этих средств претендентам выдано 1 658 свидетельств о праве на социальную выплату. В 2011 г. 1 656 семей получили из краевого бюджета социальные выплаты на сумму 660,9 млн руб. (365 молодых семей — 133,5 млн руб.).

По итогам конкурсного отбора субъектов РФ для участия в 2011 г. в реализации подпрограммы Краснодарский край получил 25 млн руб. из федерального бюджета. С уче-

том софинансирования из краевого и местного бюджета (44 млн руб.) на ее реализацию в 2012 г. предусмотрены 69,2 млн руб. Эти средства распределены между 27 муниципальными образованиями края, участвующими в подпрограмме. В сводный список претендентов на получение социальных выплат по Краснодарскому краю включены 117 молодых семей⁶.

Реализация программы «Накопительная ипотека» начата в октябре 2011 г. В настоящее время ведется прием заявлений граждан. За консультацией обратилось более 30 тыс. чел., более 1 300 семей подало документы на участие в программе. Граждане получили первые социальные выплаты уже в I квартале 2012 г.

В Краснодарском крае за последние годы созданы все необходимые условия для существенного роста объемов жилищного строительства. Появились коммерческие фирмы и компании (особенно в крупных городах, таких как Краснодар, Новороссийск, Анапа, Геленджик, Сочи), стабильно наращивающие объемы жилищного строительства и формирующие конкурентную среду на рынке жилья. Накоплен опыт реализации крупномасштабных проектов строительства жилья, позволяющий улучшить условия и качество жизни населения, предотвратить чрезвычайные ситуации, обеспечить эффективное функционирование рынка жилья.

Таким образом, все элементы воспроизводственной структуры человеческого капитала в России (как на федеральном, так и на региональном уровне) нуждаются в дальнейшем развитии и увеличении инвестирования. По здоровью необходимо проводить профилактические мероприятия, заниматься охраной детского здоровья, а также повышать квалификацию медицинского персонала. По образованию следует совершенствовать систему школьного образования, гармонично сочетать естественные и гуманитарные знания. По культуре требуется вкладывать инвестиции в творческое и нравственное развитие подрастающего поколения. Особое внимание необходимо обратить на обеспечение жильем. Нужно стремиться к включению Краснодарского края в число наиболее успешных регионов России по воспроизводству человеческого капитала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Трунин С.Н. Экономика труда: учебник. М.: ЗАО «Издательство „Экономика“», 2009. С. 112.

² См.: Вольвач В.Г. Структура человеческого капитала: социологический аспект // Актуальные методологические и теоретические проблемы в российской науке: сб. науч. тр. Омск: Изд-во Омск. экон. ин-та, 2006. Ч. 1. С. 123—128.

³ См.: «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 20125 года». URL: <http://www.dvgu.ru/umu/zakrf/doktrin1.htm> (дата обращения: 23.04.2012).

⁴ См.: РИА-Аналитика по данным Федерального казначейства и Росстата. URL: <http://www.ria.ru> (дата обращения: 22.04.2012).

⁵ См.: Информационный портал. URL: <http://www.subscribe.ru> (дата обращения: 23.04.2012).

⁶ См.: Департамент по финансовому и фондовому рынку Краснодарского края. URL: <http://www.finmarket.kubangov.ru/bank/ipoteka/zh> (дата обращения: 24.04.2012).

Поступила 02.05.12.

Н. Н. БУТРЮМОВА

Д. В. СИДОРОВ

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ В ИННОВАЦИОННЫЕ КОМПАНИИ НА РАННИХ СТАДИЯХ ИХ РАЗВИТИЯ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: финансирование, инновационные проекты, ранние стадии
Key words: financing, innovative projects, early stages

В условиях конкуренции инновационной деятельностью вынуждены заниматься все компании. Особенно это важно для малого бизнеса. В процессе своего развития малые инновационные компании (МИП) проходят несколько стадий, на каждой из которых возникает потребность в финансировании. Именно вопросы финансирования считаются ключевыми для решения вопроса развития МИП.

Если рассматривать инновационный проект как объект финансирования, то можно выделить семь стадий инвестирования венчурного капитала: посевной капитал, стартовый капитал, ранняя стадия инвестирования, вторая стадия инвестирования, расширяющий (развивающий) капитал, выкуп фирмы ее или сторонними менеджерами, мезонинное инвестирование¹.

БУТРЮМОВА Надежда Николаевна, доцент кафедры венчурного менеджмента Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат экономических наук.

СИДОРОВ Дмитрий Викторович, эксперт Управления инновационными системами Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В качестве ранних стадий развития инновационных компаний мы рассматриваем предпосевную «pre-seed» и посевную «seed» стадии, старт «start-up», ранний рост «early growth».

Но не все стандартные формы финансирования актуальны для МИП. В качестве внешних источников финансирования на ранних стадиях развития МИП могут выступать 3F (family, friends, fools), частные инвесторы (бизнес-ангелы) и их ассоциации, государственные грантовые программы, фонды посевных инвестиций, специализированные фонды венчурных инвестиций в ранние стадии развития². Практически все эти источники в той или иной форме вкладывают средства в малые инновационные компании. В марте 2012 г. нами исследовались объекты инновационной инфраструктуры Нижегородской области на предмет выявления проблем привлечения финансирования в инновационные компании на ранних стадиях их развития.

Мы предположили, что, несмотря на наличие достаточно развитой инновационной инфраструктуры в Нижегородской области по сравнению с другими регионами, есть ряд проблем, препятствующих привлечению финансирования в инновационные проекты на ранних стадиях. Это предположение основано на результатах уже проведенных исследований. Анализ их результатов³ показал, что для более качественной оценки проблем привлечения финансирования в инновационные проекты на ранних стадиях развития следует также провести опрос представителей инвестиционных и консалтинговых структур Нижнего Новгорода в качестве представителей организаций инновационной инфраструктуры, способствующих созданию и развитию инновационных компаний.

В ходе полуструктурированного полужформализованного интервью опрошены представители нескольких инвестиционных и консалтинговых структур Нижнего Новгорода: Нижегородский инновационный бизнес-инкубатор; Конкурс «Бизнес инновационных технологий»; центры трансфера технологий ННГУ им. Н. И. Лобачевского, ВГАВТ; конкурсы СТАРТ, РОСТ; Ассоциация бизнес-ангелов «Стартовые Инвестиции»; «МАРЧМОНТ Капитал Партнерс» (частная инвестиционная консалтинговая компания); Региональный венчурный фонд Нижегородской области. В таблице даны основные результаты интервью.

Краткие результаты исследования

Вопрос	Ранжированный ответ (от наиболее к наименее часто встречающемуся)
На какой стадии должен находиться инновационный проект, претендующий на финансирование от Вас?	seed startup pre-seed early growth
Как Вы считаете, с чем связана плохая проработанность проблемных частей заявки?	Недостаток опыта, компетенций Недостаток информации (требований к заявкам) Сложности с получением информации о рынке из-за его закрытости Нет уверенности в идее, «подкрашенной» фактами
Какие вопросы чаще всего плохо прорабатываются в технической части идеи?	Аналоги Интеллектуальная собственность Серийное производство
Какие вопросы чаще всего плохо прорабатываются в коммерческой части идеи?	Оценка рынка Модель монетизации Финансовая часть
В какой поддержке чаще всего нуждаются проекты?	Маркетинг Финансы Поиск инвестора Управление Продажи
Какие разногласия встречаются чаще всего?	Распределение долей Правообладание Управление Оценка стоимости компании

Результаты исследования показали, что на территории Нижнего Новгорода есть «дефицит» инвестиционных и консалтинговых структур на стадии раннего роста. Это говорит о том, что проектам, достигшим определенного уровня «зрелости» и готовым развиваться дальше (переходить на серийное производство), сложно получить финансирование на дальнейшее развитие из-за конкуренции инновационных компаний, вызванной отсутствием достаточного количества альтернативных инвестиционных и консалтинговых структур на этой стадии.

Представители инвестиционных и консалтинговых структур отметили низкое качество поступающих к ним заявок. При более детальном рассмотрении этой проблемы выявлено, что практически во всех поступающих заявках плохо проработана и описана коммерческая часть проекта. Респонденты отмечают, что в большинстве случаев это вы-

звано недостатком информации, опыта и соответствующих компетенций в команде проекта.

Практически все проекты, нуждающиеся в финансировании, вынуждены тратить дополнительное время и ресурсы на переработку заявок и тем самым лишаться возможности получения финансирования или поддержки со стороны инвестиционных и консалтинговых структур.

Углубляясь в детальное рассмотрение поступающих проектов, мы отдельно проанализировали степень проработанности технической и коммерческой части проектов. По результатам исследования проработанности технической части проектов респонденты отметили, что в этой области инициаторы проектов мало внимания уделяют рассмотрению аналогов выпускаемого ими продукта. Разработчики часто отмечают уникальность того, что они производят, не подозревая о том, что на рынке уже есть продукты со схожими свойствами и (или) выполняемыми функциями. Как следствие, проекты имеют низкую степень инновационности.

В коммерческой части респонденты отмечают ряд направлений, требующих дополнительного внимания со стороны заявителей: оценку рынка (портрет потребителя и конкурентные преимущества), модель монетизации, финансовые показатели и планы.

Эти направления плохо проработаны в коммерческой части поступающих к ним проектов, что вызвано недостатком информации, опыта и компетенции в командах проектов. Также респонденты отмечают, что участники проектов пренебрежительно относятся к подготовке коммерческой части и мало внимания уделяют проработке проекта в целом.

При рассмотрении коммерческой части проектов респонденты также назвали проблему отсутствия бизнес-мышления у разработчиков команд проектов. Это говорит о том, что участники проектов в основном сосредоточиваются на разработке продукта и не рассматривают возможность его реализации с коммерческой точки зрения. Коммерческая реализация проекта — это один из определяющих факторов при принятии решения о финансировании. Следовательно, этой части проекта должно уделяться не меньше внимания, чем технической.

Разработчики проектов (особенно на самых ранних стадиях) испытывают дефицит опыта и компетенции в области

маркетинга и финансов. Команды проектов в основном сформированы из сотрудников с техническим образованием, не имеющих опыта и знаний в данных областях. Респонденты отмечают, что это связано с излишней самоуверенностью участников команд проектов, а также отсутствием средств на вовлечение в разработку проекта сотрудников сторонних организаций.

При взаимодействии инвестиционных структур с инновационными компаниями возникают разногласия юридического характера. Респонденты отмечают, что самыми распространенными проблемами являются распределение долей и оценка стоимости компании. Эти разногласия вызваны тем, что инновационные проекты, уже получившие финансирование на предыдущих стадиях и достигшие определенных результатов, завышают стоимость компании и предлагают инвестору значительно меньшую долю. Таким образом, проекты упускают возможность получить финансирование от реальных инвесторов и негативно влияют на развитие проекта в целом.

Выявлена проблема, связанная с правами на интеллектуальную собственность. Для поступающих на финансирование инновационных проектов характерна ситуация, когда интеллектуальная собственность проекта не принадлежит его участникам либо не имеет юридической защиты. В таких случаях проекты имеют низкий уровень инвестиционной привлекательности, так как для инвестиционных структур приоритетна интеллектуальная собственность, а не лицензия на нее.

Кроме того, была названа проблема участия инвестиционных структур в управлении портфельным проектом. Представители инновационных проектов по мере его роста не хотят передавать управление инвестиционным структурам. Негативно сказывается на дальнейшем развитии проекта отсутствие достаточного опыта в области управления у большинства разработчиков проектов.

Респонденты отмечают, что перечисленные проблемы во многом связаны с излишней самоуверенностью инноваторов, отсутствием опыта, недоверием к инвестиционным структурам.

В ходе опроса выявлено, что инновационным предприятиям в ряде случаев не хватает информации о требованиях к

заявкам и возможных источниках финансирования. В этом контексте государственным и общественным организациям следует обратить внимание на распространяемый ими контент сайтов (формы поддержки, требования к заявкам и проектам в целом, правовое регулирование), их доступность, структуру, частоту обновления и т. п. Предоставление актуальной информации о требованиях к заявкам, критериях отбора, а также об образцах профессионально проработанных заявок должно привести к улучшению качества поступающих заявок и минимизации элементарных ошибок, допускаемых в процессе их составления.

Также установлено, что низкое качество заявок связано с отсутствием опыта у авторов проектов. Решением этой проблемы может стать привлечение сторонних экспертов, имеющих опыт составления заявок, а также создание бизнес-сообществ, где представители бизнеса успешных проектов и те, кому отказали в финансировании, могли бы делиться опытом, давать оценку проектам и консультировать начинающих участников проектов.

Целесообразна и разработка унифицированной формы заявок на финансирование. Как правило, они подаются в несколько инвестиционных структур, где формы заявок отличаются друг от друга. Их единая форма позволит сэкономить время авторам проектов и сосредоточиться на качественной проработке одного вида заявки.

Актуальна проблема качества подготовки разработчиков инновационных проектов, формирования у них бизнес-мышления. В связи с этим необходимо создание соответствующих кафедр при вузах, появление курсов переподготовки, проведение семинаров, целью которых будет предоставление возможности получить теоретические и практические знания в области инновационного менеджмента и маркетинга. В процессе обучения внимание должно быть сосредоточено на реальных бизнес-кейсах, привлечении к работе студентов в уже действующие проекты. Это поможет участникам будущих проектов на практике закрепить теоретические знания и в будущем использовать их в новых проектах.

Для развития бизнес-мышления предлагается в старших классах школ проводить занятия, на которых школьникам предоставлялась бы возможность в игровой форме рассматривать реальные бизнес-кейсы.

Проблемы коммуникации инвестиционных и консалтинговых структур возникают из-за излишней самоуверенности разработчиков проектов. Это не позволяет им прислушиваться к советам инвестиционных и консалтинговых структур, что негативно сказывается на развитии проекта. Разработчики проектов в большинстве случаев нацелены на освоение средств и разработку продукта, при этом мало внимания уделяется его реализации. Решить эту проблему, на наш взгляд, возможно посредством включения инновационных менеджеров в состав разработчиков проектов. Дело в том, что в процессе разработки проектов представители инвестиционных структур иногда преследуют разные цели. Это вызывает разногласия между ними. Привлечение инновационного менеджера должно минимизировать количество коммуникационных проблем.

Решением этой проблемы также может быть вовлечение в процесс коммуникации между авторами проектов и представителями инвестиционных и консалтинговых структур независимого эксперта — куратора проекта, который занимается оказанием консультационных услуг в процессе коммуникации с инвестором.

Исследование выявило проблемы юридического характера, связанные с распределением долей и оценкой стоимости компании, правообладанием, управлением. В качестве рекомендаций по преодолению проблем юридического характера можно предложить повышение имиджа ассоциаций бизнес-ангелов.

Вследствие распространения в свободном доступе информации об успешном опыте привлечения частного инвестора в проект и их взаимовыгодном расставании будет меняться сознание инноваторов и инвесторов, развиваться бизнес-культура в сфере инноваций. Также на сознание инноваторов и инвесторов может повлиять распространение информации о профессиональных инвесторах, располагающих средствами для инвестирования в новые компании и дорожащих своей репутацией.

Необходимо разработать жесткие правила заключения сделок, а также развивать рынок услуг по оценке интеллектуальной собственности компаний, оказываемых независимыми экспертами высокого уровня.

Если сравнивать результаты прошлых исследований с результатами, полученными в марте 2012 г., то можно отметить, что рассматриваемые проблемы частично пересекаются и требуют системного решения. В отличие от ситуации 2—3-летней давности, когда основной проблемой было отсутствие источников финансирования, сегодня новые механизмы финансирования достаточны для существующего потока проектов. Однако подобное расширение «воронки проектов» приводит к повышению требований к профессиональной компетенции их разработчиков. Выявленные в ходе исследования проблемы говорят о том, что система подготовки специалистов для менеджмента инноваций не справляется со своей задачей. Эта проблема с высокой вероятностью потребует системного решения в ближайшие 2—3 года. В противном случае она станет одним из ключевых факторов, тормозящих развитие инновационной экономики России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Фияксель Э.А. Теория, методы и практика венчурного бизнеса. СПб.: СПбГУЭФ, 2006. С. 109—110.

² См.: Бутрюмова Н.Н. Управление инвестиционной привлекательностью малых инновационных предприятий // Региональные перспективы развития инновационной экономики России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород: ООО «Стимул-СТ», 2011. С. 23—31.

³ См.: Александровский С.В., Бутрюмова Н.Н., Назаров М.Г. Барьеры развития инновационного предпринимательства в Нижегородской области // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 46. С. 21—33; Городникова Н.В., Гостева С.Ю., Гохберг Л.М., Грачева Г.А., Кузнецова И.А., Мартынова С.В., Ратай Т.В., Росовецкая Л.А. Индикаторы инновационной деятельности: 2009: стат. сб. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. 488 с.; Исследование «Барометр „Иннопром“ — 2011 // Урал. междунар. выставка и форум промышленности и инноваций. Екатеринбург, 2011. 68 с.; Конкурируя за будущее сегодня: новая инновационная политика для России. М.: Опора России, 2010. 132 с.

Поступила 26.10.12.

Д. В. КОРМИШКИН

ОРГАНИЗАЦИЯ МАРКЕТИНГОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ РЕГИОНА

Ключевые слова: предприятие, планирование маркетинга, строительная индустрия, миссия предприятия, маркетинговые исследования, сегментирование, позиционирование, маркетинговая стратегия, бюджет маркетинга, комплекс маркетинга

Key words: enterprise, marketing planning, construction industry, enterprise mission, marketing researches, segmentation, positioning, marketing strategy, marketing budget, marketing complex

Современные предприятия работают в условиях постоянного изменения факторов внешней и внутренней среды, что требует новых подходов к управлению их деятельностью. Нестабильность экономических и социальных процессов, жесткая конкуренция, повышение требований потребителей к производимым продуктам, сокращение жизненного цикла товаров усложняют управленческие процессы, а перспективы развития организации становятся менее предсказуемыми. В связи с этим большое значение имеет внедрение в деятельность предприятий идей и технологий стратегического планирования маркетинга.

Разработка стратегического плана предприятия как важного инструмента реагирования на вызовы внешней среды давно стала аксиомой в странах с развитой рыночной экономикой. Умелое использование концептуальных подходов к стратегическому планированию маркетинга в реальной практике обеспечивает успех многим зарубежным компаниям.

Основная цель стратегического планирования маркетинга на промышленном предприятии — поиск конкурентных преимуществ, обеспечивающих не только его выживание, но и устойчивое развитие в долгосрочной перспективе. В на-

КОРМИШКИН Данил Владимирович, аспирант кафедры маркетинга Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

стоящее время лучшие зарубежные компании определили широкий спектр направлений использования стратегического маркетинга. Рассмотрим практику его использования на примере ОАО «Мордовцемент», расположенного на территории Республики Мордовия.

ОАО «Мордовцемент» — крупнейшее предприятие по производству цемента в России. На его долю приходится более 60 % от общего объема производства строительных материалов Мордовии. За 50 лет ОАО «Мордовцемент» произвело 96,5 млн т цемента, который использовался при строительстве гидроэлектростанций на Волге, Каме и ирригационных каналов в странах Средней Азии, возведении портов в Мурманске, Архангельске, Находке и Таллине, строительстве метрополитена в Нижнем Новгороде, заводов КамАЗ и ВАЗ, Чебоксарского тракторного завода, Череповецкого металлургического комбината, а также жилых домов на всей территории страны. За последние пять лет на предприятии проведена реконструкция (в том числе и ввод новых) имеющихся производственных мощностей. Модернизация производства способствовала наращиванию его объемов. Если в 2010 г. произведено 3,8 млн т цемента, то в 2011 г. — 4,6 млн т. В настоящее время ОАО «Мордовцемент» включает в себя четыре предприятия — Алексеевский и Староалексеевский цементные заводы, Алексеевское управление карьером и собственное железнодорожное предприятие¹.

Маркетинговую деятельность в ОАО «Мордовцемент» осуществляет отдел маркетинга и продаж, созданный в 1999 г. для обеспечения адаптации деятельности предприятия к постоянно меняющимся условиям внешней среды и для повышения его конкурентоспособности. В отделе работают 13 чел. (начальник отдела, три его заместителя и девять менеджеров по продажам продукции, которые отвечают за региональные рынки сбыта). Планирование маркетинговой деятельности в ОАО «Мордовцемент» начинается с анализа внешней и внутренней среды. Для выявления и оценки рыночных потребностей специалисты отдела маркетинга и продаж проводят маркетинговые исследования рынка. После анализа факторов внешней и внутренней среды маркетологи предприятия приступают к постановке маркетинговых целей (табл. 1).

Таблица 1

Маркетинговые цели ОАО «Мордовцемент»

Стратегические	Тактические	Оперативные
Рост рыночной стоимости компании. Капитализация активов компании	Увеличение объемов продаж. Рост доходов. Наращивание материальных и нематериальных активов	Формирование гибкой системы цен. Проведение рекламных кампаний. Идентификация имеющихся активов компании. Оценка имеющихся нематериальных активов. Создание предпосылок для наращивания активов компании
Выход на новые рынки сбыта	Проведение маркетинговых исследований новых рынков сбыта. Развитие сбытовой сети	Оценка возможностей и угроз, связанных с выходом на новые рынки. Исследование возможностей существующей дистрибьюторской сети. Инфраструктурное обеспечение дистрибьюторской сети
Увеличение доли рынка на 2 %	Расширение клиентской базы. Увеличение объемов продаж	Привлечение новых клиентов. Повышение уровня сервисного обслуживания клиентов. Снижение себестоимости продукции

После постановки стратегических, тактических и оперативных целей маркетологи ОАО «Мордовцемент» приступают к идентификации потребителей и сегментированию рынков. Сегментацию рынков в ОАО «Мордовцемент» проводят по нескольким критериям: отраслевая принадлежность компании, тип продукта, сфера применения товара, конечное использование продукта, число потребителей и их местонахождение, размеры организаций-потребителей. После проведения сегментации и анализа целевых рынков начальник отдела маркетинга закрепляет за каждым менеджером по продажам определенный целевой рынок. Далее маркетологи планируют позиционирование продуктов на этих рынках. Для этого они определяют, по каким характеристикам продукция ОАО «Мордовцемент» отличается от продукции конкурен-

тов. Главные критерии позиционирования — соотношение качества и цены продукции, ее потребительские свойства, сервисное обслуживание покупателей, имидж компании, квалифицированный персонал и др. Основными способами позиционирования в ОАО «Мордовцемент» являются функциональные, технологические, экологические и другие характеристики продукции, выгодные цены для потребителей и способы использования продукции.

Базовая маркетинговая стратегия ОАО «Мордовцемент» нацелена на обеспечение конкурентных преимуществ предприятия за счет увеличения доли на рынке цементной продукции РФ. Важную роль при этом играет корпоративный бренд. Его наличие позволяет предприятию сохранять устойчивые позиции на отраслевом рынке. ОАО «Мордовцемент» занимает лидирующее положение в Мордовии и третье место по производству и реализации цемента в России.

В соответствии со стратегическими целями и проведенной оценкой своих ресурсных возможностей ОАО «Мордовцемент» в 2012—2013 гг. планирует неплохие объемы продаж основных видов продукции (табл. 2).

Таблица 2

**Планируемый объем продаж основных видов продукции
ОАО «Мордовцемент» на 2012—2013 гг.**

Вид продукции	2012 г.		2013 г.	
	млн т	%	млн т	%
ЦЕМ I 42,5Н	0,68	10,3	0,8	10,8
ЦЕМ II/A-II42,5Н	0,72	11,0	0,9	12,2
ЦЕМ II/A-II32,5Н	0,93	14,0	0,95	12,8
ЦЕМ I 42,5 Б	3,3	50,0	3,6	48,7
ЦЕМ I 42,5 Б1	0,48	7,3	0,55	7,4
ЦЕМ I 32,5 Б	0,36	5,4	0,45	6,0
ССПЦ 400Д0	0,13	2,0	0,15	2,1
Итого	6,6	100	7,4	100

Предприятие в 2012—2013 гг. намерено увеличить доходы на 14,9 и 33,6 % соответственно. Значительную часть доходов (75,3 %) в 2012 г. ОАО «Мордовцемент» получило от реализации портландцемента ЦЕМ I 42,5Н, ЦЕМ I 42,5 Б, ЦЕМ I 42,5 Б1 и ЦЕМ I 32,5 Б. Это возможно благодаря проведенной серии коммерческих переговоров с иностранными и отечественными компаниями и подписанию ряда крупных контрактов на поставку цемента этих марок.

В 2013 г. планируется увеличение доходов компании на 2025 млн руб., или 16,4 %, по сравнению с 2012 г. Этот показатель может быть достигнут посредством планируемого расширения номенклатуры выпускаемой продукции, выпуска новых марок цемента с более высокими технологическими характеристиками.

Специалисты отдела маркетинга ведут товарную политику на основе анализа имеющегося портфеля продукции, целевых рынков, товаров конкурентов, ожиданий и предпочтений покупателей. При этом они активно сотрудничают с отделом НИОКР. В 2011 г. доля новой продукции компании увеличилась до 10 % по сравнению с 2010 г. (7 %). Ценовая политика предприятия разрабатывается с учетом изучения рыночных ситуаций, т. е. во внимание берутся преимущественно цены конкурентов (табл. 3).

Таблица 3

**Цены на основные виды продукции, реализуемой
ОАО «Мордовцемент» и его конкурентами в 2012 г., руб. за 1 т**

Вид продукции	ОАО «Мордовцемент»	ОАО «Воскресенскцемент»	ОАО «Вольскцемент»	ЗАО «Белгородский цементный завод»	ЗАО «Жигулевские стройматериалы»
ЦЕМ I 42,5Н	3500	3400	3450	3550	3600
ЦЕМ II/A-II42,5Н	3600	3500	3550	3630	3700
ЦЕМ II/A-II32,5Н	3300	3250	3280	3340	3400
ЦЕМ I 42,5 Б	3600	3500	3550	3650	3670
ЦЕМ I 42,5 Б (на основе н. к.)	3700	3600	3650	3750	3780
ЦЕМ I 32,5 Б	3800	3750	3780	3840	3860
ССПЦ 400Д0	3600	3530	3570	3660	3690

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что цены на все виды цементной продукции у исследуемого предприятия выше, чем у ОАО «Воскресенскцемент» и ОАО «Вольскцемент». Это связано с более высоким качеством продукции и большими затратами на ее доставку. При этом цены на продукцию ОАО «Мордовцемент» несколько ниже, чем на аналогичную продукцию в ЗАО «Белгородский цементный завод» и ЗАО «Жигулевские стройматериалы», что обусловлено более низкими транспортными расходами.

Средства на продвижение продукции ОАО «Мордовцемент» в 2012 г. зависели от объемов продаж цемента в 2011 г. Такой подход, на наш взгляд, не отражает состояние рыночных процессов и возможности достижения долгосрочных целей завода. Основными средствами продвижения продукции предприятия являются личные продажи и участие в российских и международных специализированных выставках.

Осуществляя планирование сбыта, маркетологи предприятия решают, по каким каналам будет распределяться производимая продукция, куда и в каком количестве она будет отгружена. ОАО «Мордовцемент» планирует отгружать продукцию по прямым и косвенным каналам во многие регионы страны. Значительная часть сбыта цементной продукции в 2012—2013 гг. приходится на предприятия Московской, Ленинградской, Нижегородской, Самарской и Свердловской областей. На их территориях расположены многие крупные строительные объекты, использующие продукцию ОАО «Мордовцемент». Выгодными рынками сбыта также являются предприятия Пензенской, Новосибирской и Челябинской областей. Объем продаж в эти регионы в 2012 г. составил 756,5 млн руб. (в 2013 г. — 1 170 млн руб.).

Для запланированных маркетинговых мероприятий отделу маркетинга и продаж необходимы финансовые средства. Поэтому он тесно взаимодействует с финансовым отделом. Средства на маркетинг утверждаются генеральным директором. Затраты на маркетинговую деятельность в 2013 г. по сравнению с 2010 г. планируются увеличиться на 85,6 %. Это обусловлено необходимостью наращивания объемов продаж предприятия. Наиболее затратные статьи расходов маркетингового бюджета — личные продажи, организация выставочной деятельности и печатная реклама. Следует отметить, что планирование бюджета маркетинга происходит лишь на оперативном уровне управления. Маркетинговый бюджет в ОАО «Мордовцемент» формируется по остаточному принципу, т. е. исходя из того, сколько средств у него останется после решения производственных задач. Такой подход к формированию бюджета маркетинга не способствует достижению стратегических целей маркетинга.

На стратегическом уровне ответственность за планирование маркетинговой деятельности несет генеральный директор, на тактическом — начальник отдела маркетинга и продаж. За

разработку и исполнение бюджета маркетинга также отвечает начальник отдела маркетинга и продаж.

Анализ организации маркетингового планирования в ОАО «Мордовцемент» позволяет констатировать, что на предприятии нет системы стратегического планирования маркетинга; исследования внешней и внутренней среды предприятия проводятся несистематически, что не создает предпосылку для разработки стратегического плана маркетинга; сотрудники отдела маркетинга недостаточно компетентны в области стратегического маркетинга; отсутствует четкое взаимодействие этого отдела с другими функциональными подразделениями предприятия; бюджет маркетинга планируется исходя из объемов продаж продукции в предшествующие годы без учета изменений на рынках соответствующих видов продукции либо по остаточному принципу.

Изменение сложившейся в ОАО «Мордовцемент» ситуации, связанной с организацией маркетингового планирования, нуждается в большей значимости стратегического планирования маркетинга. Для этого необходимо, на наш взгляд, перепроектировать ряд структурных подразделений и изменить их функции. Требуется установить более тесные связи между отделом маркетинга и службами НИОКР для создания новых товаров, обладающих конкурентными преимуществами, а также с отделом сбыта. Оптимизация внешнего взаимодействия предполагает укрепление связей (прямых и обратных) с потребителями продукции и посредниками в целях активизации продаж и выхода на новые рынки сбыта. Это требует использования (наряду с традиционными) новых способов и средств коммуникации (интернет-продажи, видеоконференции, прямой маркетинг по телефону, факсовые рассылки и др.).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Официальный сайт ОАО «Мордовцемент». URL: <http://www.mordovcement.ru> (дата обращения: 23.03.2012).

Поступила 21.05.12.

А. М. ТИՆЬГАЕВ

С. С. АРТЕМЬЕВА

ОСНОВНЫЕ РЫНОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КЛАСТЕРА РЕГИОНА «ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНАЯ СВЕТОТЕХНИКА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОСВЕЩЕНИЕМ»

Ключевые слова: инновационный кластер, светотехнический рынок, энергоэффективность, рыночные тенденции, приоритеты развития

Key words: innovative cluster, lighting engineering market, energy-efficiency, market tendencies, development priorities

Кластер — это территориально-производственная, специализированная (светотехника и силовая электроника) мезо-экономическая система с наличием преимущественно горизонтальных производственно-хозяйственных связей компаний, производящих взаимодополняющие товары и использующих общие ресурсы и инфраструктуру на территории Республики Мордовия. Предприятия и организации кластера дислоцируются на территории городов Саранск, Ардатов, Инсар и р. п. Кадошкино. Объем производства входящих в кластер предприятий и организаций в рамках его деятельности составил в 2009 г. 3,4 млрд руб., в 2010 г. — 4,0 млрд руб.

ТИՆЬГАЕВ Андрей Михайлович, аспирант кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

АРТЕՄЬЕВА Светлана Степановна, профессор кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

в 2011 г. — 4,6 млрд руб. В 2011 г. на предприятиях и в организациях кластера работало 12,7 тыс. чел.

Емкость российского светотехнического рынка оценивается в 45 млрд руб. Предприятия кластера занимают 10 % российского рынка. Около 70 % составляет импорт (без учета комплектующих изделий иностранного производства в составе продукции российских предприятий).

Для российского рынка характерны общемировые тенденции. Основные из них — стремительный рост светодиодного освещения и не такой быстрый, но весьма значительный рост освещения на современных разрядных лампах, которые вытесняют лампы накаливания, лампы ртутные дуговые типа ДРЛ, устаревшие люминесцентные лампы. Учитывая то, что стоимость новых источников света и световых приборов на их основе существенно выше вытесняемых, в кратко- и среднесрочной перспективе ожидается существенный рост светотехнического рынка в стоимостном выражении. Однако, учитывая более высокие эксплуатационные характеристики новых световых приборов (в первую очередь это длительный срок службы), ожидается замедление роста рынка в долгосрочной перспективе.

Предприятия кластера представлены в большинстве сегментов светотехнического рынка и во многих из них занимают лидирующие позиции. Однако их мало или нет вообще в сегментах транспортного и бытового декоративного освещения. В рамках реализации программы развития кластера предполагается войти и в эти сегменты рынка.

Основная тенденция развития мирового и российского светотехнического рынка характеризуется ужесточением требований к энергоэффективности, экологичности продукции и улучшением эксплуатационных характеристик. Объем российского и мирового рынка увеличивается. Согласно исследованию McKinsey & Company, проведенному по заказу Osram, объем мирового светотехнического рынка к 2020 г. составит 110 млрд долл. Участники кластера прогнозируют рост объемов российского светотехнического рынка с имеющихся 45 до 60 млрд руб. в 2016 г. и 80 млрд руб. в 2020 г. В дальнейшем темпы роста снизятся, и к 2025 г. объем российского светотехнического рынка составит 90 млрд руб. Темпы роста во всех сегментах рынка (в бытовом, промышленном, уличном освещении и т. д.) будут примерно одинаковыми.

Объемы производства светодиодных ламп (ретрофитов) и осветительных приборов со светоизлучающими диодами на российских предприятиях пока незначительные, почти полностью они базируются на импортных (Китай, Тайвань, Корея и др.) комплектующих. В ближайшие годы рост объема производства в России будет нестабильным в связи с неконкурентоспособностью по цене с аналогичной импортируемой продукцией от производителей из стран Юго-Восточной Азии. Одной из проблем по импортозамещению энергоэффективных ламп и осветительных приборов является отсутствие в РФ их производства по полному технологическому циклу из-за отсутствия современного автоматизированного оборудования и высококачественных материалов и комплектующих — электронных устройств для запуска люминесцентных ламп ПРА, систем автоматизированного управления.

По прогнозам, среднегодовой темп роста рынка светодиодов составит около 50 %. Перспективы продаж имеют мощные светодиоды, предназначенные для уличного, офисного, промышленного и бытового освещения. Они востребованы производителями светильников, поэтому тенденции развития светодиодного рынка определяются развитием рынка светодиодных светильников. В настоящее время основными их потребителями являются крупные компании с большой долей государственного капитала, а также бюджетные муниципальные учреждения. Общий объем продаж светотехнической продукции в России за 2011 г. составил 1,5 млрд долл. (из них 60 % — потребление импортных светильников). Доля продаж светодиодных светильников составляет 7 % от общего объема продаж, т. е. около 103 млн долл.

Таким образом, основные приоритеты и направления расширения объемов производства продукции кластера зависят от тенденций и основных факторов на рынке. Для расширения рынка якорными предприятиями кластера реализуются масштабные инвестиционные проекты, объем финансирования которых в 2012—2016 гг. предусматривается в размере более 9 млрд руб. Успешная реализация проектов позволит в разы увеличить объем производства якорных компаний, который к 2016 г. превысит 17 млрд руб. Появятся новые крупные компании, в том числе с иностранным капиталом (ООО «Непес Рус», совместное предприятие ОАО «Электровыпрямитель» и SeoulSemiconductor).

Поступила 13.09.12.

Л. А. КАРЯКИНА **МЕТОДЫ АНАЛИЗА
ФАКТОРОВ ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

Ключевые слова: инновация, научно-техническое развитие, инновационный потенциал, статистические методы

Key words: innovation, scientific and technical development, innovative potential, statistic methods

Экономические преобразования в стране затрагивают все сферы деятельности. Важную роль при этом играет научно-техническое развитие. Наиболее гибким индикатором, характеризующим состояние национальной экономики и ее регионов, является инновационная деятельность. Ее высокий уровень свидетельствует о расширении базисных инноваций, об обеспечении инвестиционного подъема и социально-экономического роста. Отсутствие инноваций приводит к быстрому старению производственного аппарата, глубокому инвестиционному кризису и неблагоприятному развитию экономики в целом.

Преобразования, затронувшие российскую экономику в последние десятилетия, сопровождаются существенным снижением инновационной активности: с 60—70 % в 80-е гг. до 20 % в начале 90-х гг. и до 5 % во второй половине 90-х гг. Критерий экономической безопасности страны — пороговое значение доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства на уровне 6 %¹. В России сегодня он не превышает 5,5 %. Такие тенденции характерны для всех регионов России. Приволжский федеральный округ не стал исключением. В связи с этим важной становится задача оценки и анализа инновационного потенциала региона, а также определение факторов, влияющих на его формирование.

Инновационный потенциал как объект инновационной политики представляет собой совокупность ресурсов общественного производства, которая включает в себя материаль-

КАРЯКИНА Лариса Александровна, доцент кафедры товароведения и технологии торговых процессов Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, кандидат экономических наук.

ные, природные, трудовые, финансовые и информационные ресурсы. В составе последних все более важную роль играют знания. Именно от того, как общество или какая-либо система идентифицирует и развивает знания, как создает на их базе ключевые компетенции и трансформирует их в инновации, зависит и достижение поставленных целей, и конкурентоспособность системы.

Определение основных направлений научно-технической политики невозможно без знания закономерностей развития во времени научно-технического потенциала, который обуславливает необходимость учета десятков, а иногда и сотен показателей хозяйственной деятельности. Статистический анализ факторов, определяющих эффективность использования инновационного потенциала региона, существенно затрудняется с увеличением объема решаемых задач. Исследователь вынужден обращаться к методам сокращения размерности исходной системы показателей. Одним из методов многомерного статистического анализа, позволяющих решить эту задачу, выступает факторный анализ, успешно применяемый для исследования экономических явлений. С учетом взаимосвязи между частными характеристиками некоторых сторон изучаемого явления факторный анализ позволяет перейти к рассмотрению обобщающих показателей, количество которых значительно меньше размерности исходной системы.

Установление причинно-следственных связей в экономике — очень сложная задача. Анализ структуры взаимосвязей в системе показателей и классификация элементов статистической совокупности являются важнейшими функциями факторного анализа, но этим его возможности не исчерпываются. Если анализ состава группы исходных показателей, сгруппированных около новой координатной оси, которая определена в процессе факторного анализа, позволяет успешно интерпретировать полученную переменную, то использование такой обобщающей шкалы существенно облегчает сравнение элементов статистической совокупности между собой. Анализ структуры совокупности в системе содержательно интерпретированных обобщающих факторов, на наш взгляд, гораздо полезнее, чем в пространстве обезличенных математических конструкций или в системе отдельных представителей групп коррелирующих показателей.

Существует общеизвестная модель факторного анализа. Она сводится к ортогональному преобразованию исходной системы координат в систему главных компонент, представляющих собой линейные комбинации исходных показателей. Новая координатная система строится таким образом, что каждая очередная компонента ортогональна всем предыдущим и содержит максимально возможную информацию о суммарной дисперсии исходных показателей. Если доля дисперсии, учтенная первыми q -компонентами, достаточно велика, то, исключив из рассмотрения остальные компоненты, можно сократить факторное пространство и сохранить при этом основную информацию о вариации переменных. Описанными свойствами обладают оси координат, направляющими векторами которых являются собственные числа этой матрицы, равные дисперсии новых синтезируемых переменных.

Для анализа и оценки факторов, определяющих инновационное развитие Мордовии, использованы методы факторного анализа. Была рассмотрена задача оценки возможности агрегирования информации. Исходным информационным массивом стали данные 27 основных технико-экономических показателей деятельности 10 организаций и предприятий научно-технического комплекса республики.

X1 — объем научно-технических работ (продукции), млн руб.; X2 — балансовая прибыль, млн руб.; X3 — общая рентабельность, %; X4 — производительность труда, млн руб./чел.; X5 — фондовооруженность труда, млн руб./чел.; X6 — коэффициент обновления основных фондов, %; X7 — коэффициент выбытия основных фондов, %; X8 — среднесписочная численность работников, тыс. чел.; X9 — среднесписочная численность исследователей НИОКР, тыс. чел.; X10 — среднесписочная численность докторов наук, чел.; X11 — среднесписочная численность кандидатов наук, чел.; X12 — затраты на оплату труда исследователей, млн руб.; X13 — коэффициент текучести работников, %; X14 — внутренние текущие затраты на НИОКР, млн руб.; X15 — внутренние капитальные затраты, млн руб.; X16 — объем научно-исследовательских работ, млн руб.; X17 — объем проектно-конструкторских работ, млн руб.; X18 — объем работ по изготовлению опытных образцов, млн руб.; X19 — объем научно-технических услуг, млн руб.; X20 — объем собственных средств на НИОКР, млн руб.; X21 — объем

средств федерального бюджета на НИОКР, млн руб.; X22 — объем средств бюджетов территорий на НИОКР, млн руб.; X23 — объем средств внебюджетных фондов на НИОКР, млн руб.; X24 — количество опубликованных статей и выступлений, ед.; X25 — стоимость системных программных средств, млн руб.; X26 — количество единиц библиотечного фонда, тыс. ед.; X27 — количество использованных изобретений, ед.

Опустив последовательность проведения расчетов, можно сказать, что первые двенадцать компонент учитывают всю дисперсию исходных показателей, а на первые четыре приходится 93,4 % суммарной дисперсии. Можно констатировать, что эти компоненты в первую очередь определяют инновационное развитие регионов.

Из анализа этой группы показателей следует, что они связаны между собой и в рамках имеющегося набора характеризуют с той или иной стороны укрупненную структуру затрат, уровень организации труда и инновационного процесса, способность и возможность привлекать для научно-технической деятельности финансы из разных источников. При этом наряду с преобладающими положительными значениями нагрузок показателей для некоторых из них характерна отрицательная взаимосвязь с первой компонентой. Так, отрицательный коэффициент корреляции первой компоненты с показателем текучести работников показывает, что увеличение этой компоненты приведет к стабильности кадров в регионе. В свою очередь способность формировать широкий спектр финансовой базы исследований и разработок зависит от возможностей организации и охвата всех стадий инновационного процесса, способствующих передаче на рынок научно-технической продукции для потребителя.

Сильные конкурентные позиции на рынке способствуют привлечению заемных финансовых средств из разных источников, что более предпочтительно по сравнению со схемой самофинансирования, о чем также свидетельствует отрицательная взаимосвязь показателя использования собственных средств с анализируемой компонентой. Повышение уровня специализации увеличивает удельный вес внутренних текущих затрат на проведение исследований и разработок и в то же время может привести к экономии на капитальных затратах. Таким образом, следует, на наш взгляд, интерпретировать первую компоненту как уровень

концентрации и организации научно-технической деятельности организаций и предприятий региона.

Во второй компоненте сосредоточено преимущественное влияние десяти показателей, имеющих высокие положительные коэффициенты связи (от 0,690 до 0,923) и образующих определенные однородные подгруппы. Представляется возможным осуществить интерпретацию анализируемой компоненты на основе выявления внутрисистемных связей между составляющими научно-технического потенциала. Уровень подготовки и квалификация кадров (прежде всего, имеющих ученые степени и звания) во многом определяют результаты деятельности в научно-технической сфере (открытия, патенты, статьи и выступления). Способность получать высокие научные результаты благодаря квалифицированным кадрам и аппаратурной оснащенности (о чем косвенно свидетельствует показатель фондовооруженности) повышает заинтересованность заказчика научно-технической продукции, что выражается в увеличении выделяемых средств на исследования и разработки. Специфика ценообразования на научно-техническую продукцию в условиях проводимой налоговой политики позволяет рассматривать показатели выделяемых средств на исследования и заработную плату не столько как фактор затрат, сколько как фактор, обеспечивающий получение высокого научного результата. В целом, на наш взгляд, вторую компоненту можно охарактеризовать как отражающую рыночный спрос на научный результат. Логично было бы определить третью компоненту как характеризующую ресурсообеспеченность и ресурсосбережение инновационной деятельности. Четвертая компонента играет роль обобщающей характеристики экономической эффективности научно-технической деятельности.

Таким образом, в основе изменения выделенных показателей лежит влияние четырех независимых, хорошо интерпретируемых главных компонент (уровень концентрации и организации, рыночная востребованность научного продукта, ресурсообеспеченность и ресурсосбережение, экономическая эффективность). Группировка исходных показателей, полученная при построении независимых характеристик, может служить основой для сокращения статистической отчетности, а также выбора основных направлений при формировании региональной научно-технической политики.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что основное содержание категории научно-технического потенциала раскрывают возможности субъектов научно-технической деятельности осуществлять стадии формирования концепции, проверки ее реализации и разработки новшества. Следовательно, отсутствует прямая причинно-следственная связь между научно-техническим потенциалом и конечным эффектом использования нововведения, поскольку масштабы нововведений и темпы их осуществления определяются не внутренними, а внешними факторами (экономическими и организационными). Поэтому принципиально важно понимать, что методологически правильно говорить лишь об эффективности использования потенциала в области научно-технической деятельности, а не об эффективности его функционирования.

Таким образом, проблема повышения экономической отдачи научно-технической сферы Республики Мордовия заключается в реструктуризации самой системы исследований и механизме реализации инноваций, а точнее, в способности быстро развернуть эффективное массовое производство, определив перспективные рынки и сконцентрировав усилия разработчиков и исследователей на этих направлениях. Представленный алгоритм анализа факторов, определяющих эффективность использования инновационного потенциала в регионе, положен в основу разработки методики оценки факторов, оказывающих наибольшее влияние на формирование инновационного потенциала предприятий региона. Ее использование позволит более достоверно оценить факторы, ранжировать их по степени влияния на эффективность использования научно-технического потенциала региона.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Глазьев С.Ю. О Концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны. URL: <http://www.glazev.ru/art/2369> (дата обращения: 15.04.2012).

Поступила 01.08.12.

И. В. СОКОЛЬНИК **СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА УСЛУГ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Ключевые слова: рынок услуг, высшее профессиональное образование, тенденции рынка услуг

Key words: service market, higher professional education, service market tendencies

Переход от индустриальной фазы развития экономики к информационному этапу развития отражает приоритет интеллекта по отношению к материальной (сырьевой) основе. В современном мире основные факторы прогресса — не капитал и средства производства, а знания и новые технологии, поскольку именно они способны обеспечить конкурентоспособность экономики страны. Рынку труда, формирующему новые потребности в квалифицированной рабочей силе, должен соответствовать рынок образовательных услуг. Это система экономических отношений между разными субъектами по купле-продаже образовательных услуг. Главная функция этого рынка — быть связующим звеном между производством образовательных услуг и их потреблением¹.

Исследование эволюции рынка услуг высшего профессионального образования позволяет выделить два этапа в его развитии: начало 90-х гг. XX в. — 2003 г., с 2003 г. и по настоящее время.

Первый этап характеризуется рыночными преобразованиями во всех сферах общественной жизни, в том числе и реформами в сфере высшего образования. Принято считать, что именно с этого момента можно говорить о становлении рынка услуг высшего профессионального образования. В процессе реформирования российской экономики государственные вузы оказались вовлечены в рыночные отношения. У них появилось право самостоятельно осуществлять

СОКОЛЬНИК Инесса Владимировна, старший преподаватель кафедры экономического анализа и аудита Арзамасского филиала Российского университета кооперации.

финансово-хозяйственную деятельность и привлекать новые источники финансирования.

В этот период появились первые негосударственные учреждения высшего образования, которые предлагали широкий спектр образовательных услуг и ориентировались на удовлетворение потребностей различных групп населения с учетом востребованных рынком специальностей, места проживания потребителей и ценовой политики. Пока государственные вузы медлили, негосударственные активно осваивали регионы. В тот период спрос на услуги высшего профессионального образования превышал предложение, поэтому происходил неуправляемый рост количества негосударственных вузов, создававших конкуренцию государственным вузам. Это обстоятельство обусловило необходимость ускорения процесса адаптации государственных вузов к рыночным отношениям на основе диверсификации образовательной и научной деятельности. Так, в структуре многих вузов были созданы маркетинговые подразделения, задача которых заключалась в исследовании потребительских предпочтений на рынке профессиональных образовательных услуг. В этот период стремительно увеличилось количество вузов и студентов.

В этих условиях отчетливо проявляется тенденция коммерциализации высшего профессионального образования. Если до 1990 г. в России профессиональное образование было государственной сферой, то с переходом к рыночной экономике его финансирование сместилось в сторону внебюджетных источников. На начальном этапе рыночных реформ высшее профессиональное образование характеризовалось высоким удельным весом сектора платных услуг (к 2003 г. он составлял 62 %). При значительной доле негосударственных вузов (около 40 %) число обучающихся в них составляло лишь 15 % от общего контингента студентов.

Коммерциализация профессионального образования вызывает много споров и дискуссий в научной среде, поскольку эта тенденция имеет противоречивые последствия. С одной стороны, профессиональные образовательные услуги с экономической точки зрения являются общественным благом и поэтому должны быть доступны для населения страны. С другой стороны, нельзя ограничить спрос населения на определенные специальности. Многие эксперты считают опти-

мальным сочетание рыночных и некоммерческих механизмов для системы высшего профессионального образования, а государству необходимо установить границы коммерциализации высшего профессионального образования².

Существенный фактор развития рынка услуг высшего профессионального образования — демографическая ситуация. С 1975 по 1987 г. в России был относительно стабильный период по демографическим параметрам с высоким уровнем рождаемости (15—17 чел. на 1 тыс. чел. населения). Нормой этого времени была семья с двумя детьми. Переломным считается 1987 г., поскольку с 1988 г. наблюдается существенное снижение рождаемости. С этого периода преобладает семья с одним ребенком. В 1994 г. уровень рождаемости значительно снизился (8 рождений на 1 тыс. чел. населения)³. С начала 90-х гг. весьма устойчива тенденция сокращения и старения населения России. Остановить этот процесс не удастся до сих пор. Миграция рабочей силы пока не может решить эту проблему. Выплаты на рождение детей с целью повысить рождаемость дадут прирост трудоспособного населения далеко не скоро. Общий отрицательный прирост населения составляет 0,5 % в год⁴.

Следует отметить, что важным фактором влияния демографии на систему образования является рождаемость, которая свои результаты даст не скоро. Это не только проблема набора школьников и студентов, но и системы подготовки преподавательских кадров для учреждений образования.

В период реформ в условиях ненасыщенного спроса на новые специальности рынок услуг высшего профессионального образования и штат преподавателей продолжал увеличиваться. Оказываемые услуги соответствовали потребностям того времени: среди специальностей преобладали экономика и юриспруденция. В это время еще рано было говорить о перепроизводстве специалистов по гуманитарным специальностям. Тенденция перепроизводства по экономическим и юридическим специальностям появилась лишь спустя несколько лет. Престиж профессионального образования значительно повысился в отличие от дореформенного периода, связанного с плановой экономикой, поскольку с получением высшего образования для работника стал ощутим прирост человеческого капитала. Вузский диплом давал гарантированное повышение заработной платы на 60—70 %

по сравнению с заработком работников с полным общим средним образованием⁵. Работодатели стали рассматривать наличие вузовского диплома как необходимый «атрибут» трудоустройства. Специалисту с вузовским дипломом стало легче диверсифицировать свою трудовую деятельность.

В этот период появляются новые и усиливается ряд старых тенденций развития рынка услуг высшего профессионального образования. Так, становится более заметной тенденция регионализации рынка, обусловленная в значительной степени разным уровнем социально-экономического развития регионов и территориальными особенностями, включая местоположение, ресурсные возможности, демографическую ситуацию, установившиеся межрегиональные и международные связи и др. Ее усилению способствует низкая мобильность населения в связи с дифференциацией уровня жизни населения (в крупных городах он наиболее высокий). Большинство выпускников системы высшего образования остаются работать в регионе⁶.

Приходит понимание того, что формирование государственной образовательной политики должно быть напрямую связано со стратегией развития регионов. Очевидно, что успешное развитие системы высшего профессионального образования «возможно лишь при условии серьезной и целенаправленной поддержки всеми региональными органами власти новых направлений и форм функционирования и развития высших учебных заведений региона, при условии совершенствования управления системой высшего профессионального образования субъекта РФ, которое в состоянии будет обеспечить координацию и интеграцию деятельности вузов, их эффективное взаимодействие с потребителями образовательных услуг, со всеми уровнями региональной системы непрерывного образования»⁷. Поэтому система высшего профессионального образования должна быть ориентирована на удовлетворение потребностей региона в кадрах высшей квалификации и граждан в профессиональном образовании; повышение конкурентоспособности выпускников на региональном рынке труда; развитие системы дистанционного обучения; активное участие региона в развитии системы высшего профессионального образования; расширение диапазона вузовского влияния в решении социальных, научно-технических и экономических задач региона; создание

системы информирования граждан и работодателей о спросе на различные специальности и качестве образовательных услуг в вузах⁸.

Второй этап развития рынка услуг высшего образования можно охарактеризовать как современный или рыночный период. В сентябре 2003 г. на берлинской встрече министров образования европейских стран Россия присоединилась к Болонскому процессу. Этот этап характеризуется выходом услуг высшего профессионального образования на мировой рынок.

Плюсы Болонского процесса очевидны: расширение доступа населения к высшему образованию, улучшение качества европейского высшего образования, увеличение мобильности студентов и преподавателей, а также облегчение трудоустройства выпускников за счет введения системы, позволяющей легко определить уровень подготовки. Выпускники вузов легче трудоустраиваются, так как академические степени и квалификации ориентированы на изменившийся рынок труда. Присоединение России к Болонскому процессу вызвало путаницу с учебными программами: многие работодатели не вполне ясно представляют себе сопоставление западных степеней и российских квалификаций. В большинстве стран, участвующих в Болонском процессе, степень у специалиста отсутствует.

Одной из серьезных проблем интеграции российской системы образования в Болонский процесс является неполная информированность должностных лиц о целях этого процесса, текущем положении образования России и европейских стран. Существует мнение, что переход России на двухуровневую систему может привести к окончательной деградации и развалу всей отечественной системы высшего образования. С другой стороны, присоединение России к Болонскому процессу дает высшему образованию новый импульс развития, способствует его модернизации и появлению дополнительных возможностей для участия вузов России в проектах, которые финансируются Европейской комиссией, а также позволяет студентам и преподавателям принимать участие в обменах с университетами европейских стран⁹.

Выход услуг высшего профессионального образования на мировой рынок актуализировал проблему его качества. Уже в конце 90-х гг. заговорили об ухудшении качества

образования, особенно вузовского. Эта общемировая проблема, о чем свидетельствуют регулярно проходящие с 1993 г. генеральные конференции Международной сети обеспечения качества в высшем образовании. С 1994 г. Советом Европы проводится круглый стол по реформированию высшего образования.

В последнее время проблема качества вузовского образования тщательно обсуждается во многих странах, на международных конференциях, в печатных изданиях. Она получила широкое распространение и огласку, поскольку эта «ступень» профессионального образования за последние десятилетия в несколько раз увеличила объемы выпуска. В России в этом направлении Министерство образования и науки РФ проводит целенаправленную политику по улучшению качества подготовки специалистов в вузе, повышению конкурентоспособности отечественного высшего образования. Благодаря этим усилиям многие вузы начали совершенствовать свои системы управления и приводить их в соответствие с требованиями международных и государственных стандартов. В 2000 г. Министерство образования и науки РФ объявило о проведении конкурса «Внутривузовские системы обеспечения качества подготовки специалистов». Также нашли применение критерии Премии Правительства РФ в области качества, которые базировались на стандартах европейской премии по качеству¹⁰.

Между тем проблема качества высшего образования не может быть решена в ближайшее время. Ряд проблем профессиональной школы (состояние материально-технической базы учреждений высшего образования, старение профессорско-преподавательского состава, слабый внутривузовский менеджмент качества и т. д.) не позволяет подготовить конкурентоспособных специалистов для инновационной экономики.

Проблему качества высшего образования часто связывают с новыми формами обучения, особенно с появлением в образовательном процессе дистанционного обучения¹¹. Вузы в условиях необеспеченного спроса вынуждены искать новые формы реализации профессионально-образовательных услуг. Дистанционное обучение как новая форма обучения представляет собой использование в учебном процессе компьютерных технологий (большая часть образовательной деятельности развивается посредством использования современных

телекоммуникационных и информационных технологий в условиях территориальной разобщенности преподавателя и студента). В последнее время дистанционное обучение, нашедшее свое место в ряде гуманитарных вузов, активно внедряется в образовательный процесс технических университетов. Так, иногда возникает ситуация, когда в учебных лабораториях невозможно отразить вопросы, связанные с современным экспериментом, поскольку современное лабораторное оборудование достаточно дорого и сложно в обслуживании. Выходом из возникшей ситуации является создание виртуальных лабораторных установок, полностью идентичных реальному исследовательскому комплексу по своему внешнему виду и функциональным возможностям. Создание таких виртуальных компьютерных стендов позволяет полностью автоматизировать выполнение лабораторных работ¹². Однако мобильность дистанционного обучения часто достигается за счет снижения качества обучения. Не все обучающиеся приобрели навыки самоорганизации, необходимые для успешного прохождения обучающего курса.

Таким образом, можно выделить такие основные тенденции развития рынка услуг высшего профессионального образования, как коммерциализация, «массовизация», перепроизводство по экономическим и юридическим специальностям, регионализация, ухудшение качества профессионально-образовательных услуг, расширение доступа населения к высшему образованию посредством включения России в Болонский процесс, развитие новых форм обучения.

Очевидно, что для преодоления негативных и усиления положительных тенденций в развитии рынка услуг высшего профессионального образования необходимо формирование его новой парадигмы, отличительными чертами которой должны быть обеспечение предпосылок и гарантий качественного образования для всех; общедоступность; творческий и новаторский характер; практическая направленность образования; соответствие образования потребностям и задачам развития экономики, науки и технологий как на федеральном, так и на региональном уровне; международный характер образования, т. е. сочетание в его организации и содержании лучших отечественных традиций с подходами, признанными в мировой практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кони́на О.В. Перспективы и закономерности развития рынка образовательных услуг // Экон. науки. 2010. Т. 63. № 2. С. 353—356; Лукашенко М.А. Высшее учебное заведение на рынке образовательных услуг: актуальные проблемы управления. М.: Маркет ДС, 2003. 355 с.

² См.: Бабанов Н.Ю., Вихарева О.Н., Озина А.М. Региональная система профессионального образования: проблемы и перспективы развития. Княгинино: НГИЭИ, 2010. 152 с.

³ См.: Васильев В.Н., Гуртов В.А., Питухин Е.А. и др. Рынок труда и рынок образовательных услуг в субъектах Российской Федерации. М.: Техносфера, 2006. 680 с.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Бабанов Н.Ю., Вихарева О.Н., Озина А.М. Региональная система профессионального образования ...

⁷ Бабанов Н.Ю., Зверева И.А., Червова А.А. Проблемы регионализации высшего профессионального образования Нижегородской области. Н. Новгород: ВГИПА, 2003. С. 104.

⁸ Там же.

⁹ См.: Болонский процесс. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%EE%EB%EE%ED%F1%EA%E8%E9_%EF%F0%EE%F6%E5%F1%F1 (дата обращения: 20.10.2012).

¹⁰ См.: Информационно-справочный портал поддержки систем управления качеством (СК ОУ ВПО). URL: <http://www.quality.edu.ru/about/670> (дата обращения: 20.10.2012).

¹¹ См.: Проблемы качества образования. Кн. 6. Общие проблемы качества образования // Материалы XIV Всерос. совещания. М.; Уфа: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 68 с.

¹² См.: Нуждин В.Н., Кадамцева Г.Г., Пантелеев Е.Р., Тихонов А.И. Стратегия и тактика управления качеством образования: метод. пособие. URL: <http://elib.ispu.ru/library/lessons/qme/index.html> (дата обращения: 18.10.2012).

Поступила 31.10.12.

Н. В. ИВАШКИНА

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ
ПО ФОРМИРОВАНИЮ И РАЗВИТИЮ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНЕ¹**

Ключевые слова: этнокультурное образование, организационные формы, общественные организации, взаимодействие, развитие образования

Key words: ethno-cultural education, organisational forms, public organisations, interaction, education development

Уровень развития государственных и общественных институтов Республики Мордовия по сохранению и развитию национальных культур позволяет объединять и консолидировать финно-угорскую общественность. В регионе наметилось несколько направлений взаимодействия государственных и общественных институтов в области развития этнокультурного образования. Опыт работы органов управления образованием и образовательных учреждений, считающих своей основной миссией этнокультурное развитие, позволяет рассматривать республику в качестве модели взаимодействия культур разных народов.

Образовательные учреждения сотрудничают с общественными организациями республики, деятельность которых направлена на объединение и консолидацию финно-угорской общественности. Работой по сохранению и развитию финно-угорских языков, традиций занимается общероссийское общественное движение «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». Основная его деятельность — согласование мероприятий, намеченных различными министерствами и ведомствами финно-угорских регионов РФ, по

ИВАШКИНА Наталия Владимировна, заведующая сектором региональных систем образования НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

сохранению и развитию финно-угорской культуры, языка и традиций. В Мордовии активно работает региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России». В 2007 г. создана некоммерческая ассоциация «Поволжский центр культур финно-угорских народов» (далее — Поволжский центр), которая ведет многопрофильную работу по развитию образования, науки, языков, национальных традиций финно-угорских народов, а также по укреплению дружбы между народами России, международному сотрудничеству в сфере сохранения и развития культур финно-угорских народов.

Организационные формы взаимодействия государственных и общественных институтов по формированию и развитию этнокультурного образования в республике — проведение научно-практических конференций, создание общественных органов при муниципальных общеобразовательных учреждениях, реализация научно-образовательных проектов совместно с ведущими вузами региона, реализация этнокультурных и образовательных проектов совместно с органами государственной власти республики. Так, в республике проводится ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «Этнокультурное образование: опыт и перспективы». Цель конференции — обсуждение актуальных вопросов охранения единства образовательного пространства в полиэтничной России, создания условий для развития родных языков и культур, удовлетворения этнокультурных образовательных потребностей.

Формой создания общественных органов при муниципальных общеобразовательных учреждениях является работающий на базе МОУ «Гимназия № 19» г. Саранска «Республиканский межшкольный центр национальных культур» (далее — Межшкольный центр), в состав которого входят учителя и учащиеся школ Мордовии, представители общественности. Основная его цель — «интеграция педагогических, интеллектуальных, материально-технических и информационных возможностей образовательных учреждений для повышения эффективности воспитания личности созидательного и творческого типа с ориентацией на ценности национальных культур в системе гуманитарного и гуманистического мировосприятия»². Главные направления деятельности Межшкольного центра — поддержка общественных инициатив этнокультурного

образования (подготовка и проведение научно-практических конференций, презентация научно-методической и учебной литературы, организация и проведение этнографических, эколого-туристических экскурсий, походов, экспедиций); реализация программ дополнительного образования; помощь по сохранению и восстановлению школьных музеев, входящих в Межшкольный центр; участие в организации и проведении социологических исследований по изучению этнокультурных процессов³.

Межшкольный центр совместно с Мордовским республиканским институтом образования координирует деятельность сельских национальных школ, а также школ, развивающих этнокультурный компонент образования, и осуществляет взаимодействие образовательной сети по этому направлению.

В рамках Поволжского центра создан Межрегиональный научный центр финно-угроведения, являющийся структурным подразделением Национального исследовательского Мордовского государственного университета и проводящий исследования лингвистических, литературоведческих, исторических, этнографических и других проблем финно-угорских народов. Он консультирует ученых, преподавателей и руководство университета, а также организует мероприятия по обмену опытом и научной информацией (конференции, семинары, симпозиумы, круглые столы и др.).

Министерство по национальной политике Республики Мордовия совместно с исполкомом Межрегионального совета общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, Поволжским центром проводит с руководителями мордовских национально-культурных автономий, объединений, центров семинары-совещания, посвященные исследованию национально-культурного, интеллектуального потенциала мордовского населения субъектов РФ в научно-образовательных и культурно-просветительских учреждениях Мордовии.

По согласованию с Министерством образования Республики Мордовия проводится мониторинг преподавания мордовских языков в школах республики и за ее пределами, который выявляет ряд проблем в этой области. В связи с этим Поволжский центр инициировал подготовку комплектов учебно-методического материала, наглядных пособий для кабинетов родного языка и литературы. Были изданы

национальные календари, выпущены диски с национальной музыкой, плакат «Финно-угорское древо». С помощью Министерства культуры Республики Мордовия впервые выпущен диск «Караоке по-мордовски». Организован и проведен республиканский конкурс сочинений и творческих работ по краеведению и родному языку среди учащихся школ.

В республике появляются различные организационные формы взаимодействия государственных и общественных институтов по формированию и развитию этнокультурного образования. Это взаимодействие не имеет системного характера. Наблюдается разобщенность в деятельности общественных институтов, органов государственной власти, образовательных учреждений. Так, слабо взаимодействуют в этом направлении вузы и общеобразовательные школы. Пассивное участие принимают общественные институты в этнокультурной деятельности образовательных учреждений, особенно дошкольного и общего образования. Следовательно, перспективы развития этнокультурного образования связаны с созданием оптимальной организационной модели взаимодействия различных ее субъектов. Принципами ее создания должны стать согласованность действий, единство целей и задач, академическая интеграция.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья опубликована при финансовой поддержке Минобрнауки РФ. Госзадание № 6.416.21 «Исследование проблем модернизации этнокультурного образования в региональном социуме».

² Акимова З.И. Республиканский межшкольный центр национальных культур как фактор формирования межэтнических отношений и межкультурного сотрудничества // Регионология. 2012. № 2. С. 163.

³ См.: Российское образование: Республика Мордовия (этнокультурное образование) // Библиотечка журн. «Вестник образования России». 2008. № 8. С. 64.

Поступила 17.10.12.

Н. В. ШУМКОВА

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Ключевые слова: этнокультурное образование, этническая идентичность, дети дошкольного возраста
Key words: ethno-cultural education, ethnic identity, pre-school children

Многие социологи и психологи, занимающиеся проблемой этнического самоопределения, отмечают, что этническая идентификация человека проходит несколько этапов, соотносимых с этапами психического развития ребенка. Одним из первых это заметил швейцарский ученый Ж. Пиаже, рассматривавший процесс становления этнической идентичности через призму трех этапов формирования у ребенка когнитивного образа родины (6—7, 8—9 и 10—11 лет). В возрасте 6—7 лет ребенок приобретает первые, еще фрагментарные и несистематичные, знания о своей этнической принадлежности. В дальнейшем результаты многочисленных исследований сдвинули границы появления такой «диффузной идентификации» в сторону раннего возраста (3—4 года), но «практически все психологи согласны с Пиаже в том, что „реализованной“ этнической идентичности ребенок достигает в младшем подростковом возрасте, когда рефлексия себя имеет для человека первостепенное значение»². Именно поэтому рассматриваемой проблеме формирования этнокультурной идентичности в рамках дошкольного образования придается большое значение.

По мнению Е. С. Бабуновой, цель этнокультурного образования дошкольников — введение ребенка в мир народной культуры. Эту цель она конкретизирует в таких задачах, как «способствовать расширению и углублению знаний

ШУМКОВА Наталья Викторовна, старший научный сотрудник сектора социально-экономических программ НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

дошкольников о культуре, истории народов; формировать эмоционально-положительное отношение к этнокультурному наследию; развивать умение отражать этнокультурные традиции в разных видах детского творчества»³.

В последнее время в системе дошкольного образования наметилась тенденция появления программ и курсов, ориентированных на этнокультурный компонент, позволяющий сделать вхождение ребенка в мир народной культуры наиболее естественным и эффективным. Поэтому при введении этнокультурной направленности в образовательный процесс дошкольного образовательного учреждения (ДОУ) следует предусмотреть разработку учебных планов и программ с обеспечением их разноуровневости и вариативности. При этом организация образовательного процесса должна иметь этнокультурную и этнопедагогическую направленность, что обуславливает значимость этнокультурной компетентности педагогов.

По мнению А. Б. Афанасьевой, этнокультурная компетентность — «интегральное свойство личности, выражающееся в освоении совокупности представлений, знаний о родной, а также о неродной этнокультурах, их месте в отечественной и мировой культуре, опыте овладения этнокультурными ценностями, способностях к диалогу культур, их сопоставлению, что проявляется в знаниях, умениях, навыках, моделях поведения в моноэтнической и полиэтнической среде»⁴. Глубокие знания об этнокультурной специфике региона позволяют педагогу ДОУ не только грамотно ориентироваться в этнокультурном образовательном пространстве, но и успешно формировать толерантные межличностные отношения дошкольников. Это определяет пристальное внимание к профессионально-квалификационному росту педагога и мероприятиям, направленным на повышение его этнокультурной компетентности. В частности, большое значение придается участию педагогов ДОУ в муниципальных, региональных и федеральных фестивалях, конкурсах, смотрах этнокультурного характера.

В процессе формирования этнокультурного (особенно поликультурного) образовательного пространства в ДОУ, по мнению Э. К. Сусловой, должен использоваться ряд средств: «общение с представителями разных национальностей; устное народное творчество; художественная литература; игра,

народная игрушка и национальная кукла; декоративно-прикладное искусство и живопись; музыка; этнические мини-музеи; национальная кухня»⁵. Другими словами, непременным условием формирования этнокультурной осведомленности дошкольника является процесс его приобщения к этнической культуре народов, проживающих на территории региона, через изучение национального быта, промыслов, праздников, одежды, что в свою очередь предполагает организацию специального предметно-развивающего и предметно-игрового пространства ДОУ.

Следует отметить, что оптимизировать процесс обучения дошкольников, повысить результативность усвоения материала при уменьшении временных затрат позволяет применение информационно-компьютерных технологий. В частности, М. В. Гандера считает, что использование мультимедийных презентаций на занятиях с детьми старшей группы наилучшим образом соответствует их психофизиологическим особенностям. «Презентации являются наиболее благоприятной формой проведения занятия-экскурса в историю. Такие занятия с использованием мультимедийных ресурсов гораздо сильнее воздействуют на механизмы восприятия ребенка, оставляют больше впечатлений, вследствие чего излагаемый материал, довольно сложный для восприятия и запоминания детьми данного возраста, усваивается ими легче и лучше, чем без использования мультимедийных технологий»⁶. Таким образом, использование мультимедийных презентаций, компьютерных игр, учебных фильмов этнокультурной направленности — одна из приоритетных задач этнокультурного образовательного пространства ДОУ.

Этнокультурный компонент может быть также реализован в дополнительных программах дошкольного образования. Использование таких программ стало возможным с развитием новых гибких форм образования дошкольников в творческих студиях, секциях, кружках и т. п., организуемых в дошкольном учреждении. В соответствии с п. 6 ст. 14 Закона РФ «Об образовании» образовательное учреждение может реализовывать дополнительные образовательные программы и оказывать дополнительные образовательные услуги за рамками определяющих его статус основных образовательных программ. По мнению специалистов, «дети, занимающиеся в студиях, секциях, кружках, в дальнейшем

хорошо учатся в школе, успешно продолжают обучение в системе дополнительного образования, художественных, музыкальных, спортивных школах. Детские оркестры, танцевальные и хоровые коллективы становятся постоянными участниками, лауреатами городских смотров-конкурсов, выставок, фестивалей детского творчества»⁷.

Современное дошкольное образование ориентируется на модель детского сада. Необходимой предпосылкой для становления системы этнокультурного образования ДОУ является использование ресурсных возможностей самого ДОУ и других учреждений и организаций, непосредственно занимающихся этнокультурным образованием. В частности, привлечение профильных специалистов (сотрудников вузов, ссузов, учреждений культуры и искусства) позволяет более качественно организовать работу творческих студий, кружков и студий.

Большую роль в формировании этнокультурной осведомленности дошкольников играет посещение музеев, художественных выставок, театральных постановок. Включение в образовательный процесс экскурсий, элементов театрализованного представления способствует повышению интереса детей к истории родного края, развитию их познавательной активности и любознательности.

Кроме того, необходимым и обязательным элементом формирования полноценного этнокультурного образовательного пространства является активное участие семьи в образовательном процессе. Семья как первый институт социализации оказывает влияние на формирование этнокультурной идентичности ребенка. Привлечение родителей к участию в проектно-исследовательской деятельности этнокультурной направленности (семейные проекты «Моя родословная», «Моя семья», выпуск семейных газет, выставки семейных коллекций, реликвий, совместные экскурсии) — один из наиболее эффективных способов формирования этнокультурной компетентности ребенка.

Таким образом, эффективное формирование этнокультурной идентичности детей в ДОУ зависит от педагогов, обладающих достаточным уровнем этнокультурной компетентности, материально-технического и методического обеспечения деятельности ДОУ, введения этнокультурного компонента в содержание образовательных программ, а также активного

вовлечения родителей и других социальных партнеров в образовательный процесс этнокультурной направленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья опубликована при финансовой поддержке Минобрнауки РФ. Госзадание № 6.416.21 «Исследование проблем модернизации этнокультурного образования в региональном социуме».

² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/12.php (дата обращения: 03.05.2012).

³ Бабунова Е.С. Методика становления этнокультурной образованности детей дошкольного возраста // Начальная школа плюс До и После. 2009. № 8. С. 55—59.

⁴ Афанасьева А.Б. Совершенствование этнокультурного образования современных педагогов // Академ. вестн. ин-та образования взрослых Рос. акад. образования. 2008. № 4. С. 34.

⁵ Цит. по: Федорова С. Этнокультурная компетентность педагога. URL: <http://dob.1september.ru/2002/20/14.htm> (дата обращения: 03.05.2012).

⁶ Гандера М.В. Создание и использование мультимедийных презентаций на занятиях по ознакомлению с окружающим с детьми старшей группы детского сада // Материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 20—21 февр. 2012 г. Пенза — Ереван — Шадринск: Науч.-издат. центр «Социосфера», 2012. С. 87.

⁷ Бахтина Л.Н. Модель организации дополнительных образовательных услуг в МДОУ ЦРП № 159. URL: <http://nsportal.ru/detskii-sad/upravlenie-dou/model-organizatsii-dopolnitelnykh-obrazovatelnykh-uslug-v-mdou-tsrr-%E2%84%96-159> (дата обращения: 04.05.2012).

Поступила 10.10.12.

М. А. КАПАЕВ

СПЕЦИФИКА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Ключевые слова: этнокультурный компонент, среднее профессиональное образование, учебно-методический комплекс, воспитание, личность

Key words: ethno-cultural component, secondary vocational education, methodical complex, up-bringing, personality

Среднее профессиональное образование (СПО) — неотъемлемая часть системы профессионального образования, занимающая важное место в подготовке специалистов в РФ. Исторически эта система создавалась по отраслевому признаку для нужд градообразующих предприятий либо как многопрофильные учебные заведения для нужд предприятий и организаций малых городов. Сегодня система СПО является самой экономичной и востребованной обществом. В соответствии с типовым Положением об образовательном учреждении среднего профессионального образования образовательное учреждение также называется термином «ссуз». СПО подготавливает специалистов среднего звена, удовлетворяет потребности личности в углублении и расширении образования на базе основного общего, среднего (полного) общего или начального профессионального образования.

Система СПО — особый социальный институт в профессиональной структуре образовательного комплекса со своей социально-культурной предысторией и этапами развития. В качестве составной (базисной) структуры и фундаментальной основы непрерывного образования эта система выполняет важнейшие социальные, экономические, образовательные,

КАПАЕВ Максим Александрович, научный сотрудник сектора социально-экономических программ НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

научно-технические, личностно ориентированные, воспитательные, интегративные функции.

Этнокультурное образование — целостный процесс изучения, деятельностного освоения этнокультурного наследия и воспитания личности на этнокультурных традициях; процесс становления личности в осмыслении синхронных и диахронных информационных связей, учитывающих полиэтническую горизонталь географического пространства и историко-временную вертикаль развития этноса и суперэтноса в структуре развития мировой культуры².

Этнокультурное образование в СПО — это образование, направленное на защиту и развитие этнокультурной идентичности студентов путем приобщения к родному языку и культуре своего народа.

Основным принципом государственной политики в сфере образования (в том числе и среднего профессионального) является защита и развитие национальных языков и культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства³. Формы народного воспитания находятся в неразрывном единстве с институтами социальной жизни народа, его верованиями, традициями, обычаями и обрядами, хозяйственной деятельностью, нормами общественного поведения.

В этом направлении необходима продуманная организация деятельности педагогического коллектива, включающая в себя целесообразный отбор форм и методов этнокультурного развития студентов; преемственность в реализации задач этнокультурного воспитания; ориентацию на положительный опыт, закрепленный в традициях; учет возрастных особенностей и индивидуальных запросов учащихся; планирование деятельности по этносоциальному и поликультурному воспитанию молодежи и обеспечение внутренней связи этой работы с другими видами начально- и среднепрофессиональной деятельности. Изучение этнической культуры, народных обычаев и традиций успешно реализуется в этих образовательных учреждениях, участвующих в эксперименте по формированию современной личности в поликультурной среде.

В основе этнокультурного образования лежит позитивное восприятие школьниками своего исторического прошлого, раскрытия глубинных смыслов общественного бытия через

осмысление своих национальных корней и возрождения лучших народных традиций. Этнокультурные воспитательные традиции того или иного народа представляют собой систему ценностей, традиций, отношений, которые являются составной частью общероссийской культуры. Поэтому главная задача этнокультурного образования — включение этнически разноаспектного и мозаичного образования в единое познавательно-воспитательное пространство, объединяемое общими ценностями высокой духовной российской культуры, основанной на принципах гуманизма, толерантности.

Специфика «этнокультурного образования» в СПО отражает воспроизводство (идентификацию) национальной (этнической) личности через включение ее в процессы социализации и инкультурации, обеспечивающие формирование ее национального самосознания (концептосферы); воспроизводство и трансляцию в образование культуры этноса, его базовых ценностей, составляющих генетический код национальной культуры, которые способствуют не только воспитанию этнической личности, но и сохранению самой культуры народа; освоение ценностей этнонациональной культуры (через них новые поколения обретают культурный облик своего народа), которые развивают их собственный потенциал, позволяют обрести «себя в себе».

Под этнокультурным компонентом в СПО следует понимать все то, что способствует развитию творческих возможностей молодежи, дает более полное представление о богатстве национальной культуры, уклада жизни народа. Это способствует развитию всесторонне развитой и гармоничной личности, патриота своего Отечества, высоконравственного человека, толерантного к народам мировой цивилизации.

Задачей техникумов и колледжей стало последовательное развитие и совершенствование учебного процесса в неразрывной связи с воспитанием студентов на основе ценностей мировой культуры. Один из способов внедрения этнокультурного компонента — корректировка учебного плана и программ, а также разработка и внедрение педагогических технологий и авторских, модифицированных программ. На этапе становления СПО с этнокультурным компонентом, внедрения и распространения в учебном процессе разработанных программ осознана необходимость создания программы по воспитательной работе, включающей традиционные

для профессиональных учреждений направления, которые учитывают интересы всех субъектов учебно-воспитательного процесса (учителей, учащихся, родителей).

Ценность заложенного в содержании этнокультурного образования потенциала мировоззренческого и культурного разнообразия, необходимость его сохранения и гармоничного развития выражают мировоззренческие и нормативно-правовые принципы развития этого образовательного аспекта. Именно образованный человек имеет отношение к исторической и культурной традиции. Он ощущает принадлежность к определенной общности и народу, у него сформированы культурные потребности: стремление к нравственности, осмысленной деятельности, красоте, высшим духовным началам. Другое образовательное требование — понимание и принятие иной культуры. Лишь при взаимодействии, диалоге культур проявляются принципы и особенности каждой отдельной культуры.

Основные задачи этнокультурного образования в СПО — изучение традиционной и современной культуры титульного народа, проживающего в конкретном регионе страны, включая культуру зарубежья; освоение студентами духовно-нравственных ценностей и идеалов народа (ценностное отношение к семье, предкам, труду, учению, культурным традициям своего и других народов и др.); приобретение умений и навыков культуротворческой деятельности, развитие творческой активности учащихся, направленной на сохранение и развитие культурного наследия в современных условиях; воспитание культуры межнационального общения (умение вступать в межкультурный диалог, получать культурную информацию, не акцентировать внимание на этнических и расовых различиях, правильно определять соотношение собственных, групповых, этнокультурных и общенациональных интересов).

Таким образом, этнокультурное образование формирует этнонациональную компетентность личности. Кроме того, образование, выступая целью, результатом, процессом, формой и средством освоения человеком культуры, является одной из основных форм сохранения и развития культуры.

Эффективность системы профессиональной подготовки будущих работников на традициях национальной культуры существенно повышается при формировании этнокультурной

составляющей образования в контексте общекультурной и общепрофессиональной подготовки; процессе этнокультурной подготовки на принципах дифференциации, индивидуализации, диалога взаимодействия педагогов и обучающихся, учета субъект-субъектных отношений между ними; этнокультурном, практико-ориентированном характере и творческой направленности педагогического процесса.

Анализ современного состояния СПО с этнокультурным компонентом свидетельствует о том, что такой процесс проходит сложно и неоднозначно. Главная причина — отсутствие научно обоснованной и апробированной комплексной программы, разработанной с целью воспитания и образования молодежи с учетом этнопедагогических и этнопсихологических особенностей ее развития.

В связи с этим можно утверждать, что есть ряд противоречий: между потребностью общества во взаимодействии между людьми различных национальностей и неразработанностью образовательной стратегии взаимодействия культур в учебно-воспитательном процессе среднего профессионального образования; между необходимостью реализации этнокультурного подхода в практике СПО и малой изученностью этой проблемы в педагогической науке; между существованием идеи подготовки специалистов, компетентных в этнокультурологии, и недостаточным методическим обеспечением в педагогической практике.

Главная цель этнокультурного компонента в системе СПО состоит не только в формировании потребностей, умений и навыков культуротворческой деятельности, развитии творческой активности учащихся, направленной на сохранение культурного наследия в современных условиях, но и в создании эффективных педагогических условий для внедрения этнокультурного компонента в педагогический процесс. Проблема этнокультурного образования требует разработки и уточнения его содержания на разных этапах становления личности, совершенствования этнокультурной компетентности и подготовки учителя для его осуществления, разработки программного и учебно-методического оснащения⁴.

Следует отметить, что благодаря инновационной деятельности этнокультурный компонент может составить органическую часть профессионального образования и содействовать формированию социальных, коммуникативных, базовых

(ключевых) компетенций и развитию интеллектуального и творческого потенциала личности обучающихся в рамках развивающейся поликультурной среды, если будут разработаны нормативные и учебно-методические комплекты, обеспечивающие внедрение этнокультурного компонента в педагогический процесс профессионального образования, а также определены модели этнокультурного образования в профессиональной подготовке обучающихся.

В средних специальных учебных заведениях этнокультурное образовательное пространство создается также посредством языка обучения и содержания курсов. Особое значение этого образования в том, что здесь готовятся кадры, от которых в первую очередь зависит создание этнокультурного образовательного пространства в детских садах и школах. Поэтому особого внимания в рамках реализации данной концепции требуют учебные заведения культуры⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья опубликована при финансовой поддержке Минобрнауки РФ. Госзадание № 6.416.21 «Исследование проблем модернизации этнокультурного образования в региональном социуме».

² См.: Афанасьева А.Б. Этнокультурное образование: сущность, структура содержания, проблемы совершенствования // Проблемы педагогики и психологии. 2009. № 3. С. 192—193.

³ См.: Этнокультурное образование. Сайт учителя русского языка и литературы. 2012. URL: http://svetlovaekm.ucoz.ru/index/ehtnokulturnoe_obrazovanie/0-11 (дата обращения: 19.10.2012).

⁴ См.: Афанасьева А.Б. Этнокультурное образование как проблема современной педагогической науки // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 68. С. 115.

⁵ См.: Фоменко Н.М. Проблемы реализации концепции этнокультурного образования в учебно-воспитательном процессе образовательных учреждений. URL: <http://orpheusmusic.ru/publ/308-1-0-511> (дата обращения: 19.10.2012).

Поступила 21.10.12.

Л. И. САВИНОВ

СОЦИОЛОГИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Ключевые слова: закономерность, социальная система, явления, процессы, закон, связь, состояние, механизм приспособления

Key words: regularity, social system, phenomena, processes, law, connection, state, mechanism, appliance

В основе категории «закономерность» лежит понятие «закон». Поскольку предметом нашего внимания являются закономерности социальной системы, то логично обратиться к понятию «социальные законы». В «Социологической энциклопедии» дано определение понятия «законы социальные». Это «необходимая, объективно существующая связь между социальными явлениями и процессами, проявляющаяся в социальной деятельности людей, ставящих перед собой осознанные цели и задачи. В социологии социальные законы выступают как объективные тенденции, определяющие основные линии развития тех или иных социальных общностей... Они по-разному проявляются в различных исторических ситуациях. При классификации законов их различают по предметной области, по степени общности; также разделяют на законы функционирования, изменения и развития»¹.

Под социальной закономерностью понимается «объективно существующая, повторяющаяся связь социальных явлений, выражающая возникновение, функционирование и развитие общества как целостной системы либо его отдельных подсистем. Обнаружение закономерности (например, статистической) может явиться первым звеном в изучении социальных явлений, но только дальнейшее углубление в сущность явлений и процессов, охватываемых данной закономерностью, может привести к открытию закона. Таким образом,

САВИНОВ Леонид Иванович, заведующий кафедрой социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

закономерность выступает эмпирической, конкретно-реальной формой существования социального закона, лежащего в ее основании. В непосредственной действительности, в чувственно данной конкретности социальные законы проявляются лишь в приближении, в тенденции»².

Интерпретация социальных закономерностей состоит в том, что они объективны и необходимы конкретной социальной системе. Следовательно, их нельзя представить в качестве факторов, влияющих на систему извне. Изменения, происходящие в социальных системах, означают, что идет процесс изменения системы и ее закономерностей. Социальные закономерности не существуют вне социальных систем, независимо от объектов существования, которым они имманентно присущи.

Социологи, составляющие программы исследований, направленных на познание социальных закономерностей, оказываются в непростой ситуации, обусловленной спецификой предмета исследования. Она определяется тем, что социальные законы и закономерности нельзя наблюдать с помощью стандартных опросов. В реальности законы действуют как скрытые механизмы явлений и нередко в качестве явных тенденций. Эти механизмы и тенденции проявляются в социальных системах. Следовательно, процесс познания социальных закономерностей, их наличия возможен по их проявлениям. Для социолога приемлемыми методами изучения социальных закономерностей могут быть логические операции, обобщение фактов, статистический анализ, контент-анализ, сравнение документальных и различных литературных источников.

Результаты познания, поясняющие характер, формы и типы проявления закономерностей, не исчерпывают глубину познания закономерности. Процесс познания также не может гарантировать весь спектр знаний о приспособлении системы к окружающему миру. Социальное проявляет себя через определенное количество лет посредством социально значимых фактов, тенденций, процессов.

На любого человека оказывают влияние закономерности той социальной системы, в которой проходит его жизнедеятельность. В то же время человеку дается возможность выбора своего поведения. Поведение людей по отношению к закономерностям можно изучить по степени их совпа-

дения или несовпадения. В реальном поведении человек одни закономерности игнорирует (он их может не знать), другие нарушает, а какие-то учитывает в тот или иной период времени. «Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Как раз наоборот: люди их обычно вообще не знают и постоянно игнорируют их, поступая так, как будто никаких таких законов нет. Но люди столь же часто игнорируют законы природы, отчего последние не перестают существовать»³.

Открытие новых закономерностей в социальных системах зависит от научно-практических потребностей, способов их открытия исследователями, уровня совершенства и степени адекватности, применяемых методик исследования. Однако нельзя представить, чтобы количество законов можно было бы ограничить логически.

Специфика социальной системы состоит в том, что она появляется на базе конкретной социальной общности. Существует сложная иерархия социальных систем, качественно различающихся между собой. Социальные системы взаимодействуют с системами более общего порядка (общество, экономическая, политическая, идеологическая) и системами менее общего порядка, например, с семьей. Структура социальных систем как функциональное единство совокупности элементов зависит от взаимодействия с системами любого порядка и от взаимодействия элементов, входящих в систему. Для предмета нашего интереса основополагающее значение имеет отношение к понятию «зависимость». «Понятие зависимости играет в социологии важную роль в том отношении, что анализ зависимости — это основа установления законов»⁴.

Фактор зависимости является далеко не единственным, на который необходимо обратить внимание при исследовании проявления закономерностей. Во-первых, по мнению Н. Лумана, теория систем должна отказаться от одной из своих любимых идей — от того, чтобы из казуальных отношений между системой и окружающим миром заключать о приспособлении системы к ее окружающему миру. Замкнутые системы до определенной степени сами порождают свои степени свободы. Ученый сделал вывод о том, что совокупный эффект состоит не в приспособлении, а в

усилении отклоняющихся форм⁵. Во-вторых, известно, что многие системы не могут покрыть поле совокупной соответствующей практики. Например, поддержка и помощь семье и детям может происходить и вне соответствующей социальной системы. Не исключено, что и в данном варианте могут проявляться закономерности, они также будут социальными. В-третьих, классическая социология, изучая социальные системы, анализирует их в определенный период статичными. Нельзя не согласиться с точкой зрения А. Турена: от идеи неподвижного общества сильно пострадали научные исследования⁶. Дело не только в том, что изменяются социальные системы. Динамизм присущ и проявлениям, указывающим на наличие закономерностей. В-четвертых, возникают новые трудности в объективном исследовании проявления закономерностей в условиях воспроизводства системой самой себя, и в то же время система в правовом и практическом плане воспроизводит неравенства и привилегии. Тогда возникает вопрос из области логики «В процессе воспроизводства системой социального неравенства имеют ли место социальные закономерности?».

Закономерности социальных систем конкретизируются в более четко проявляемых закономерностях, так как большее равенство заставляет более глубоко и остро осознавать существующее неравенство, которое не только не исчезает из социокультуры, но и становится еще более заметным и разнородным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Социологическая энциклопедия: в 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 317.

² Там же. С. 316.

³ Зиновьев А.А. Логическая социология. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2003. С. 41.

⁴ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. С. 94.

⁵ См.: Луман Н. Общество как социальная система. М.: Изд-во «Логос», 2004. 232 с.

⁶ См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Науч. мир, 1998. С. 27.

Поступила 15.05.12.

А. Н. ЕРШОВ

А. П. КУЛАПИН

А. А. САЛАТОВА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕСТАНДАРТНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Ключевые слова: нестандартная занятость, дифференцированный подход, духовность, группа, организация, рабочее время, свободное время, социологический подход, социальное управление, теории управления

Key words: non-standard employment, differentiated approach, spirituality, group, organisation, working hours, free time, sociological approach, social management, management theories

За последние тридцать лет доминирующим видом занятости была так называемая «стандартная занятость», подразумевающая бессрочный трудовой контракт при полном рабочем дне¹. Однако в настоящее время ряд частных компаний и государственных организаций по всему миру начинают все больше использовать контракты, предусматривающие частичную занятость работников, срочные трудовые контракты, временную (сезонную) занятость, или нанимать сотрудников из центров временной занятости. Такие формы

ЕРШОВ Андрей Николаевич, ректор Казанского института инновационного менеджмента и информатики, доктор социологических наук, профессор.

КУЛАПИН Александр Петрович, руководитель социологического центра Казанского института инновационного менеджмента и информатики, кандидат исторических наук, доцент.

САЛАТОВА Александра Александровна, аспирант кафедры социологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

занятости набирают популярность, и число нестандартно занятых растет. Так, число частично занятых сотрудников в 27 странах Евросоюза увеличилось с 16,2 % в 2000 г. до 19,2 % в 2010 г. Больше всего их было зафиксировано в Нидерландах (48,9 % в 2010 г.). Почти четверть (от 25 до 27 %) экономически активного населения в 2010 г., по данным EUROSTAT, входила в категорию нестандартно занятых в таких европейских странах, как Великобритания, Дания, Швеция, Германия и Австрия. По данным Росстата, уровень временной занятости в РФ увеличился с 2 % в 1992 г. до 12 % в 2007 г., а число частично-занятых — с 4 до 6 % соответственно. Согласно Р. Данеси, в последнее время только 50 % работников в Нигерии трудятся на постоянном месте². Приведенные данные свидетельствуют о том, что нестандартная занятость является обычной практикой.

Под нестандартной занятостью мы понимаем занятость при гибких условиях трудового контракта, что отражает потребности организации в мобильности³. К нестандартной занятости относится частичная занятость, временная работа, работу по срочному трудовому контракту, самозанятость, субподрядничество и занятость в домашнем хозяйстве⁴. В этом контексте нестандартная занятость отличается от стандартной, подразумевающей, что сотрудник выполняет свою работу в течение полного трудового дня на своем рабочем месте, в условиях бессрочного трудового контракта и под контролем непосредственного руководителя. Нестандартная занятость — это не только вид занятости, но и люди с гибким графиком работы и жизни.

Нестандартная занятость населения стала темой научных исследований. А. Каллеберг полагает, что она «стандартна» в истории человечества, так как на протяжении веков существовали трудовые отношения, не отвечающие модели полной занятости. История знает множество примеров трудовых отношений, когда работа была временной и нестабильной⁵. Большое количество исследований посвящено социальному самочувствию, уровню благосостояния нестандартно занятых в различных странах. Необходимо также отметить, что эти исследования носят междисциплинарный характер.

Исследования социального самочувствия населения, жизненных устремлений молодежи, проведенные нами в Республике Татарстан в 2009—2012 гг., показывают, что в

регионе не только сохраняется, но и растет число граждан, которые предпочитают 8-часовому рабочему дню иные формы организации трудовой деятельности. В связи с этим возникает ряд вопросов: «Для каких групп населения наиболее типично предпочтение нестандартной занятости?», «Чем это предпочтение обусловлено?». «Существует ли для этого некое общее основание, не зависящее от групповых особенностей?», «Каковы особенности социального управления в таких условиях?», «Каково социальное значение этого явления?».

Мы выделяем три группы населения, которые предпочитают нестандартную занятость в виде ненормированного рабочего дня и гибкого графика работы.

Первая группа — творческие работники, высококвалифицированные программисты, аудиторы, актеры, художники и другие представители творческой интеллигенции.

Вторая группа — те, кто не может работать в режиме нормированного рабочего дня. В данном случае речь идет о тех, кто сам выбирает ненормированный рабочий день и свободный график работы в связи с отсутствием возможности регулярно уделять работе 8 ч. на определенном рабочем месте. Это не только подрабатывающие молодые мамы и студенты, но и значительная часть занятого населения (до 60 % и более), которую не удовлетворяет уровень доходов по основному месту работы (преподаватели вузов почти все работают по совместительству). Необходимость в совместительстве входит в противоречие с жестким графиком работы.

В третью группу входят те, кто не хочет ограничиваться какими-то рамками более или менее определенных соглашений по поводу режима работы. Эти люди по тем или иным причинам предпочитают вообще не оформлять свои трудовые отношения с работодателем. Сюда входят мигранты и маргиналы. Сейчас довольно много людей, занимающихся трудовой деятельностью, которая граничит с легитимностью. В качестве примера можно привести многочисленные объявления о приеме заказов на выполнение курсовых и дипломных работ, репетиторство и т. п. С одной стороны, эта деятельность, не оформленная должным образом, как бы не носит криминального характера, с другой — в случае недоброкачественного или несвоевременного выполнения работ затруднительно применить к нарушителю санкции,

предусмотренные действующим законодательством в сфере защиты прав потребителей.

Наиболее многочисленной является вторая группа, наименее многочисленной — третья. Основная причина формирования установок, типичных для первой группы, очевидна: люди творческого труда, как показывают глубинные интервью с экспертами, нуждаются в определенном «настроении», устойчиво связанном с условиями деятельности, включая и оборудование рабочего места, и даже время суток. Как правило, такие установки формируются в процессе учебы в школе и вузе у тех, кто имеет комфортные условия для учебной деятельности, а также кто ответственно относится к занятиям. Современные студенты, даже уехав из родного города, сохраняют привычные условия жизни: родители снимают или покупают им квартиры (иногда они кооперируются для того, чтобы совместно снять жилье и т. п.). В то же время студенты постепенно осознают, что в процессе учебы закладывается реальный, а не декларируемый взрослыми фундамент их будущей жизни. За три года число таких студентов увеличилось почти вдвое (с 7 до 12 %). Полагаем, что численность и удельный вес этой группы в составе занятого населения будут расти.

Показательны причины роста второй группы. К пресловутому беби-буму и желанию молодежи почувствовать себя самостоятельными людьми надо прибавить два любопытных фактора. Во-первых, отечественные СМИ формируют завышенные претензии не только у молодежи. Так, студенты отмечают в качестве желаемого минимума зарплаты после окончания вуза сумму в 30—50 тыс. руб. (в зависимости от профиля вуза), что в 1,5—2,0 раза превышает среднюю заработную плату по региону. После окончания вуза многие получают заработную плату в два и более раза ниже средней по Республике Татарстан. Понятно стремление подработать и невозможность сделать это в рамках жесткого графика работы. Неудивительно, что число таких граждан и их удельный вес в составе занятого населения растет. Второй фактор — абсурдные требования работодателей («требуется девушка не старше 18 лет с десятилетним стажем работы по специальности»). Все больше студентов начинает понимать необходимость в опыте работы по специальности уже во время учебы в средних и высших специальных учебных

заведениях. Это особенно актуально в условиях, когда далеко не все вузы могут обеспечить даже предусмотренные программой объемы производственной практики, не говоря уже о ее качестве.

Третья группа формируется преимущественно за счет несовершенства системы оплаты труда и законодательства. Ясно, что пока, например, заработная плата специалиста высшей категории, к которым относятся люди с учеными степенями, почти вдвое ниже средней заработной платы в регионе (доцент с надбавкой за степень получает около 12 тыс. руб., и только благодаря применению внутривузовских надбавок и коэффициентов удается довести его зарплату до 15—17 тыс. руб.). Эти специалисты будут выбирать между совместительством в трех-четыре вузах (полставки, четверть ставки, почасовая оплата и т. п.) и возможностью заработать значительную сумму в одном месте, не утруждая себя «хождением на работу» (репетиторство, написание не только курсовых и дипломных работ, но и кандидатских и докторских диссертаций и пр.). Иначе говоря, пока доходы не будут соответствовать запросам, а также есть возможность заработать больше, используя преимущества ненормированного рабочего дня и гибкого графика работы, это явление (отдавать предпочтение нестандартной занятости) будет иметь место.

Но связано ли это предпочтение только с временными факторами? Имеет ли оно более глубокие причины? Еще во времена, когда изучение работ К. Маркса и Ф. Энгельса было обязательным, многие знали ответ на этот вопрос. К. Маркс неоднократно повторял, что главное богатство человека — свободное время⁶. Он объяснял это тем, что именно досуг дает время для развития личности. Конечно, К. Маркс связывал ограничение возможностей развития личности в процессе трудовой деятельности не с особенностями этого типа социальной деятельности в целом, а только с тем характером, который труд приобретает в общественно-экономических формациях, основанных на эксплуатации человека человеком⁷. Однако сегодня, когда даже за рулем своей машины человек ощущает несвободу, т. е. зависимость от увеличивающегося количества внешних факторов (от правил дорожного движения до команд навигатора), эти положения К. Маркса особенно актуальны.

Научно-технический прогресс, в частности, выражается и в том, что функции работника упрощаются, алгоритмизируются и доводятся до автоматизма. В то же время СМИ и информационные сети говорят о какой-то иной, более насыщенной инновациями и креативом, жизни. Времена, когда человек обреченно воспринимал как неизбежность то, что ему придется в точности повторить жизненный путь своих предков, прошли. Современный человек оказывается заложником информационных технологий⁸, особенностью которых является их анонимность. Пользователь, готовый выполнить любую команду анонима, становится все более нетерпимым к персонифицированным инструкциям, которые пронизывают формализованные трудовые отношения.

Можно предположить, что по мере развития информационного общества формализованное рабочее время будет все более восприниматься увеличивающейся численностью населения, особенно молодежью, как покушение общества в лице работодателя на свободу развития личности работника. Возникает парадокс: преодолевая действие факторов, побуждающих отдельные группы населения отдавать предпочтение нестандартной занятости, мы усиливаем действие фактора более фундаментального и потому способного воздействовать на гораздо более широкие слои населения.

Таким образом, поставленная проблема носит вовсе не частный характер и актуальна не только для выявленных групп самодетельного населения. Но если мы имеем дело с долговременной тенденцией, то это может осложнить управление трудовыми отношениями.

Развитие процесса общественного разделения труда еще во времена Э. Дюркгейма привело к тому, что наряду со специализацией отдельного работника властно заявила о себе кооперация работников, каждый из которых необходим для производства конечного продукта. Усиление роли кооперации труда требует планирования, организации, координации. В индустриальном обществе технологически необходимым было сосредоточение значительных масс работников в одно время и в одном месте. Такая необходимость часто встречается и сейчас. Трудно, например, представить себе бригаду врачей, работающих по свободному графику.

В информационную эпоху все чаще возникает ситуация, когда вовсе не важно, где и когда работает исполнитель, а

важен конечный результат, который может быть достигнут в разных организационных формах, в том числе и в различных «виртуальных организациях», работники которых находятся в разных странах и удаленно выполняют работу. В связи с тем, что количество таких ситуаций увеличивается, общество сталкивается с тем, что не только работник, но и работодатель часто не думает о сохранении привычного формата организации производственного процесса (экономия на аренде помещений, коммунальных платежах, оборудовании и т. д.).

В результате возникает новое противоречие. Работник чувствует себя свободным и в процессе трудовой деятельности не отвлекается от своих интересов. Работая, он не теряет ощущения личности. Работодатель, напротив, полностью абстрагируется от личности работника. Не то, чтобы ему безразличен работник, но мысли и чувства работника, если они не касаются конечного результата, проходят мимо руководителя, потому что ему некогда вникать в личные проблемы подчиненных. Получается, что в новых условиях у работника появляется возможность оставаться личностью, а руководитель перестает видеть ее в работнике.

Это противоречие обнаруживается в двух подходах к проблеме человека в системе экономических отношений⁹. Согласно экономическому подходу, человек — элемент производительных сил, который можно перемещать, использовать, развивать и пр., т. е. человек представляет собой объект управленческого воздействия. Управленец дает указания, направленные на достижение определенного внешнего по отношению к конкретному человеку результата. Сам процесс достижения цели управленческого воздействия важен только в той мере, в какой он соответствует (не соответствует) технологии достижения результата. Самоценность работника в лучшем случае декларируется.

Социологический подход рассматривает человека иначе. Еще М. Вебер предупреждал о необходимости преодоления редукционистского подхода к мотивации трудовой деятельности работника. Он считал, что заработная плата по-разному оценивается работниками, и, соответственно, простое повышение зарплаты влияет на трудовую активность человека¹⁰.

Этот вывод был воспринят неоднозначно. Одни (и мы видим это на каждом шагу) по-прежнему уверены, что посредством повышения заработной платы можно решать

любые вопросы, возникающие между работодателем и работником. Другие используют подход М. Вебера в традициях экономической парадигмы человека. Э. Мэйо предлагал формировать интересы работника, определяющие его мотивации, под углом зрения интересов фирмы¹¹. По сути, это манипуляция работником, которая вполне соответствует взгляду на последнего как на элемент производительных сил, имеющий значение только в «комплекте» с прочими элементами. Третьи в духе гуманистических традиций предлагают уважать в работнике личность, что не встречает понимания у практиков, ссылающихся на обстоятельства, мешающие вникать в реальные интересы конкретных людей.

Практики часто упускают из вида логику поведения работника. Как уже отмечалось, для информационного общества характерно множество вариантов поведения в той или иной ситуации. Работник хочет иметь право выбора. При этом он не обязан «прежде думать о родине, а потом о себе», т. е. руководствоваться чьими-то интересами. Собственные интересы не всегда совпадают с задачами организации, миссией профессиональной группы. Так, исследования мотивов профессионального поведения муниципальных служащих Татарстана доказывают, что менее трети из них в своей практической деятельности задумываются об интересах общества и населения. Для большинства приоритетны указания руководства и представления о том, что и как надо делать¹². При таких обстоятельствах противоречие между интересами руководства и работника воспринимается как пренебрежение одной из сторон. Возникает взаимное недоверие. Распоряжения руководителя воспринимаются как «плохие приказы», лучший способ борьбы с которыми — их плохое исполнение. Уровень управляемости, измеряемый степенью адекватности распоряжения и исполнения, падает. Такое управление вряд ли можно назвать эффективным.

Итак, практика во всех проявлениях отношения руководителя и работника против практики в форме конечного результата профессиональной деятельности. Ликвидировать это противоречие может дифференцированный подход к работнику.

Первая выделенная нами группа — высококвалифицированные специалисты. Умный работодатель дорожит такими специалистами. В профессиональном плане они выше своих

работодателей и руководителей. В то же время их успех — самореклама, поэтому она и дорожит своим брендом, т. е. это люди работают на совесть. Поэтому здесь не нужен мелочный контроль, детальная регламентация трудового процесса и т. п. Возможно управление в парадигме известной управленческой теории Y.

Вторая группа делится на тех, кто заинтересован в стабилизации и закреплении складывающихся трудовых отношений (будут работать на совесть, как и первые, но без профессионализма), и тех, кто просто работает (на их добросовестность и инициативу трудно рассчитывать). В обоих случаях необходим достаточно жесткий контроль. Здесь скорее предпочтительна парадигма управленческой теории X.

Третья группа — профессионалы, но они работают ради заработка (тех, у кого ненормированный рабочий день является формой рабского труда, мы не считаем). С одной стороны, они часто превосходят руководителя в профессиональном плане, с другой — приоритет дохода ориентирует их на оптимизацию «по-русски» (вложить как можно меньше, а получить как можно больше). Вынужденный приоритет парадигмы — Z¹³. Здесь нет формализации отношений и легитимных санкций для нарушителей договорных отношений. Этими работниками можно руководить только на основе личностных отношений.

Таким образом, проблемы команды, морально-психологического климата, организационной культуры, формальных и неформальных отношений в коллективе и т. п. часто утрачивают актуальность в современных условиях. Необходим дифференцированный подход к управляемым не столько по социологическим или социально-психологическим, сколько по личностно-психологическим основаниям. Отсюда и акценты в подготовке специалистов-управленцев. Учитывая тенденцию к усилению роли нестандартной занятости, управленец должен быть психологически грамотным специалистом в деле, которым занимаются исполнители. Однако возникают трудности методологического характера. Управлять людьми, не зная и не изучая их, нельзя.

Первая группа не вызывает затруднений с этой точки зрения. Ее представители заинтересованы в рекламе и не имеют оснований чего-то скрывать, хотя, возможно, склонны к самолюбанию. Вторая группа тоже не имеет оснований

прятаться, но может давить на жалость, преувеличивая свои проблемы. Третья группа, напротив, закрыта. Необходимы проективные методики и техники. Стандартные опросники по мотивациям и удовлетворенности будут работать плохо. Здесь необходима помощь профессионалов.

Таким образом, обнаруживается тенденция замещения традиционной организации трудового процесса (8 ч. на труд, 8 ч. на отдых, 8 ч. на сон) сетевым принципом, когда работник сам выбирает не только удобное для себя время работы, но и рабочее место. Отмеченные группы наиболее склонны к принятию такого формата организации производственного процесса работников имеют особенности в мотивации трудовой деятельности. Поэтому требуется дифференциация управленческих подходов и методик даже в рамках одной производственной организации. В меняющихся условиях важна роль штабной структуры, т. е. сообщества экспертов, советников и пр., заменяющих управленческую команду, с присущими ей негативными эффектами малых групп (групповая фасилитация, огруппление мышления, диффузия ответственности, социальная лень и пр.).

В то же время надо учитывать, что технологическая необходимость сохранения жесткого регламента работы остается и вряд ли когда-нибудь станет достоянием истории. Поэтому нельзя проявлять реформаторско-модернизационный энтузиазм, круша все старое и насаждая все, что ему противоположно, независимо от того, способствуют такие действия прогрессу или нет.

Следует иметь в виду, что всегда были и будут люди, по меткому выражению Э. Фромма, «бегущие от свободы»¹⁴. Так, наши исследования показывают, что государственные и муниципальные служащие высоко ценят наличие четких должностных инструкций, правовых норм, регламентирующих должностные права и обязанности; поддерживают идею внедрения кодексов профессионального поведения и т. д. Чем жестче регламентирован каждый шаг работника, тем меньше чувство личной ответственности (работник отвечает не за что-то, а перед кем-то). Бегство от свободы — бегство от ответственности. Если личная ответственность за свои действия, их результаты подменяются страхом перед негативными санкциями, которые власть предрержащие могут применить к нарушителю инструкции, регламента,

то можно ли говорить об ответственности не иначе как в административно-правовом аспекте?

В этом смысле новые тенденции в развитии трудовых ориентаций граждан имеют существенное воспитательное значение: они воспитывают действительную духовность личности. Духовность определяется сочетанием двух фундаментальных потребностей человека. Потребность в познании, вне реализации которой человек не может адаптироваться к среде, приобретает социальную направленность, поскольку человек понимает, что отношение к окружающим как к винтикам, инструментам для достижения своих целей, формирует прогрессирующую латентную функциональность собственных действий, возникает потребность жить для других¹⁵. Понимаемая таким образом духовность является жизненной необходимостью для человека. Вопрос не в том, есть она или ее нет, а в степени развития духовности конкретной личности. Она определяется мерой осознания ответственности за свои действия не только тогда, когда за тобой следят служители закона или представители администрации.

Таким образом, учет вызовов нашего времени в сфере трудовых отношений — не требование морали, а производственная необходимость, способствующая повышению уровня духовности россиян.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Schmid G. Non-Standard Employment and Labour Force Participation: A Comparative View of the Recent Development in Europe. Discussion Paper №. 5087. URL: <http://ftp.iza.org/dp5087.pdf> (дата обращения: 12.10.2012).

² См.: Danesi R. Nonstandard work arrangements and the right to freedom of association in Nigeria. IIRA REGIONAL CONFERENCE LAGOS. 2011.

³ См.: Atkinson J. Manpower strategies for flexible organization // Personal management. 1984. № 16. P. 28—31.

⁴ См.: Marshall G. «Non-standard worker». A Dictionary of Sociology. 1998.

⁵ См.: Kalleberg A. Nonstandard Employment Relations: Parttime, Temporary and Contract Work // Annual Review of Sociology. 2000. № 26. P. 341—365.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. С. 245—266; Их же. Критика политической экономии. Экономические рукописи 1857—1859 гг. // Там же. Т. 46. Ч. II. С. 111, 213—214, 221; Т. 47. С. 211, 251.

⁷ См.: Чангли И.И. Труд. М.: Центр соц. прогнозирования, 2002. С. 48—53, 146—175.

⁸ См.: Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

⁹ См.: Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Новосибирск, 1991. С. 92.

¹⁰ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 80—89.

¹¹ См.: Савкина Е.Г. Социально-управленческая теория Э. Мэйо: дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2003. 178 с.

¹² См.: Исламова Ф.Ф. Ценностно-мотивационные детерминанты профессионального поведения служащих органов местного самоуправления: дис. ... канд. социол. наук. М., 2012. 170 с.

¹³ См.: Егоршин А.П. Мотивация трудовой деятельности. Н. Новгород, 2003. С. 15—16.

¹⁴ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Попурри, 1998. 366 с.

¹⁵ См.: Педагогика. Большая современная энциклопедия. Минск: Совр. слово, 2005. С. 156.

Поступила 19.10.12.

О. С. ЧЕРНЯВСКАЯ РАЗМЕЩЕНИЕ ГОРОЖАН В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Ключевые слова: городская идентичность, социальная интеграция, социальная активность, территориальные сообщества

Key words: urban identity, social integration, social activity, territorial communities

Размещение горожан в пространстве социальных связей и городская идентичность вызывают особый интерес по причине особенностей городской среды и городского образа жизни. Жизнь современного человека с тенденциями возрастающей мобильности и снижения роли физического пространства скорее препятствует формированию ясной территориальной идентичности, чем способствует этому процессу. В то же время очевидны положительные эффекты включенности в социальное пространство и наличия городской идентичности у резидентов как с точки зрения гармоничного и непротиворечивого социального самоопределения конкретного индивида, так и в ракурсе социальной, экономической, политической и других форм активности горожан, наличия дееспособного городского сообщества, готового к формулированию и отстаиванию собственных интересов и выстраивающего благоприятную среду жизни для развития своего города.

Выделим некоторые индикаторы включенности горожан в социальное пространство города, которые основаны на результатах нашего исследования, проведенного в Нижнем Новгороде в декабре 2011 г. Объем квотной выборочной совокупности составил 400 чел.

Городская социальная среда по своей природе очень разнообразна, социальные группы различаются по многим параметрам. В то же время в этом разнообразии можно найти возможность для конструирования процессов, основные цели которых — вовлечение современных людей в жизнь города и создание мотивации для участия в совершенствовании

ЧЕРНЯВСКАЯ Ольга Сергеевна, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета.

различных аспектов жизни своего города. Формально любой житель города идентифицируется (и самоопределяется) как таковой: статус резидента территории закрепляется названием, например, «нижегородец». Одновременно открытым остается вопрос о том, насколько высока эта идентичность в системе иерархии идентичности и, соответственно, как она влияет на установки и поведение самих нижегородцев.

О включенности индивида в группу, сообщество свидетельствует в первую очередь идентификация собственной личности с данной группой. Идентификация — один из важнейших механизмов социализации личности, проявляющийся в отождествлении индивидом себя с определенной группой или общностью (номинальной или реальной, большой или малой и др.). Она способствует активному освоению образцов и стереотипов поведения, свойственных членам этой группы, а также принятию в качестве собственных групповых норм, целей, социальных ролей, установок, идеалов. Современный человек имеет большое количество групп номинального присутствия и реального участия, территориальные сообщества — лишь часть его статусно-ролевой системы. При этом именно социальные контакты служат основой самоопределения человека, связи с той или иной социальной средой.

Для формирования общего коммуникативного пространства городского сообщества необходимо представление горожан об общности своих интересов, которые прямо следуют из интересов, устремлений города (поскольку городское сообщество — объединение, связанное единственным общим признаком — проживанием в городе).

Само название является одним из проявлений территориальной, городской идентичности. В исследовании это отслежено. Стоит отметить формальный характер статуса: чтобы стать его носителем, достаточно только проживать на территории города. Более информативным для нас оказалось отношение жителей к этому статусу, а также размещение его в иерархии других статусов горожан.

Другим значимым параметром в описании размещения горожан в пространстве современного города стала включенность в конкретные городские сообщества, т. е. более или менее организованные группы, выделенные на фоне других. Активная включенность в территориальные сообщества пред-

полагает членство в объединенных различными интересами группах и активное взаимодействие (частые контакты, потенциальная и реализуемая возможность совместного действия). Тесно с ним связан интерес к актуальным событиям и проблемам, разделение коллективных стремлений и принятие большей или меньшей ответственности за решение общих задач и происходящие события.

Эмоциональное отношение к городу проживания лежит в основном в зоне позитивных оценок. Нейтральным свое отношение к городу называет около 12 % жителей, неприязнь (и сильную, и умеренную) испытывает чуть более 1 %. В то же время умеренно позитивное отношение высказало больше половины (59,5 %), сильное — меньше половины (27,5 %). Эмоциональная привязанность вряд ли служит прямым показателем степени включенности в городское сообщество, но она связана с позитивным восприятием городской среды, что может отразиться на установках по отношению к проживанию в Нижнем Новгороде и проявлению гражданской и социальной активности.

На первом месте стоят социальные факторы: семейные отношения, дружеские связи, сложившаяся трудовая деятельность. Основной связью с городом служат семейно-родственные отношения, которые отметила почти половина опрошенных. Расположившиеся в долевым соотношении близко друг к другу чувства, которые можно было бы назвать патриотическими, эмоциональной привязанностью, представлены такими формулировками, как «место рождения», «родина», «любовь к городу». Для 30 % нижегородцев эти «привязки» к городу являются весьма существенными.

Одной из гипотез относительно оценки идентичности было то, что степень городской идентичности отразится в иерархии идентичностей горожан. Респондентам было предложено несколько социальных групп, с которыми они могут себя соотносить, и ранги в зависимости от того, частью какой группы они себя ощущают в большей или меньшей степени. Ранжировать предлагалось только те группы, идентичность с которыми актуальна для респондента. Полученные результаты имеют существенный разброс и информативность.

Лишь в небольшом количестве анкет проранжированы все пункты, поэтому интерес представляет, какие из них выбраны, а какие отсеяны опрошенными. Наиболее попу-

лярная группа, общность с которой отмечают 91,3 % опрошенных, — «семья». Причем 66,8 % ставят ее на первое место в иерархии идентичностей. Такого единодушия не наблюдается ни по одной другой категории или рангу. Вторая по популярности группа, связь с которой отмечают 79,8 % опрошенных, — «нижегородцы». Из всего массива более 80 % испытывает в связи с этим позитивные чувства. В большинстве анкет этой группе присвоен ранг в пределах первых пяти позиций; 45 % опрошенных поставили идентичность «нижегородец» на 1-е, 2-е или 3-е место в иерархии. Оцениваем этот показатель как высокий.

Самоопределение в группе «русские» существенно для 74 % (в основном 1-е, 2-е и 4-е места). Дружеская группа является основой самоопределения для 73,2 %. Из всех опрошенных 39,2 % присвоили этой группе 2-й ранг, и это второй и последний пример весомого единодушного мнения в оценке рангов. Остальные группы названы гораздо реже: примерно по 37 % назвали в числе наиболее значимых группы людей, с которыми довелось учиться и с которыми они работают. Представителями профессионального сообщества считают себя 31,5 % жителей. Около 24 % набрали такие группы, как «люди моей культуры» и «люди моего статуса». Представители разделяемой субкультуры являются значимой группой для 20,5 % опрошенных. Распределение рангов непопулярных групп относительно равномерное.

Судя по результатам предварительного исследования методом частично формализованного интервью, ощущение причастности к группе «нижегородцы» проявлено слабо, требуются особые условия для его актуализации. По результатам качественного исследования видно, что вспоминают о наличии этого статуса или используют это самоназвание чаще всего при общении с людьми из других городов, при упоминании Нижнего Новгорода в центральных СМИ и обсуждении событий, проблем города, а также во время общегородских мероприятий. В массовом исследовании идентичность «нижегородец» актуализировалась самим фактом опроса по данной тематике. Несмотря на это смещение, результаты по этому пункту могут быть приняты в качестве вероятных тенденций.

Мы выделили группу людей, которые ставят свою идентичность «нижегородец» высоко в иерархии идентичностей

(с 1-го по 3-е место), для выявления у этой группы особых показателей относительно средних по выборке. В параметре «отношение к городу» принципиально отличных результатов не выявлено. Особенностью является отсутствие испытывающих негативные эмоции по отношению к городу (но этот показатель мал и по выборке в целом). На 5 % меньше доля жителей, которым свойственно нейтральное отношение; на 7 % больше доля испытывающих умеренную эмоциональную привязанность. Распределение ответов об ожиданиях касательно будущего Нижнего Новгорода схожи со средним распределением, при этом доля оптимистически настроенных людей выше средней, доля пессимистически настроенных — ниже.

Из тех, кто самоопределяется как «нижегородец», 70 % живут в городе с рождения, 13 % приехали в свое время в город работать, а 9 % — учиться. Зависимость этого параметра от давности проживания несущественная. Среди причисляющих себя к этой группе возрастной разброс значительный (от 15 до 18 %), возрастные категории представлены равномерно. Среди людей, избегающих самоназвания «нижегородцы», заметен контраст по возрасту. Молодыми людьми территориальная идентичность игнорируется чаще, чем людьми старшего возраста.

Среди жителей города с высоким рангом идентичности «нижегородец» 83 % испытывают положительные эмоции в связи с наличием этого статуса. Из людей, не вписывающих «нижегородцы» в структуру собственных идентичностей, 73 % могут сказать, что этот статус воспринимают позитивно. Статус «нижегородец» неприятен 14,5 % из тех, кто ставит его высоко в структуре собственных идентичностей, и 25,3 % из тех, кто не причисляет себя к своей территориальной социальной группе.

При соотнесении иерархического расположения идентичности «нижегородец» с установками в отношении дальнейшего проживания в Нижнем Новгороде выявляется предполагаемая закономерность. В среднем по массиву установка на то, чтобы покинуть город, свойственна 6 % опрошенных. В группе тех, для кого идентичность «нижегородец» располагается иерархически высоко (1—3 позиции), доля людей с такой установкой составляет 2 %, в группе, не выделивших эту идентичность, — 8 %. Тех, кто допускает возможность

переезда из Нижнего Новгорода, оказалось 19 %. В группе с высоким показателем городской идентичности оказались 16 %, в группе «нижегородцев» — 22 %. Наконец, среди респондентов, не желающих покинуть город, с идентичностью «нижегородец» выявлен 81 %; среди тех, кто не выделил эту идентичность, — 70 %.

Информированность об общественных объединениях (официальных и неофициальных), а также участие в них низки по всей выборке. Совсем не интересуется городскими событиями более 5,0 % тех, кто не выделяет в структуре идентичности роль «нижегородец», и 0,6 % тех, для кого эта идентичность является одной из главных. Знание истории города у жителей, вписывающих себя в группу «нижегородцы», на 4—6 % лучше, чем у тех, кто не испытывает общности с нижегородцами.

В среднем участие в городских мероприятиях редко (около 5 %), еще реже — проявление собственной инициативы. Кроме того, из тех, кто имеет опыт проявления инициативы в актуализации проблем различного уровня (чаще это касалось благоустройства двора и жилых зданий), многие не планируют делать это в дальнейшем. Объяснением служит тщетность попыток (или минимальный эффект), а порой и негативные последствия при большом количестве затраченных усилий и времени.

В ходе исследования респондентам предлагалось ответить на вопрос «Если Вам хотелось бы в большей степени влиять на жизнь города, то назовите основную причину, которая этому препятствует?». Наряду с такими формулировками, как «нет времени», «не тот возраст», «нет знаний», «лень», «это не мое», собравшими в среднем по 5 %, более четверти ответов посвящено ощущению собственного бессилия: «мое мнение не столь важно», «все равно ничего не изменится», «нет доверия к властям», «мешает чиновничий бюрократизм», «мнение людей никого не интересует».

На фоне такого восприятия не столь удивительна слабая интеграция нижегородцев для представления собственных интересов в различных аспектах жизни, проявленная в низком уровне задействованности в территориальных сообществах. Объединение в деятельные сообщества — характеристика развитого гражданского общества, инициативности в формулировке, актуализации и поиске путей решения

интересующих вопросов (от влияния на формирование бюджетов или на решение о строительстве крупных объектов до строительства детской площадки во дворе).

В группе отметивших идентичность «нижегородцы» как свойственную для себя интерес к городским проблемам и происходящим в городе событиям выше, чем в среднем по выборке. Обсуждение нижегородских новостей в кругу семьи свойственно для 72 % из них, в кругу друзей — 68 %, на работе (учебе) — 48 %, в Интернете — 4,4 %. В то же время обсуждение новостей в группе самостоятельно не причисляющих себя к нижегородцам менее активно: 66 % — в семье, 48 % — с друзьями, 53 % — на работе (вероятно, не всегда они являются теми, кто предлагает эту тему для обсуждения), 2,5 % — в Интернете.

Под городскими сообществами в исследовании понимались добровольные объединения, членами которых становятся жители Нижнего Новгорода. Для помощи и разъяснения вопроса проводились примеры: нижегородские бизнесмены, нижегородские автолюбители, нижегородские общественные и благотворительные организации, туристические клубы, театральные мастерские, нижегородские художники, нижегородские собаководы, городские интернет-сообщества и пр.

В исследовании не имел значения официальный или неформальный статус сообщества, характер деятельности или цели его существования. Описание разнообразия городских сообществ может стать предметом отдельного исследования. В данном случае самоопределение в качестве члена той или иной группы, которая осознается респондентом как группа, важно с точки зрения количества и разнообразия социальных связей, в которые он включен добровольно и намеренно и которые обусловлены его социальной активностью (помимо минимальной). Так, группы «семья», «близкие друзья», «коллеги», хотя и требуют некоторых усилий для сохранения членства и субъективного восприятия причастности, очерчивают узкий круг минимальных социальных контактов. Причем включение в группу «коллеги» в большинстве случаев является лишь следствием решения выбора траектории профессионального развития.

Самостоятельное объединение, взаимная коммуникация людей в связи с разделением того или иного интереса служат примером самоорганизации, социальной активности,

каналом расширения социальных связей. Вне зависимости от наличия или отсутствия официального статуса группы она может выполнять такие функции, как взаимопомощь, информационный обмен, организация мероприятий, защита собственных интересов и пр. С точки зрения социальной интеграции значение участия жителей номинальной группы «нижегородцы» в реальных социальных объединениях велико.

Среди участников городских сообществ выявлена доля жителей, готовых критиковать городскую среду. Возможно, участие в городских сообществах заставит более критично относиться к проблемам городской среды, например, потому, что повышается уровень информированности. В здоровой политической ситуации это не должно рассматриваться в качестве угрозы. Это может повысить активность в выдвижении предложений в той или иной сфере, мотивировать к участию в создании более благоприятной жизненной среды.

В настоящее время в городе существует довольно много сообществ, объединенных различными интересами. Одни из них ориентируются на совместную активную деятельность или взаимопомощь, другие — на обмен информацией. Сообщества требуют различной степени включенности, активности и ответственности от своих участников.

Известных нижегородцам городских сообществ существенно больше, чем сообществ, в которые они включены. Число тех, кто смог привести примеры известных городских сообществ, невелико. Максимальное число (всего в 8,3 % анкет) упоминаний получила группа сообществ «ветераны труда», объединившая в себе упоминания о конкретных примерах различных производственных предприятий города. В действительности попадание в эту группу не зависит от социальной активности и стремления к объединению, разделения интересов. Членство носит формальный характер, включение в группу происходит автоматически для работников предприятий.

Известной популярностью пользуются не конкретизированные, но упомянутые сообщества: «нижегородские автомобилисты», «нижегородские интернет-сообщества», «нижегородские собаководы». Если сгруппировать упоминания о сообществах ветеранов ВОВ, Афганской войны и чеченского конфликта, то получим относительно значимую долю — 5,2 %.

Большинство интернет-сообществ появилось благодаря электронной коммуникативной площадке сайта nn.ru, широко известной интернет-пользователям Нижнего Новгорода. В ряде случаев отмечается роль социальной сети «ВКонтакте». Есть ряд примеров мероприятий, организованных благодаря этим площадкам, но в большей степени они выполняют функцию информационного обмена.

Примечательно выделение групп «сормовичи» и «автозаводцы». Представители других районов ни разу не были названы в качестве городского сообщества. Эти районы города действительно имеют внутреннюю сплоченность благодаря нескольким факторам. Во-первых, это явно обозначенные и многофункциональные центры. Среди остальных только в Нижегородском районе явно присутствует центр, но его характер отличается: центр Нижегородского района является центром (историческим, культурным, деловым, торговым, образовательным, развлекательным) всего Нижнего Новгорода. Но наибольшее значение он имеет для жителей верхней части города.

Во-вторых, для Автозаводского и Сормовского районов характерна некоторая автономность (а с ней и самоопределение). Это особенно заметно, например, во время празднования Дня города. Наблюдая за празднованием этой даты в разных районах города несколько лет подряд (посещение в течение дня праздничные площадки разных административных районов), мы отметили три наиболее значимые из них. Первая — центральная площадь перед Нижегородским кремлем (пл. Минина и Пожарского), а две другие — в Автозаводском и Сормовском районах. Кстати, на этих праздниках слова «автозаводцы» или «сормовичи» употребляются не реже, чем «нижегородцы». Для жителей других районов таких названий не существует.

В-третьих, Автозаводский и Сормовский — районы структурообразующих предприятий, больших производств. Приокский район тоже вмещает в себя ряд заводов, но это небольшие предприятия со специализацией «электроника». Заводы нижней части города — гиганты, на которых работают члены многих семей, проживших здесь не одно поколение.

В-четвертых, географически эти районы удалены от «официального» центра города, расположенного в верхней части, они строились как относительно целостные поселе-

ния для рабочих заводов. Это обусловило и внутреннюю необходимость создания богатой инфраструктуры: хозяйственной, культурно-развлекательной и пр. (в отличие от других районов города). Нередко можно слышать «легенды» о сормовичах или автозаводцах, никогда не покидавших свой район. Для жителей верхней части города эти районы остаются неизведанной зоной. Разобщенность верхней и нижней части города часто упоминалась в ответах респондентов на вопрос об отрицательных чертах Нижнего Новгорода.

В числе опрошенных ничтожна доля нижегородцев, непосредственно включенных в городские сообщества. Самая большая доля (она составляет лишь 3 %) приходится на сообщества «ветераны труда» нескольких заводов. Более интересны в рамках нашей проблематики интернет-сообщества (2 %).

Социальная среда Нижнего Новгорода, согласно результатам исследования, представляет сейчас слабую основу интеграции. Идентичность «нижегородцы», вероятно, имеет характер самоназвания, нежели включенности в сообщество. Разобщенность жителей и ограниченность лишь ближайшим окружением подтверждает традиционное мнение относительно разобщенности горожан. Однако большое количество имеющихся сообществ можно рассматривать как тенденцию к формированию более разнообразной сети связей. Представляется, что главным фактором поддержки формирования такой сети могут служить электронные коммуникативные площадки.

Поступила 12.09.12.

О. В. САЛМОВА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ТОРГОВЦЕВ ГОРОДСКИХ РЫНКОВ РЕГИОНА

Ключевые слова: торговец, торговля, рынок, социологический портрет, статус, мотив

Key words: seller, trade, market, sociological portrait, status, motive

Формирование рыночной экономики в России обусловило появление новой социально-профессиональной группы рыночных торговцев, основную массу которой в 90-е гг. XX в. составила значительная часть российских граждан, лишившихся работы и дохода. Торговцы городских рынков рассматриваются нами как социально-профессиональная группа людей, осуществляющих действия по продаже товаров покупателям на продовольственных и непродовольственных рынках, получающих от этого доход и определяющих эту деятельность как свою профессию. Торговцы отличаются от продавцов магазинов, супермаркетов и т. д. более близким контактом с покупателями, низкой степенью формальности отношений с ними. Эта особенность выражается в том, что покупатели могут торговаться, снижать цену на товар. Следовательно, общение между покупателем и продавцом на рынке происходит более раскованно и непринужденно.

Для получения представления о социальном портрете работников городского рынка в сентябре — ноябре 2011 г. мы провели анкетирование торговцев рынков Республики Мордовия в таких городах, как Саранск и Рузаевка. Выборка сформирована по принципу доступных случаев, поскольку отсутствуют точные данные о параметрах генеральной совокупности: официальная статистика не дает информацию о торговцах городских рынков, получить ее у управляющих розничными рынками компаний невозможно

САЛМОВА Ольга Валентиновна, аспирант кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

из-за конфиденциальности личных данных физических и юридических лиц. Было опрошено 330 чел.: 286 женщин (86,7 %) и 44 мужчины (13,3 %).

На городских рынках преобладает женский труд. Особенно четко эта тенденция прослеживается среди наемных торговцев, в числе которых, согласно исследованию, не оказалось ни одного мужчины.

По возрастным группам опрошенные распределены следующим образом: до 29 лет — 7,9 %; 30—34 года — 9,7 %; 35—39 лет — 15,8 %; 40—44 года — 20,3 %; 45—49 лет — 27,3 %; от 50 лет и старше — 19,0 %. Условия работы на рынке достаточно тяжелые: много времени приходится проводить на ногах, работа в большинстве случаев предполагает длительное нахождение на открытом воздухе в плохо отапливаемых помещениях. Такие условия требуют «гибкости», умения приспосабливаться, хорошего здоровья, выносливости, что свойственно людям относительно молодого возраста. Этот факт, на наш взгляд, обуславливает то, что люди в возрасте до 45 лет составляют более половины опрошенных (53,7 %). Пятая часть респондентов — торговцы предпенсионного и пенсионного возраста. Это можно объяснить тем, что с возрастом все сложнее конкурировать на рынке труда.

Если сравнивать показатели уровня образования торговцев рынков и жителей региона, то среди первых уровень высшего образования составил 20,6 % и, по данным на 2010 г., почти равен уровню образования среди вторых (21,3 %). Схожая ситуация у среднего профессионального образования. У населения РМ этот показатель равен 29,2 %, у торговцев — 32,4 %.

Национальный состав торговцев рынков региона отражает картину национального состава республики. Большинство опрошенных оказались русскими (54,8 %). Второе место занимает мордва (28,2 %), третье — татары (9,7 %). На представителей других национальностей приходится чуть более 7 %, среди которых лидируют армяне (2,4 %). Низкое число представителей кавказских национальностей объясняется законодательным запретом ведения торговли иностранными лицами.

Работающие на себя составляют 48,2 % опрошенных, наемные — 51,8 %. Продовольственные товары продают 47 %,

непродовольственные — 48,8 %, те и другие одновременно — 4,2 %. Если говорить о продолжительности занятости на рынке, то самую большую группу составили лица, торгующие 5—10 лет (33,9 %). Каждый четвертый (24,8 %) проработал 10—15 лет. 19,7 % опрошенных занимаются торговлей на рынке от 1 до 5 лет; 10,9 % — 15—20 лет; 7,3 % — менее 1 года; 2,4 % — 20—25 лет; 1 % — больше 25 лет.

Для выявления материального положения торговцев рынков был задан вопрос «К какому слою общества Вы отнесли бы себя?». Никто из респондентов не отметил варианты ответа «к высшему» и «к высшей части среднего слоя». Большинство торговцев (36,1 %) отнесли себя «к низшей части среднего слоя». К «низшему слою» причислили себя 33,6 % опрошенных. Примерно одинаковое число респондентов (около 15,0 %) отметили варианты ответа «к средней части среднего слоя» и «затрудняюсь ответить».

По уровню среднемесячных доходов на члена семьи чуть менее половины опрошенных назвали 5 001—10 000 руб., 33 % имеют более высокий доход — 10 001—15 000 руб. Чуть более 9 % респондентов зарабатывают 15 001—30 000 руб. Доход до 5 000 руб. выявлен у 7,3 % торговцев рынков региона. Следует отметить, что уровень дохода различается в зависимости от формы занятости торговцев. Доходы тех, кто работает на себя, как правило, выше, чем у коллег, работающих по найму. Так, самой многочисленной группой среди первых являются лица с совокупным доходом на члена семьи в размере 10 001—15 000 руб. (61,6 %), а среди вторых — от 5 001 до 10 000 руб. (78,4 %). Если сравнивать со среднемесячной номинальной заработной платой по республике, то доходы большинства торговцев, работающих по найму, ниже.

Социально-психологические характеристики торговцев можно проследить на основе ответов на вопрос «Какое чувство Вы испытываете, соотнося себя с группой торговцев рынков?». Чувство уверенности испытывают 32,7 %, гордости — 0,6 %. Нейтральную позицию занимают чуть более 20 %, которые выбрали ответ «безразличие». Отрицательное отношение прослеживается через ответы «неудовлетворенность» (29,4 %) и «униженность» (5,8 %).

Для выявления того, насколько престижной в глазах торговцев рынка выглядит их профессия, был задан вопрос

«Согласны ли Вы с утверждением, что торговля на рынке — это престижный род занятий?». Вариант «скорее нет, чем да» отметили 38,8 %. Отрицательно отнеслись 28,8 %. Вариант ответа «скорее да, чем нет» выбрали 16,1 %, затруднились ответить 11,8 %. Торговцы, считающие работу на рынке престижной, в большинстве не собираются ее менять в ближайшее время (86,7 %). Можно предположить, что работа их устраивает и видится перспективной.

Мотивация прихода на рынок оказывает влияние на поведение торговцев. Среди мотивов, которые привели к занятию торговлей на рынке, преобладает вынужденность, безысходность (55,8 %); 22,4 % опрошенных считают работу на рынке наиболее выгодной; 10,6 % отметили подходящий заработок в качестве мотива; лишь 2,1 % назвали близость места работы. Преобладают мотивы, связанные с более пассивным адаптационным поведением и достижением при этом определенного уровня потребления, нежели мотивы, ориентированные на мобилизацию предпринимательской активности и открытие своего дела. Затруднились ответить 2,7 %. Ответ «другое» дали 6,4 %, при этом были предложены такие ответы, как «подходит график работы», «хотелось попробовать себя в новом деле», «возможность подработать на пенсии», «работа стала привычкой» и т. д. Если сравнить выбор мотива торговли на рынке среди мужчин и женщин, то можно отметить, что мужчины чаще склоняются к варианту «наиболее подходящей работы» и «зарботок устраивает». Соответственно, мужчинам более свойственна активная жизненная позиция, чем женщинам.

Важно проследить, как торговцы, пришедшие на рынок по различным мотивам, видят свою перспективу, т. е. собираются ли они менять свою работу или нет. Среди ответивших «это наиболее подходящая для меня работа» нет ни одного, кто сказал бы, что «готов сменить работу в ближайшее время». Ответ «скорее да, чем нет» дали 1,4 %. Остальные торговцы ответили отрицательно или затруднились дать ответ. Среди опрошенных, вынужденно занимающихся торговлей на рынке, напротив, преобладает доля лиц, готовых сменить работу. Этот факт подтверждает то, что они торгуют на рынке не по собственной воле. Основная часть тех, кого «устраивает заработок» и «место расположения работы», преимущественно не готовы сменить работу. При этом среди таких

респондентов преобладают женщины: в первом случае их 82,9 %, во втором — 100,0 %.

Можно предположить, что формы занятости торговцев рынков и мотивы их занятия торговлей имеют общую связь. Так, наиболее подходящей для себя работу на рынке считают торговцы, работающие на себя (93,2 %). Напротив, среди торговцев, вынужденно работающих на рынке, преобладают наемные работники (75,0 %).

С учетом мотивов занятости и полученных данных можно выделить несколько групп торговцев городских рынков: «вынужденные», «осознанные», «ситуативные» («сомневающиеся»). Следует отметить, что эта классификация достаточно условна.

Социологический портрет торговцев рынка многогранен. С одной стороны, это те, для кого рынок стал возможностью найти работу, с другой — те, для кого рынок представляет собой шанс проявить себя в бизнесе. Людей, торгующих на рынке, окружающие называли спекулянтами, барахольщиками, челноками¹. Выражение «челнок» постепенно уходит в прошлое, на смену ему приходит «торговец» или просто «продавец»².

Несмотря на распространение современных форматов торговли в Мордовии, рынки продолжают выполнять социальные функции: предоставление рабочих мест, обеспечение населения многообразием недорогих товаров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ильина М.А., Ильин В.И. Российский базар: социальная организация и маркетинг. Сыктывкар: Изд-во Сыктыв. ун-та, 2001. 196 с.; Климова С.Г., Щербакова И.В. «Челночество» и государство: этапы эволюции отношений // Россия реформирующаяся: ежегодник. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. № 7. С. 389—405.

² Григорьева Е.Н. «Работа, жизнь, второй дом...»: жизненные миры торговцев рынка под открытым небом // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность: сб. ст. М.: ГРЦРФ, 2008. С. 145—156.

Поступила 09.10.12.

Ж. В. ЧЕРНОВА

ВОСПРИЯТИЕ МЕР СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ И ПОТРЕБНОСТИ СЕМЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКЕ

Ключевые слова: семья, семейная политика, инструменты семейной политики, потребности семей, восприятие мер семейной политики

Key words: family, family policy, family policy instruments, family needs, perception of state family policy

Семейная политика в современной России нацелена на решение демографических проблем, с которыми столкнулось государство. Пронаталистский вариант современной российской семейной политики ориентирован преимущественно на оказание материальной помощи семьям, в то время как другие виды помощи остаются на периферии внимания государства (инфраструктура заботы о детях, сочетание профессиональных и родительских обязанностей, создание рабочего места и городской среды для «дружественной семьи»)¹. Анализ официального дискурса государственной семейной политики позволяет рассматривать ее как некогерентную, состоящую из противоречащих друг другу тенденций². В связи с этим необходимо изучить запрос, сформулированный семьями, чтобы понять их реальные потребности в поддержке со стороны государства.

В статье анализируются материалы 20 фокус-групп с представителями разных типов семей Санкт-Петербурга и Ульяновска (по 10 в каждом городе). Участники фокус-групп — мужчины и женщины в возрасте от 20 до 35 лет, состоящие в зарегистрированном и незарегистрированном браке, имеющие и не имеющие детей, одинокие мамы, бабушки. Использование метода фокус-групп позволило выявить не только потребности семей в поддержке со стороны

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна, доцент кафедры социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат социологических наук (г. Санкт-Петербург).

государства, но и диапазон мнений по широкому спектру вопросов. Необходимо отметить, что в целом респонденты показали низкую степень включения с точки зрения информированности, личного участия и обращения к предоставляемой государством поддержке.

Наиболее острой проблемой, с которой сталкиваются семьи, особенно молодые, является проблема жилья. Респонденты считают, что государственная политика должна быть направлена на решение этой задачи. *«Государству нужно ориентироваться на жилищную проблему: какие-то ипотеки с меньшими процентами, скидки какие-то, дома строить. В общем, как-то надо решать эту проблему, потому что у семей нет больших денег»* (СПб., женщины 50—65 лет). Для решения этой проблемы существуют федеральные, региональные и муниципальные программы. Участники исследования знают о программах льготного ипотечного кредитования, некоторые из них имели опыт обращения к ним. Респонденты отмечали сложности участия в государственных программах, связанные с наличием жестких дополнительных критериев отбора претендентов и условий возврата кредита, например, возрастные ограничения (до 30 лет), обоснование степени нуждаемости (минимальные нормы по доступной жилой площади — менее 8 м² на 1 чел.), размер первого взноса (20 % от стоимости жилья), условия погашения кредита (рассрочка на 15 лет), размер государственной поддержки (не более 1 млн 500 тыс. руб.). Такие условия для оказания помощи в приобретении жилья, особенно для молодежи, трудновыполнимы. *«У меня сложилась ситуация — хотели тогда еще взять ипотеку. И нам говорили: „Вот, сейчас как раз идут программы для молодежи“. Мы пришли, и нам сказали: „Ой, вы тут не подходите, тут не подходите“. И получилось, что мы не подходим вообще ни по каким критериям, в их программу не попадаем. Сначала говорили, что для всех какие-то ссуды беспроцентные. Оказалось, чтобы доход не доходил до какой-то... Ну, в общем, маленький доход... Что-то там еще, то есть много различных критериев. И я говорю: „Вы вообще реально даете кому-то?“. Они: „Ну, конечно, у нас есть такие семьи“. Я знаю очень много семей, которые не могут в ипотеке вообще участвовать. Они не отвечают критериям»* (СПб., женщины 20—25 лет).

Респонденты, не имевшие опыта участия в этих программах, разделяют общее мнение о недоступности программ, непреодолимости формальных условий их реализации.

Выходом из ситуации невозможности приобретения собственного жилья становится аренда жилой площади. Совместное проживание с представителями старшего поколения оценивается негативно практически всеми респондентами. В тех случаях, когда молодые семьи вынуждены проживать с родителями, выявляется временность этого состояния и необходимость предпринимать какие-либо действия для обретения отдельного жилья. Модель многопоколенной семьи далеко не привлекательна, а ее реализация оказывается конфликтной и вынужденной. Эти данные еще раз подтверждают взаимосвязь между жилищными условиями и репродуктивными планами семьи³. *«Когда у тебя много детей, ты сам не всегда в состоянии свое положение улучшить. У тебя нет жилплощади. И сколько ты будешь, 10—15 лет копить? Потом уже ни о каких детях речи быть не может»* (СПб., женщины 30—35 лет).

Наиболее значимым актором поддержки в решении жилищных проблем выступают представители старшего поколения⁴. Их способность и желание оказать материальную помощь играют важную роль в решении жилищных проблем семей. Экономический капитал старшего поколения является фактором стратификации молодых семей. Те, у кого обеспеченные родители, имеют более широкие возможности автономизации. Полученные данные подтверждают тезис о совпадении интенций государственной молодежной семейной политики, связанной с возложением части ответственности на родительские семьи в поддержании благосостояния молодой семьи⁵. Однако сегодня на уровне государственной политики отсутствуют механизмы учета и поддержки реализации межпоколенческого контракта.

Следующая актуальная для респондентов проблема — доступность детских образовательных учреждений и учреждений детского летнего отдыха. *«Супруга отсидит в декрете полтора года. Дальше она все-таки решится выйти на работу, а ребенка — отдать в ясли. А тут проблема — его и отдать-то некуда»* (Ульяновск, мужчины 25—30 лет). Наличие места в детском саду становится одним из важнейших факторов, позволяющих молодым женщинам реализо-

вать гендерный контракт работающей матери, что актуально для семей, которых можно отнести к низшему и среднему классу. В ситуации дефицита дошкольных образовательных учреждений уход и забота о ребенке по-прежнему ложатся на старшее поколение, бабушки и дедушки становятся основными акторами социальной заботы о детях.

Кроме того, участники фокус-групп отметили отсутствие альтернативных вариантов решения этой проблемы, например, выплат пособий на ребенка по достижении им трехлетнего возраста, развитие новых форм дошкольных учреждений и пр. Объем прямых поддержек в виде пособий молодым родителям респонденты называют недостаточным для обеспечения ребенка. *«Это смешно — получать пособие на ребенка 120 рублей! А уж полторы, когда она одна, я этого не понимаю. Я в шоке. Я не могу себе представить, что у меня сейчас не будет кормильца. Это самая худшая ситуация, которая может быть»* (Ульяновск, женщины 20—25 лет).

Респонденты также отметили высокую бюрократизацию и сложности в получении пособий, связанные с подачей документов при недостаточности размеров самих пособий. *«Про 120 рублей я молчу. Даже 1 500 в месяц — это смешно. Мы за квартиру платим пять. Платим за детский садик. Только вот 1 500 за детский садик. За первого ребенка тебе дают 1 000, за второго — 2 000. Это единовременная выплата от губернатора. И то, если ты заявку подала до шести месяцев ребенка. А мне не дали, потому что я потеряла свидетельство о браке. Мой ребенок аннулировался у губернатора»* (Ульяновск, женщины 30—35 лет). В целом трудность получения пособий и льгот, которые часто не соотносятся с получаемой материальной выгодой и поддержкой, расценивается как унижительная и даже служит причиной отказа от них. *«Где-то они даже унижают твое достоинство, что иногда даже думаешь, что не нужны мне эти льготы. Это подачка, ее так начинаешь расценивать. Да, собственно говоря, я обойдусь и без нее»* (Ульяновск, мужчины 30—35 лет).

Молодые матери являются для работодателей наименее привлекательными специалистами в связи с нагрузками по уходу за ребенком. Респонденты полагают, что работодатели выступают значимыми акторами социальной политики, от

их поддержки и понимания ситуации во многом зависит благосостояние семьи. Прежде всего позиция работодателей важна в случае необходимости взять свободный день или освободить часть рабочего дня, например, при болезни ребенка. *«Мне кажется нужна такая программа, когда молодым родителям действительно помогают. Не помощь, а понимание со стороны работодателя! Если там маленький ребенок заболел, нужно войти в положение, отпустить, допустим, с работы»* (Ульяновск, женщины 50—65 лет).

Свободный график работы и предоставление отпуска является востребованной поддержкой со стороны работодателей для молодых родителей, которые вынуждены справляться с двойной нагрузкой. *«Срок бы продлили. В полтора года ребенка в садик вообще не устроишь. Да, пособие до полутора лет. Или ввели, чтобы работодатель, у которого мама с ребенком до трех лет, был согласен на короткий день. Бабушки могут сидеть, но не весь день. Хотя бы полдня. Полдня ты работаешь, а потом приходишь во второй половине. При этом, чтобы это не сказалось на зарплате»* (Ульяновск, женщины 30—35 лет).

Проблема пособий по уходу за ребенком была определена не только в связи с их недостаточным размером, но и механизмом выплат, который предполагает перечисление денег работодателем с последующим возмещением из фонда социального страхования. Этот механизм не работает: в случае ликвидации предприятия молодые матери рискуют вообще не получить пособие. *«Мы пришли в соцзащиту. Нам сказали: „Вы зачем рожали? Мы документы пока у вас не принимаем“. Нам пришлось обращаться к Путину, чтобы они нас приняли. Мы в декретном сидели. У нас организация закрылась. Нас как бы уволили в связи с ликвидацией. И дали нам документ, куда хотите, туда и идите. По законодательству, ты работаешь, и работодатель должен выплачивать тебе сумму, а когда ликвидируется предприятие, он уже не выплачивает. Надо, чтобы государство платило»* (Ульяновск, женщины 30—35 лет). Эта проблема для участников фокус-групп особенно актуальна в ситуации экономического кризиса, который привел к ликвидации многих предприятий малого и среднего бизнеса. Правовой механизм взыскания с работодателей задолженностей по пособиям и заработной плате в случае

ликвидации предприятия далеко не эффективен, например, не удастся взыскать задолженность даже в случае положительного решения суда.

При оценке эффективности мер социальной политики по отношению к молодым семьям респонденты высказали общее мнение о том, что на сегодняшний момент семейная государственная политика представлена номинально, носит декларативный характер, так как отсутствуют или не работают механизмы реализации государственных программ. *«Мне кажется, что именно государственной политики как таковой нет. Если она есть, то только на бумаге. То есть, может быть, там, на бумаге что-нибудь есть, какие-то законопроекты по стимулированию, но на этом они и иссякли... А зачем? Мы лучше вон налоги повысим, пенсионный возраст и т. д.»* (Ульяновск, мужчины 30—35 лет). Респонденты отметили также, что решение проблем семей должно сопровождаться комплексными социальными и политическими изменениями: борьбой с коррупцией в государственных органах, развитием социальной инфраструктуры (транспорт, ЖКХ, безопасность, здравоохранение, образование). Так, повышение эффективности работы программ поддержки молодой семьи связано с решением проблем коррупции. *«Система-то (поддержки семьи) она есть, но не работает, а причины — это та же самая коррупция, потому что деньги постоянно у нас воруют»* (СПб., мужчины, 30—35 лет).

Вместе с тем патерналистская позиция государства по отношению к семьям с детьми, связанная с непосредственным вмешательством в вопросы планирования семьи путем предоставлений пособий, по оценкам информантов, ведет к появлению иждивенческой позиции. *«Очень много по стране такого, рожают ради этого второго ребенка... У меня соседка, тут даже не о материнском капитале идет речь. Она рожала из-за пособий, это был единственный ее источник дохода»* (СПб., женщины, 20—25 лет).

Несмотря на то, что перечень проблем в Санкт-Петербурге и Ульяновске одинаков, были выявлены некоторые региональные различия. Они связаны с оценкой экономической ситуации в регионе. Жители Ульяновска чаще отмечали проблемы регионального рынка труда (наличие рабочих мест, востребованность специальностей, размер заработной платы,

ограниченное число крупных корпоративных работодателей, предоставляющих расширенный соцпакет для семейных работников). Эти условия ограничивают набор возможных индивидуальных стратегий молодых семей и актуализируют необходимость поддержки старших родственников.

Также респонденты отмечали недостаточный уровень своей информированности о формальных процедурах реализации программ поддержки молодых семей и о наборе оказываемых услуг. Следующая цитата наглядно демонстрирует нехватку информации, а также неэффективность работы существующих механизмов информирования: *«Оказывается, до 6 месяцев, например, если у матери нет молока, то питание, детские смеси финансирует государство. Это 1 200 рублей. Я тогда этого не знал. Оказывается, это уже работает не один год. Об этом должны ставить в известность медработники, а у них, естественно, тоже есть определенный норматив — более двух не давать. А то их кто-то там свыше отругает, стукнет»* (Ульяновск, мужчины 30—35 лет).

Участники фокус-групп высказали свое мнение о существующих мерах государственной поддержки семьи, внесли предложение по повышению эффективности семейной политики. По их мнению, должно быть увеличено число акторов реализации семейной политики за счет привлечения работодателей. Для этого, например, в корпоративной социальной политике должны быть предусмотрены меры, направленные на поддержку семейных работников и способствующие реальному улучшению положения семей с детьми. Предложения касались выплат дополнительных пособий за счет предприятия и работы ведомственных детских садов, детских оздоровительных учреждений, участия предприятия в погашении кредита молодых специалистов, предоставления жилья на льготных условиях. В качестве других элементов политики «дружественной семьи» названы меры по регулированию условий труда работающих матерей: гибкий график работы, неполный рабочий день, изменение порядка предоставления отпусков, увеличение продолжительности оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста.

Кроме того, ряд предложений касался модернизации политики предоставления жилья молодым семьям. Для этого,

по мнению респондентов, необходимо ослабить бюрократизацию процедуры получения беспроцентных ссуд на жилье, расширить круг лиц возможных бенефициариев этих программ. Образовательная политика также стала не только объектом критики, но и предложений по ее модернизации. Участники фокус-групп полагают, что государственная политика должна ориентироваться и на расширение количества мест в образовательных учреждениях, и на улучшение качества предоставляемых услуг в рамках государственных учебных учреждений. Респонденты, принявшие участие в исследовании, также говорили о необходимости создания и развития образовательных программ и дополнительных возможностей для профессиональной подготовки и переподготовки молодых родителей, особенно мам.

Участники исследования высказали единодушное мнение о необходимости увеличения размера пособий и льгот молодым родителям, об упрощении бюрократических процедур, связанных с получением пособий и при этом проявили опасение относительно распространения социального иждивенчества. Они отметили потребность в усовершенствовании существующего трудового законодательства при решении проблемы, связанной с невозможностью получения гарантированного пособия во время отпуска по уходу за ребенком в случае ликвидации предприятия в этот период. Для этого высказаны предложения исключить работодателей из «цепочки» выплаты пособий по беременности и уходу за ребенком, перечислять деньги из фондов социального страхования напрямую матерям.

Способом повышения уровня информированности семей о предоставляемых им пособиях и льготах, по мнению респондентов, может служить развитие разных информационных ресурсов (специализированных семейных консультаций, интернет-порталов), где будет размещена подробная информация по широкому спектру проблем, с которыми сталкиваются семьи. Кроме того, участники фокус-групп заинтересованы в реализации кампаний, направленных на повышение статуса и ценности семейной жизни среди молодежи. Эти мероприятия должны носить не «точечный» характер, а быть частью долгосрочной комплексной программы федерального и регионального уровня, учитывающей проблемы всех слоев населения.

Таким образом, можно сделать вывод о потребностях семей в государственной поддержке. Отношение граждан, получателей социальных программ, к мерам государственной политики можно определить как противоречивое. С одной стороны, они декларируют ориентацию на индивидуальные возможности и силы и не хотят быть объектом политики государства, которая рассматривается ими как стигматизирующая, неэффективная, коррумпированная и труднодоступная. Респонденты предпочитают рассчитывать на свои силы, возлагая на государство обязанности по созданию инфраструктуры, которая позволит им самостоятельно обеспечить как собственное благополучие, так и благосостояние своей семьи. С другой стороны, участники исследования формулируют запрос на активную государственную семейную политику. Этот запрос связан с выделением актора / набора акторов (государство, работодатели, старшие родственники), с которым они могли бы разделить обязанности по уходу за детьми. При этом государство играет роль ключевого актора и регулятора инфраструктуры поддержки семьи. В этом смысле патерналистские интенции государственной политики и надежды ее потенциальных бенефициариев совпадают. Проблематика повышения эффективности мер государственной политики связывается с расширением круга получателей поддержки, фасилитацией доступа к сервисам и выплатам, увеличением размеров предоставляемой помощи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Чернова Ж.В. Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценка эффективности // Женщина в рос. обществе. 2011. № 3. С. 44—51.

² См.: Печерская Н.В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // Журн. исслед. социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 323—342.

³ См.: Вовк Е.А. Количество детей в семье: установки и репродуктивное поведение. URL: <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=271> (дата обращения: 29.10.2012).

⁴ См.: Чернова Ж.В. Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социс. 2012. № 7. С. 118—127.

⁵ См.: Ее же. «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в рос. обществе. 2010. № 1. С. 23—42; № 2. С. 26—38.

Поступила 29.09.12.

**Л. И. ВАТАНИНА СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА
В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ¹**

Ключевые слова: Республика Мордовия, сельское население, аграрный труд, социальная инфраструктура, демография, индивидуальное предпринимательство, структура семьи, формы проведения досуга

Key words: the Republic of Mordovia, rural population, agrarian labour, social infrastructure, demography, individual entrepreneurship, family structure, leisure forms

На протяжении столетий основное население России проживало в сельской местности. Именно оно во многом определяло ход российской истории практически во всех отраслях жизни. В XX в. сельское население пережило масштабные социальные трансформации модернизационного характера, которые привели к изменению его количественных и качественных показателей. К середине XX в. сельское население составляло практически половину всех жителей Российской Федерации, а именно, по данным переписи 1959 г., 52,2 %. В дальнейшем его численность заметно сократилась. Так, согласно переписи 1989 г., доля сельского населения составила 26,6 %, в 2002 г. — 26,7 %, в 2010 г. — 26,3 %². Аналогичные процессы характерны и для Республики Мордовия: в 1959 г. сельское население региона составляло большинство населения (82,0 %), в 1989 г. его доля сократилась до 43,8 %, в 2002 г. — 40,2 %, в 2010 г. — 39,6 %³.

Прошедшие годы показали, что ход и результаты российских трансформаций рубежа XX—XXI вв., а также с ними связываемые надежды не оправдались. Итогом этих реформ стали социальные потрясения и регресс во всех сферах жизни сельского населения.

В связи с этим актуально изучение социально-культурного аспекта сельского населения на микроуровне. В качестве объекта мы выбрали с. Старые Найманы Большеберезниковского муниципального района Республики Мордовия,

ВАТАНИНА Людмила Ивановна, научный сотрудник управления научных исследований Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

где в течение 2007—2012 гг. осуществлялся сбор полевого материала, включая анкетирование, личные наблюдения, работу с похозяйственными книгами. Жителям села была предложена анкета из 132 вопросов, объединенных в 15 разделов, отражающих все стороны сельской жизни.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в этом селе произошли те же социально-экономические изменения, которые характерны для всей страны. После распада колхоза в Старых Найманах не стало работы. Причины этого многие жители видят в недостатке реальной помощи сельскохозяйственному сектору со стороны государственных структур. Это обстоятельство, по их мнению, не привело и к фермеризации села. Главным источником дохода людей, постоянно проживающих в сельской местности, остается личное подворье. Основной акцент при этом сделан на выращивание скота с целью продажи, что является наиболее стабильным способом получения средств. В основном продукты животноводства реализуются с помощью перекупщиков, так как продать их самостоятельно проблематично.

Что касается продукции с приусадебного участка, то сейчас в основном она используется только для собственных нужд. Еще в 1990-е гг. многие сельчане в большом количестве сажали картофель, значительная часть которого продавалась. Его выращивали не только на своих приусадебных участках, но и распахивали землю для его посадки за пределами села. В настоящее время из-за больших расходов, связанных с пахотой земли, ценами на удобрения, средствами ухода за растениями, а также из-за отсутствия необходимой техники и трудоспособного населения этот вид получения доходов стал нерентабельным.

Существенные изменения произошли в социальной инфраструктуре села. До 1990-х гг. здесь работала общеобразовательная школа, детский сад, два больших магазина, небольшое ателье, пожарная часть, почтовое отделение, филиал сберегательной кассы и др. В настоящее время осталось лишь одно административное здание, где расположен сельсовет, медпункт, библиотека, клуб. Кроме того, в селе работают два магазина.

Местные жители отмечают низкий уровень социальных услуг, особенно медицинского обслуживания. Большеберезниковская районная больница предоставляет только узкий

спектр медицинских услуг. В связи с этим жители выезжают в соседний Чамзинский муниципальный район или г. Саранск.

Существуют трудности и с транспортом. Так, еще в 90-х гг. XX в. в село направлялись рейсовые автобусы 4 раза в день, что позволяло без особых трудностей выезжать в районный центр, Чамзинку или Саранск. В настоящее время автобус заезжает в село один раз в день, что сильно затрудняет передвижение жителей с. Старые Найманы, особенно пенсионеров, так как у многих нет личного транспорта. Налицо социально-экономическая изоляция села от внешнего мира. Такое положение вызывает пессимистические настроения у местных жителей, которые дают невысокую оценку перспективам развития села.

В результате разрушения экономической основы жизнедеятельности и социальной инфраструктуры произошли изменения в демографической сфере. В 1991 г. в с. Старые Найманы проживало 760 чел., в 2007 г. — 618 чел., в 2011 г. — 527 чел. Таким образом, за 20 лет (с 1991 по 2011 г.) численность населения сократилась на 36 %, в первую очередь это произошло за счет экономически активной части. За рассматриваемый период доля лиц трудоспособного возраста уменьшилась на 32 %. У более половины из них нет постоянной работы. Безработица в Большеберезниковском муниципальном районе — одна из самых высоких в республике. В 2009 г. уровень безработицы здесь доходил до 3 %⁴. Население стареет, в его структуре увеличивается доля людей пенсионного возраста. По данным 2011 г., в с. Старые Найманы проживает 183 пенсионера (34,7 % от общего числа жителей), хотя их также становится меньше (в 2007 г. в селе было 240 чел. пенсионного возраста). На фоне старения населения уменьшилась численность детей дошкольного и школьного возраста (в 2007 г. — 14 детей дошкольного возраста и 66 школьников, в 2011 г. — 17 и 18 детей соответственно). Иными словами, за данный период доля детей сократилась на 55 %. В связи с этим полная средняя школа была преобразована в девятилетку⁵.

Тяжелая социально-экономическая ситуация вынуждает людей искать работу за пределами своего района и республики, что приводит к усиленному оттоку населения в крупные города. С 1990-х гг. работоспособные мужчины в

Старых Найманах формируют строительные бригады, которые направляются на работу в Самарскую и Нижегородскую области, в Москву. Занятость, как правило, носит сезонный характер и является нестабильным источником дохода.

В последние годы покидать село с целью заработка стали и женщины (от 40 лет и старше). Основная причина этого — необходимость обучения детей в высших и средних учебных заведениях. Чаще всего женщины нанимаются домработницами, медсестрами, нянями. Их средняя зарплата составляет 20—30 тыс. руб. в месяц. Женское «отходничество», по данным информаторов, получает все большее распространение в муниципальных районах Мордовии: Атяшевском, Дубенском, Чамзинском и др.

В Старых Найманах, как и во многих других селах, есть люди, занимающиеся индивидуальным предпринимательством, которые в основном работают в сфере торговли. Они закупают товары широкого потребления мелким оптом, а затем реализуют их в розницу с наценкой. Деятельность таких предпринимателей требует постоянных переездов с места закупок товара до места их сбыта и обратно. Благодаря такой деятельности они имеют определенный заработок.

Отток трудоспособного населения из села, долгое проживание отдельных членов семьи вдали от дома отрицательно сказывается на семье. Дети остаются на попечении старшего поколения, родителей они видят лишь изредка. Это негативно сказывается на их воспитании, а также нередко приводит к распаду семей.

Разрушение хозяйственных, социальных, идеологических основ привело к подрыву прежних традиционных устоев. Четко просматривается появление категории маргиналов, не предпринимающих никаких усилий для улучшения своего экономического и социального статуса. Они ждут помощи от местного сообщества, органов власти или опеки. Среди негативных тенденций следует отметить пьянство, воровство. Респонденты объясняют появление таких людей тем, что раньше человеку было особо некогда предаваться беззаботной жизни, так как все работали, а сейчас отсутствие работы и избыток свободного времени не лучшим образом сказываются на моральном облике людей.

Многие информаторы полагают, что если в 70—80-е гг. XX в. большая часть населения, получая традиционное вос-

питание, руководствовалась нормами обычного права и морали, то в настоящее время решающую роль в формировании модели поведения играют СМИ. Они не всегда благоприятно влияют на подрастающее поколение и молодежь. Негативное воздействие оказывает и ослабление семейных отношений. Родители мало времени уделяют детям, что не способствует их нормальному воспитанию. В результате с каждым годом растет детская преступность и беспризорность, появляются неблагополучные семьи. Это формирует новую подростковую и молодежную субкультуру, которая отдаляет детей и молодежь от традиционной народной культуры.

Село долгое время было уникальным хранилищем народной культуры. Мордовская народная педагогика культивировала у детей любовь к труду, порядочность, уважение к людям, особенно к старшему поколению. Жизнь на селе была поставлена так, что репутация человека, его доброе имя ценились очень дорого. Эти правила ребенок усваивал с самого рождения. Большая сельская семья воспитывала детей, старалась вырастить их добропорядочными людьми. Существовала прочная связь поколений во всех сельских семьях, традиции и обычаи передавались из поколения в поколение. Это было возможно до тех пор, пока часть молодежи связывала свою жизнь с селом и сельским хозяйством. В настоящее время у молодежи иные ценности: здоровый прагматизм, ориентация на финансовый успех, карьерный рост.

Социально-экономические и политические процессы негативно сказались на формах проведения досуга. Жители с. Старые Найманы в течение 30 лет гордились ансамблем «Найманочка», в котором выступало не одно поколение женщин и молодежи. Хор давал концерты в с. Старые Найманы, выезжал в соседние районы и г. Саранск. Сценические костюмы приобретались на средства колхоза. Сельские женщины, несмотря на работу по дому, большое подсобное хозяйство, воспитание детей, активно реализовывали свой творческий потенциал. Бывшие участницы коллектива с большой теплотой вспоминают времена, когда пели в «Найманочке». Основной их досуг сегодня — общение друг с другом и просмотр телепередач.

Анализ проведенных нами исследований сел Мордовии позволяет сделать вывод о том, что современные социально-экономические проблемы формируют образ жизни сельских

поселений. Изменяется не только внешний облик села (не строятся новые дома, ветшает жилой фонд, сокращается численность молодежи и т. д.), но и уникальный духовный и культурный мир сельского жителя (упрощение обрядов, утрата многих традиционных знаний и умений, изменение моральных ценностей и т. д.).

Большеберезниковский муниципальный район Республики Мордовия обладает хорошим экономическим потенциалом, и при разумном его использовании и инвестициях в местную экономику можно поднять сельское хозяйство района. Сельское хозяйство — основная и традиционная отрасль АПК района. Учитывая специфику, природный потенциал и гео-климатические условия, необходимо воссоздать предприятия АПК, специализирующиеся на выращивании и переработке сельскохозяйственной продукции. Новые рабочие места, достойная заработная плата — главный успех возрождения сельской экономики. Природные ресурсы Большеберезниковского муниципального района позволяют развивать бизнес в сфере отдыха и туризма.

Для привлечения населения в сельскую местность необходимо улучшить инфраструктуру района: построить новые комфортабельные дома для молодых специалистов и их семей, детские сады, больницы и поликлиники; увеличить материальное благосостояние сельских семей и др. Люди должны стремиться жить в сельской местности, сохраняя культуру и традиции своего народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья опубликована в рамках гранта РГНФ № 11-11-13010а/В.

² См.: Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 31.01.2012).

³ См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2010. С. 54.

⁴ См.: Республика Мордовия в цифрах. 2009 г.: крат. стат. сб. № 4. Саранск, 2010. С. 32—33.

⁵ Данные Старонайманского сельского совета Большеберезниковского муниципального района Республики Мордовия.

Поступила 12.09.12.

Н. Н. АЗИСОВА

О. А. БОГАТОВА

ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ, РЕЛИГИОЗНОСТИ И СВЕТСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ЭРЗЯНСКОМ ОБРЯДОВОМ ПРАЗДНИКЕ¹

Ключевые слова: религиозность, новые религиозные движения, социокультурные ценности, этнокультурная политика

Key words: religiousness, new religious trends, socio-cultural valuables, ethno-cultural policy

Изучение взаимоотношений между религией и политикой в современном мире включает в себя исследование способов и последствий влияния религиозных феноменов (идей, символов, личностей, организаций) на политическую систему в целом, а также институтов и практик реагирования политических систем на требования религиозных организаций. Взаимоотношения между религией и политикой имеют длительную историю. Как утверждает Р. Жирар, в период

АЗИСОВА Надия Низаметдиновна, заместитель директора по учебной работе и качеству образования Средне-Волжского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат социологических наук, доцент (г. Саранск).

БОГАТОВА Ольга Анатольевна, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

первобытного и раннеклассового общества, когда государство как институт отсутствует или имеет слабый характер, религия действует в качестве института, монополизирующего право на легитимное насилие с целью предотвращения и разрешения конфликтов². В дальнейшем религия остается институтом, имеющим значительное влияние на своих adeptов и способным мобилизовывать их для коллективных действий, включая межобщинные и политические конфликты.

В обществах современного типа основной социальной рамкой взаимоотношений между религиозными и политическими социальными субъектами является секуляризация как процесс прогрессирующей дифференциации функций религиозных и нерелигиозных институтов, в частности, взаимного обособления государственных и конфессиональных институтов. Однако в условиях секулярного государства религия продолжает выполнять ряд политических функций.

Главная ценность идеологии национального государства — нация как сообщество граждан. В большинстве случаев национализм остается светской идеологией, но иногда он включает в себя религиозные элементы. Например, в США христианская религиозная традиция, особенно протестантская, образует основу гражданской религии — политической культуры, включающей элементы религиозной ориентации, религиозные символы, ценности и нормы, которые сакрализируют и объединяют нацию³. Р. Брубейкер отмечает четыре основных подхода к изучению взаимоотношений между религией и национализмом как политической идеологией:

— следует рассматривать религию и национализм (наряду с этнической принадлежностью и расой) как аналогичные явления — источники и формы социальной и культурной идентификации и принципы видения и разделения социального мира, которые могут служить инструментами социальной сегментации в гетерогенных обществах. В рамках этого подхода требования религиозных сообществ должны рассматриваться как часть общего феномена политизации культуры и культурализации политики;

— использование исследования религии для того, чтобы прояснить некоторые характеристики национализма: его происхождение, отличительный характер, объясняемый не только через привнесение религиозных символов и нарративов, но и другими, косвенными, способами (например,

многостороннее влияние Реформации на формирование современных национальных государств и наций как политических сообществ);

— рассмотрение религии как части национализма (нация может состоять из последователей определенной религии, или религия может использоваться как маркер этнической принадлежности или национальности, религия может формировать мифы, метафоры и символы, которые являются центральными в образе нации). Также отдельную проблему представляет политическое использование языка «святости» в терминах священных идеалов, священной территории или священных событий национальной истории, что, с точки зрения Р. Брубейкера, является следствием национализации или этатизации (огосударствления) религии;

— изучение религиозного национализма как особой формы национализма, сосредоточенной на проблемах семьи, пола и сексуальности, защите традиционной патриархальной семьи как ячейки воспроизводства нации, патриархального распределения ролей в семье и обществе и т. д.⁴

Помимо использования религиозных символов и ценностей в качестве материала для создания политических идеологий, самостоятельный предмет изучения в контексте взаимоотношений религии и политики в современном обществе представляют так называемые «публичные религии», т. е. религиозные группы, осуществляющие различные социально-политические акции, или политизированные религии. Х. Казанова объясняет возникновение и деятельность «публичных религий» тем, что религиозные организации в современном мире не стремятся относиться только к ритуальной богослужебной сфере, а хотят участвовать в публичных дебатах, высказывать свое мнение по актуальным социальным проблемам и пытаться реализовать ее в своей общественной деятельности в качестве организаций гражданского общества⁵. При этом, как отмечает Ю. Хаббермас, требования религиозных организаций должны быть высказаны в нейтральных, т. е. светских, терминах, чтобы быть услышанными в публичной дискуссии⁶. В связи с этим необходимо уточнить, что, во-первых, участие в публичных дебатах не предполагает, что общественность обязана брать во внимание чьи-либо требования, но допускает возможность критики любой позиции. В этом социальном контексте воз-

можность «быть услышанным» и получить желаемый ответ на свои требования зависит не столько от общественности, сколько от инициативы государства, которое проводит политику партнерства с религиозными сообществами.

Например, Дж. Бекфорд, изучая проблемы сотрудничества британского правительства лейбористов и многочисленных конкурирующих религиозных организаций, выступающих в качестве «публичных религий» наряду с формально признанными «национальными» Церковью Англии и Церковью Шотландии, доказывает, что отмечаемый Х. Казановой рост влияния религии в британском случае объясняется вмешательством государства в сферу деятельности организаций гражданского общества с целью переложить на них отдельные функции «государства всеобщего благосостояния». Это вмешательство представляет собой одну из форм «управления различиями» в рамках политики мультикультурализма и заключается, с одной стороны, в признании религиозных организаций в качестве «сообществ верующих», с другой — в приглашении их к сотрудничеству по предотвращению экстремистской деятельности, обеспечению гражданской лояльности мигрантских сообществ и социальной помощи, проведению межконфессиональных совещаний, круглых столов и т. д.⁷

Таким образом, «публичные религии» представляют собой сложное и многофункциональное социальное явление, не сводимое только к религиозному действию. Как полагает Х. Цусиро, деятельность «публичных религий» с учетом их взаимодействия с государством, политическими партиями и движениями, а также националистические и культурные компоненты этих взаимоотношений можно объяснить посредством «треугольной схемы», включающей политических, культурных и религиозных социальных агентов на уровне мирового сообщества (глобальный уровень), страны или национального государства, политики региональных органов государственной власти, организаций гражданского общества, местных сообществ и этнических групп. В зависимости от инициатора политической мобилизации последователей «публичной религии» можно выделить несколько основных видов взаимодействий: религию, мобилизованную политиками; культуру, мобилизованную политиками; религию, мобилизованную культурой; политику, мобилизованную

религией; культуру, мобилизованную религией. В зависимости от уровня взаимодействия выделяются четыре типа «публичной религии»: государственная религия; «политические религии» (националистические и транснациональные политические идеологии); «гражданские религии»; народные, или этнические, религии (folk religions)⁸.

Инициатива такого взаимодействия может исходить от разных субъектов, каждый из которых вкладывает в него свой социальный смысл, поэтому его содержание и результаты могут интерпретироваться и реинтерпретироваться по-разному в зависимости от целей политической мобилизации, средством которой выступает религия. Примером подобных манипуляций религиозными чувствами и исторической памятью Х. Цусиро называет храм Ясукуни, который был создан после «революции Мэйдзи», в конце XIX в., в качестве центра синтоизма, одновременно получившего статус официальной государственной религии и во многом искусственно сконструированного именно для этой цели из комплекса этнических верований, существовавших с момента обращения Японии в буддизм в составе единого буддистско-синтоистского религиозного комплекса. Реорганизованный после Второй мировой войны в частную религиозную корпорацию храм Ясукуни по-прежнему воспринимается в качестве памятника японскому милитаризму из-за его подразумеваемого религиозного смысла и из-за мемориального музея, который находится на его территории. Поэтому «проблема Ясукуни» и в настоящее время является предметом обсуждения в Японии, предлагаются различные варианты ее решения.

В России (да и в большинстве стран) религия и этничность активно используются в идеологическом дискурсе различными общественными силами в качестве дополнительного ресурса. Это применение, по нашему мнению, и составляет суть феномена политизации этничности, который имеет ряд деструктивных социальных последствий. Свой вклад в политизацию религии и этничности вносят не только политические движения, но и этноориентированные общественные организации, конфессии, новые религиозные движения, к которым можно отнести неоязыческие организации (современные язычники избегают этого термина, поскольку он ставит под сомнение их религиозную аутентичность).

Как правило, националистические движения для своей легитимации апеллируют к культурным истокам этнических идентичностей, рассматриваемых ими в качестве древних, первичных, «примордиальных» социальных идентичностей. Эта тенденция затронула русских (шире — восточнославянских) националистов-неоязычников и представителей движений за возрождение языческих традиций нерусских народов, включая титульные этносы республик в составе России. В случае с возрождением эрзянского язычества, помимо воссоздания практически полностью забытой культовой традиции, можно наблюдать его использование для реализации современного националистического проекта признания в качестве отдельной нации субэтнической группы мордвы-эрзи. Этот проект, продвигаемый группой национальных активистов в Мордовии, в 90-е гг. XX в. создавших Фонд спасения эрзянского языка и издающих газету «Эрзянь Мастор», а также их единомышленников в других регионах России и странах ближнего зарубежья, включает и признание права на территорию, а также (вос)создание этнонациональной государственности на ее гипотетической территории — Эрзянь Мастор (страна эрзян).

Исследователи неоязычества в России в конце XX в. (В. А. Шнирельман, В. В. Напольских и др.) отмечают, что его политизация обусловлена модернизацией российского общества, в результате которой возможно инструментальное политическое использование синкретической «народной религии», содержащей элементы язычества и христианства и находившейся с 20-х гг. XX в. в состоянии кризиса и деградации из-за постепенного исчезновения ее носителя — крестьянства. В итоге у народов России, включая даже наименее христианизированных марийцев и удмуртов, происходит смена социальной базы языческих (неоязыческих) конфессий, главными идеологами которых становятся этноориентированные представители интеллигенции, и в связи с этим «народная духовная культура служит базой для формирования идеологии индустриального общества»⁹.

Современное эрзянское неоязычество не оформилось в качестве отдельной религиозной организации в отличие от славянских неоязыческих групп, имеющих четкие групповые границы. Эта особенность полезна для активистов эрзянского национального движения, потому что такие верования

могут интерпретироваться как часть культурного наследия некоторыми его последователями, как некоторые другие этнические религии (например, синто или индуизм). Эрзянское неоязычество не существует вне регулярных коллективных ритуалов — молений (озксов), организуемых национальными активистами и воссоздающих основные элементы дохристианских поминальных обрядов. Основные из них — Велень Озкс (сельское моление, проводится с начала 1990-х гг. в с. Ташто Кшуманця Большеигнатовского муниципального района Республики Мордовия) и Раськень Озкс (всенародное моление, которое проводится с 1999 г. в с. Чукалы этого же района на подлинном культовом месте языческих молений — кургане (маре); с 2004 г. — каждые три года) — подверглись огосударствлению. Они стали проводиться в Мордовии как государственные народные фестивали. Республиканские и местные власти получили возможность контролировать эти мероприятия, редактировать их программы и направлять для участия в них представителей Министерства по национальной политике Республики Мордовия, глав местных администраций, полицейских и т. д.

Это вмешательство наряду с очевидной установкой властей на фольклоризацию молебнов было воспринято их участниками по-разному. Некоторые из них сделали однозначный вывод о профанации этих религиозных обрядов в связи с включением с 2004 г. в сценарий праздников спортивных и культурно-развлекательных мероприятий и призвали проводить собственные озксы отдельно от контролируемых властями фольклорных праздников. «Важная составляющая начала моления — соединение через огонь Бога, через народную живую кровь с предками — была подменена программой официальной Мордовии, выступлениями чиновников и театрализованным представлением артистов на сцене, сооруженной рядом с Мааром. Народное гуляние при стечении огромной массы народа получилось. Соревновались спортсмены, с неба приземлялись парашютисты, зеваки очистили двадцать котлов селянки. Но вот где сакральная сущность самой идеи праздника, ради которой ехали люди, везли в пакетах родную землю? Ради чего ехали иностранцы? И нужен ли нам, эрзянам, такой праздник?»¹⁰.

Другие были не столь категоричны и утверждали, что даже во время проведения последнего по времени Раськень

Озкса в 2010 г. авторам официального сценария не удалось полностью десакрализировать этот обряд. «Чиновники Мордовии пытались, на мой взгляд, извратить саму суть Раськень Озкса, нарушить сакральный характер всеэрзянского моления. Именно с этой целью и была установлена концертная площадка практически у подножия священного Маара, именно здесь мордовские функционеры начали свои „праздничные песнопения“, именно отсюда шла постоянная угроза для эрзянского священнодействия. Но все же... состоялось то, ради чего съехались на эту моленную поляну эрзяне со всех концов России, то, во имя чего каждый из нас привез сюда горсть своей родной земли, на которой мы в настоящее время живем, трудимся, мечтаем, растим детей. Мы возложили эту землю на курган наших предков, тем самым дав им знать, что эрзяне живы, что время последнего часа еще не пробило, что у нашего народа есть жизненные силы, а значит, есть будущее»¹¹, — написала в своем отзыве участница молебна из Санкт-Петербурга.

Таким образом, следует интерпретировать эти ритуалы посредством исходного религиозно-политического смысла, который вкладывается в эти действия представителями эрзянского национального движения; явного культурного и имплицитного политического (оппозиционным по отношению к официальной этнической политике) смысла, который, с точки зрения властей, следует по возможности нейтрализовать путем светской культурализации праздника; преимущественно светского культурного смысла (сохранение этнической идентичности и культуры), как считают работники культуры и участники художественной самодеятельности, одетые в национальные костюмы певцов, музыкантов, писателей, православного священника и участвующие в озксе.

Именно для того, чтобы привлечь светскую интеллигенцию и вписаться в современный интеллектуальный и культурный контекст, традиционное эрзянское язычество было реинтерпретировано: верховный бог эрзянского пантеона Инешкипаз стал рассматриваться в качестве единого бога-творца (по аналогии с авраамическими религиями), а остальные боги — как его творения; сама эрзянская вера приняла монотеистический характер. «Великий Создатель, Всевышний Солнцебог — Творец всего сущего, ОН есть единственный Бог эрзян. Масторава, Ведява, Вириява, Норовава, Юртава

и проч. — это кирдицят (букв. держатели, т. е. духи-покровители), они созданы Инешкипазом и отвечают каждый за свою сферу бытия. Этническая вера эрзян монотеистична и связана с природой, окружающей средой, в которой человек живет. Эта вера... диктует человеку такие нормы жизни, которые позволяют сохранять гармонию во всем... Человек — высшее творение Инешкипаза (не раб, а дитя Бога!), Он дал ему Разум, способность к Созиданию»¹², — утверждает в редакционной статье «Эрзянь Матор», призванной служить «путеводителем» для участников Раськень Озкса в 2010 г., которые «по умолчанию» рассматриваются как люди, слабо осведомленные о содержании ритуала и связанных с ним верованиях.

В неоязыческих эрзянских текстах, опубликованных в 90-е гг. XX—XXI вв., присутствуют идеи, которые А. В. Гайдук идентифицировал как характерные для славянского неоязычества (пантеизм, идеи естественной морали, богосыновства, гармонии с природой)¹³, а также аналогичные родноверческим этнонационалистические идеологические концепты (представление об этносе как кровнородственной общности, идея тождества нации и этноса, «старшинства» эрзян как коренного народа на своей этнической территории), что свидетельствует об использовании славянской неоязыческой доктрины в качестве образца, если не о прямом заимствовании. Это создает в условиях длительного функционирования православного христианства в качестве реальной религии мордвы очень спорную, но привлекательную констелляцию: участники языческих молебнов могут полагать, что они верят в единого бога, который в то же время является не христианским, но этническим эрзянским богом, при этом другие могут считать себя православными, принимающими участие в исторических реконструкциях и защищающими свою культурную и этническую идентичность.

С другой стороны, трансформация языческих верований и ритуалов является в данном случае элементом общего процесса конструирования национальной идентичности через «изобретение традиций» в области религиозного культа (нет никаких данных, позволяющих заключить, что поминальный молебен на холме возле с. Чукалы, документированный в XVII в., имел в тот период «всенародный», а не локальный характер) на основе объективных данных (отсутствие эрзян

в официальной номенклатуре советских наций) и субъективных интерпретаций участников озксов.

Представители эрзянского национального движения при проведении озксов считают возможным творчески подходить к реконструкции плохо отраженной в официальных и этнографических источниках традиции в качестве ее носителей, которые якобы обладают правом на ее интерпретацию. Это выражается, например, в институционализации на этих праздниках текстов молитв-инвокаций к предкам и Инешкипазу, отсутствующих в этнографических записях.

Результатом совместного творчества организаторов озксов является сложная молитвенная церемония, к которой время от времени добавляются новые элементы, например, установка герба и флага-триколора «Эрзянь Матор», «Явление Великих» во время Раськень Озкса (приглашение жрицей-озавой на вершину молитвенного кургана легендарных и исторических героев эрзянского народа, здравицу легендарному царю Тюште, которого представляет актер, стоящий на вершине кургана рядом с избранным «эрзянским князем» — инязором)¹⁴. При этом известные по этнографическим описаниям элементы традиционных ритуалов интерпретируются таким образом, что они вписываются в современный общественно-политический контекст (приглашение национальных героев отождествляется с семейным ритуалом поминок, на которых один из приглашенных наряжался покойником), а в качестве цели и смысла озкса провозглашается конструирование — создание нации и национального государства. «Раськень Озкс является процессом создания земли, эрзянского народа и эрзянской государственности. В основе сложного древнейшего обряда лежит ВЕРА (одна жизнь, одна территория, одна кровь). Вопрос развития эрзянской ВЕРЫ на сегодня становится ключевым, от нее зависит само будущее эрзянского этноса»¹⁵.

Очевидная цель воззвания к Инешкипазу и предкам состоит в том, чтобы объединить эрзян, живущих в разных регионах России, возродить их идентичность и память об их этническом происхождении, символически воссоединить их с предками. «Явление Великих закончено, „целостность“ народа восстановлена: и Известные, и Безымянные — рядом с ныне живущими потомками»¹⁶. Помимо духовного, у этого ритуала есть также практическое значение, которое

заключается в объединении групп активистов эрзянского национального движения других регионов России и зарубежья. Это религиозный ритуал, потому что он обращается к сверхъестественным и священным силам, но в то же время является частью своего рода «национализированной религии», которая используется для легитимации политических требований посредством их сакрализации. Поэтому в программу озксов, помимо реконструированных религиозных обрядов, включаются мероприятия, претендующие на политическую значимость (заседание совета старейшин Атянь Эзем и символические выборы «инязора» — правителя Эрзянь Мастор).

В связи с откровенным и целенаправленным использованием «языка сакральности» в политическом контексте неизбежно возникает вопрос «Действительно ли эти ритуалы и сопутствующие им верования имеют непосредственное отношение к религии, или речь может идти только о националистическом перформансе, т. е. своего рода светском политическом ритуале?». С нашей точки зрения, здесь можно говорить о религиозном ритуале, несмотря на отсутствие обособленной религиозной группы, которая занимается регулярным и дисциплинированным «отправлением религиозного культа». В озксах есть все основные признаки, соответствующие концепции религии Э. Дюркгейма, объектом и субъектом которой одновременно является общество (в данном случае нация как «воображаемое (создаваемое) сообщество»), ощущающее свое единство в коллективном ритуале (совместное обращение к предкам и духам-покровителям, совместные физические действия — одновременное поднятие рук во время молитвы, угощение ритуальной едой, ритуальный обход поляны во время Велень Озка или кургана во время Раськенъ Озка, осыпание кургана привезенной с этой целью землей и т. д.).

Судя по отзывам участников, эти практики действительно создают атмосферу единения, характеризующую «коллективный ритуал», который выходит за пределы повседневности и воспринимается как обладающий чрезвычайной социальной и сакральной значимостью.

Таким образом, «создаваемая» нация осознает свое единство в форме религиозной «коммунитас», возникающей только во время ритуала. Но так как это сообщество мыслит себя не только в религиозном, но и в политическом плане,

то оно должно именно в момент ритуала обрести свой политический центр и наглядное символическое выражение власти. В связи с этим обращает на себя внимание концентрация в ритуалах озксов символики насилия и войны, которую можно объяснить посредством сформулированной Р. Жираром концепции религии как первого социального института, получившего монополию на насилие, реализовывавшуюся в ритуалах жертвоприношения, служивших предотвращению и разрешению насильственных конфликтов. С нашей точки зрения, в данном случае религиозный ритуал служит своего рода субститутотом отсутствующего государства и именно поэтому может использоваться для политической легитимации деятельности национального движения. Именно поэтому официальные власти, редактируя сценарий фольклорных праздников, стремятся отделить визуальные символы насилия в пространстве и во времени от молитвенных ритуалов и тем самым их десакрализировать, разделив континуум «священного и насилия». Так, общий символический аспект озксов непосредственно заключается в религиозном насилии — жертвоприношении быка, в последующем торжественном приготовлении супа из него и зажжении ритуальной свечи от пламени костра, на котором варится в котле мясо жертвы. Этот ритуал, который вначале торжественно готовился и совершался открыто (например, в начале 90-х гг. быка наряжали и торжественно проводили по селу перед закланием), перестал быть публичным в результате преобразования озксов в фольклорные праздники.

Очевидная связь символов «священного и насилия» в контексте Раськенъ Озка прослеживается в легенде, связанной с местом его совершения — курганом предков, который, по преданию, является братской могилой воинов, погибших от рук захватчиков. В этом контексте обращение к предкам содержит потенциал политической мобилизации, который достаточно прозрачно визуализировался в ритуале «Явления Великих» по приглашению озавы, включая легендарного эрзянского царя Тюштю с мечом в реконструированных доспехах из средневекового городища и других полуполюгендарных эрзянских вооруженных воинов на вершине кургана. В данном случае религиозные и политические практики функционируют одновременно как единый комплекс, где грань между религией и политикой едва ли можно провести.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы. Соглашение 8004. «Социальные факторы межэтнического и межконфессионального согласия в полиэтническом регионе».

² См.: Жирар Р. Насилие и священное. М.: Нов. лит. обзор., 2000. С. 313—314.

³ См.: Berger P.L. The Social Reality of Religion. Penguin Books Ltd., 1973. P. 134.

⁴ См.: Brubaker R. Religion and Nationalism: Four Approaches [Препринт]. URL: <http://works.bepress.com/wrb/30> (дата обращения: 08.08.2012).

⁵ См.: Casanova J. Public Religions in the Modern World. University of Chicago Press, 1994. P. 231—234.

⁶ См.: Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библиейско-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2006. С. 75.

⁷ См.: Beckford J.A. The Return of Public Religion? A Critical Assessment of a Popular Claim // Nordic Journal of Religion and Society. 2010. № 23. P. 128.

⁸ См.: Tsushiro H. A Multi-dimensional Understanding of Public Religion: with Special Reference to the Yasukuni Shrine // Politics and Religion. 2010. Vol. IV. № 1. P. 58.

⁹ Напольских В.В. Заметки на полях: неоязычество на просторах Евразии. URL: <http://www.udmurtology.narod.ru/library/napolskikh/neoiaz.html> (дата обращения: 01.02.2008).

¹⁰ Аношкин Н. А стоит ли проводить такие «Раськень Озксы». URL: <http://www.erzan.ru/news/a-stoit-li-provodit-takie-rasken-ozksy> (дата обращения: 01.08.2012).

¹¹ Мои впечатления. URL: <http://www.erzia.saransk.ru/arhiv.php?n=3232&nom11=333> (дата обращения: 01.08.2012).

¹² Эрзянь Раськень Озкс. Всеэрзянское моление. URL: <http://www.erzia.saransk.ru/arhiv.php?n=463&nom11=184> (дата обращения: 01.08.2012).

¹³ См.: Гайдуков А.В. Идеология и практика славянского неоязычества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000. С. 14.

¹⁴ См.: Раськень Озкс — 2007. URL: <http://su-mailma.ucoz.ru/news/2007-08-08-59> (дата обращения: 01.08.2012).

¹⁵ Терюшань Сергу. Раськень Озкс как генератор возрождения этноса. URL: <http://www.erzan.ru/news/rasken-ozks-kak-generator-vozhrozhdeniya-etnosa> (дата обращения: 01.08.2012).

¹⁶ Эрзянь Раськень Озкс. Всеэрзянское моление. Vseerzianskoe Molenie. URL: <http://www.erzia.saransk.ru/arhiv.php?n=463&nom11=184> (дата обращения: 01.08.2012).

Поступила 17.10.12.

М. В. МОСИН

Т. М. ШЕЯНОВА

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: грамматика, заимствование, лексика, литературный язык, словарь, терминология, мордовское языкознание

Key words: grammar, borrowing, vocabulary, literary language, dictionary, terminology, Mordovian linguistics

Для различения термина от названия, вероятно, не будет лишним дать краткое определение термина, представленное в лингвистических энциклопедиях. Термин (от лат. terminus — граница, предел) — слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь посредством конкретной терминологической системы (терминологии). От обычных слов-названий термин отличается системностью, тенденцией моносемичности, стилистической нейтральностью и т. д.¹

Вопросы терминологии современных мордовских языков являются наиболее актуальными и проблемными. Отсутствие

МОСИН Михаил Васильевич, декан филологического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор филологических наук, профессор.

ШЕЯНОВА Таисия Михайловна, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор филологических наук.

достаточного количества терминов, особенно общественно-политических, научно-технических и др., создает трудности при передаче на мордовских языках политической и научной мысли. Пути выхода из этой ситуации те же, что и у всех народов. В первую очередь необходимо полнее использовать словообразовательные возможности родных языков, а также активизировать устаревшую и диалектную лексику. Заметная активность в разработке принципов и в создании терминосистемы в мордовском языкознании, в том числе и у мордовской общественности, проявилась только в начале 30-х гг. XX в.

Уже на первой мордовской языковой научной конференции, проходившей с 27 марта по 3 апреля 1933 г., в докладе А. П. Рябова «Очередные задачи языкового строительства в Мордовской автономной области» одной из трех задач было названо безотлагательное начало разработки терминологии. Терминология, по мнению А. П. Рябова, «является одной из важнейших частей национального языка», «при ее создании должна быть проявлена максимальная политическая чуткость и учет конкретных условий»². Уже тогда А. П. Рябов предвидел слабые стороны этого процесса: «В этом деле нужна решительная борьба с великодержавным шовинизмом, как главной опасностью, проявляющейся в чрезвычайном наводнении национального литературного языка русскими словами, иногда внедряемыми в формах и огласовке русского языка. Местный национализм дает себя знать в стремлении во что бы то ни стало „рассудку вопреки и наперекор стихии“ все новые понятия создать из слов данного национального языка»³.

В разработке терминосистемы мордовских языков особое место заняла вторая языковая конференция, состоявшаяся в 1934 г. В историю мордовского языкознания она вошла как терминологическая. Решением этой конференции стала разработка терминологии во всех сферах общественной жизни и создание при ЦИК МАССР специальной терминологической комиссии. Следует заметить, что обсуждение вопроса о разработке терминологической системы, как и других проблем мордовского языкознания, носило чрезмерно политизированный характер. «Из всех областей языкового строительства наиострейшая классовая борьба идет в области терминологии. Сюда в наибольшей мере просачиваются

классово-враждебные влияния. Классовый враг стремится внести политические искажения в пролетарскую по содержанию и национальную по форме терминологию, протасовать свою эксплуататорскую классовую идеологию, чтобы создать в массах искаженное представление о явлениях пролетарской революции и социалистического строительства и тем самым затруднить социалистическое перевоспитание масс, затормозить наступательное шествие социализма»⁴.

Возникновение новых терминов, выражающих общественно-политические, хозяйственные и социально-культурные понятия в 30-е гг., объясняется, на наш взгляд, потоком заимствований. Большинство заимствований этого периода связано с резкими и неожиданными изменениями в обществе. Во-первых, в начале 30-х гг. проходила агитация за создание колхозов и совхозов, а также так называемая «классовая борьба» с кулачеством. Во-вторых, была развернута новая политическая кампания с другим «врагом» советской власти — троцкистско-зиновьевским блоком. Именно активное стремление изменить хозяйственную и социально-культурную жизнь страны и навязывание к этому процессу советской властью политической борьбы внутри страны привели к возникновению большого количества новых слов и терминов. Материалы анализируемой национальной прессы показывают, что самый преобладающий процент заимствованных терминов был в текстах, содержащих общеполитическую информацию. Как правило, во многих предложениях все ключевые слова являются заимствованиями. Исходя из содержания текстов и множества предложений, эти заимствования (выражения и термины) отражают в большей степени экспрессию. Например, «*Буржуйтне попонь услугатнесэ нек пользовить, штобу маштомс угнетенной робочейтнень недовольствасть*» («*Буржуи очень пользуются услугами священников, чтобы истребить недовольство угнетенных рабочих*»); «*Партиянь обкомонь, комсомолонь обкомонь руководстваст ало, партиянь райкомонь, комсомолонь райкомонь ды партиянь ячейкатнень пельде, зрва чистэ лездамост ды руководстваст кувалт минек колхозтнэ маень 1-це чис допрок прядызь колосовой ды бобовой культуратнень видеманть*» («*Под руководством обкома партии, обкома комсомола, со стороны райкомов партии, райкомов комсомола и партийных ячеек, благодаря их ежедневной помощи и руко-*

водству наши колхозы до 1 мая окончательно закончили сев колосовых и бобовых культур»); «Кой-конат первичной парторганизациятне аппаратонь коренизировамонть лангс ванньтть формальнойстэ ды бюрократическойстэ» («Некоторые парторганизации на коренизацию аппарата смотрят формально и бюрократично»); «Разгромленнойть ды истожазь троцкистско-бухаринской извергтнэнь, шпионтнэнь, диверсантнэнь ды маитнициятнень основной пизэст» («Разгромлены и уничтожены основные гнезда троцкистско-бухаринских извергов, шпионов, диверсантов и убийц»)⁵.

Следует также отметить, что уже в конце 20-х — в начале 30-х гг. XX в. одновременно с чрезмерным использованием заимствований в текстах газет возникает тенденция поиска и внедрения своих исконных лексических средств. Эта тенденция была поддержана также решениями первых языковых конференций 1933—1934 гг., что подтверждается списком терминов синтаксиса эрзянского языка, опубликованным П. Г. Балакиным в газете «Эрзянь коммуна» («Эрзянская коммуна») за 1935 г.⁶

В предложенном П. Г. Балакиным списке терминов 85 % являются исконными, созданными с помощью средств эрзянского языка. Естественно, процесс выбора исконного эквивалента в качестве терминов или отдельных слов для выражения новых понятий, возникающих в новой общественно-политической и социальной обстановке того времени, проходил не без затруднений. Например, большая часть синтаксических терминов в списке П. Г. Балакина образована не совсем удачно. Однако этим способом была предложена возможность научного творчества по созданию терминологической системы и ее совершенствования на основе родного языка. Следует отметить, что это был единственно верный процесс, который смог бы глубоко и всесторонне раскрыть и развить потенциальные внутренние средства и возможности обогащения терминологической системы мордовских литературных языков.

Однако тенденция развития терминологии мордовских языков за счет собственных ресурсов продолжалась недолго, так как решения, принятые на их основе конференциями 1933—1934 гг., признавались антисоветскими, и уже во второй половине 30-х гг. было решено увеличивать заимствования.

Это наглядно прослеживается в списке грамматических терминов эрзянского языка, опубликованном в газете «Эрзянь коммуна» за 1937 г. Из 68 исконно эрзянских терминов осталось только 26, или 38 %⁷.

В Постановлении Президиума ЦИК Мордовской АССР от 28 апреля 1938 г. в п. 3 указывается: «В грамматической терминологии изменить следующие термины: вайгелькс на звук, соответственно и другие; тешкс на знак; калгодо тешкс на твердый знак; чевте тешкс на мягкий знак; лем полавтовкс на местоимения, соответственно и другие; пшкадема на обращение и т. д.»⁸.

Исходя из современного состояния мордовских языков, их истории и накопленного опыта, можно отметить, что отказ от создания терминов на основе средств родных языков и критика этой позиции, доведенная до террора и репрессий многих языковедов, ничего положительного не дали. Они нанесли непоправимый вред процессу словотворчества и развитию родных языков в целом. Позиция «интернационалистов» того времени до сих пор отрицательно сказывается на творческом развитии родных языков.

В 30-е гг. и вплоть до конца 80-х гг. XX в. национальная пресса не публиковала позиции сторонников сохранения и развития мордовских языков за счет их внутренних ресурсов. И в научных публикациях, и в СМИ из года в год муссировалось мнение «интернационалистов», т. е. средствами другого языка обогащать не только лексику и ее терминосистему, но и грамматику мокшанского и эрзянского языков. В предисловии «К итогам...» конференции 1938 г., написанном М. Н. Коляденковым и С. Г. Потапкиным, отмечается: «Особенно много вредили буржуазные националисты (Рябов, Петербургский, Бондяков, Миронов и др.) в строительстве мордовских языков. Трудно найти такой вопрос в мордовских языках, которого не коснулись бы вредители. Они вредили и в области терминологии, и в области морфологии, и области орфографии». И далее: «Они вводили какие угодно термины, только не русские. Так, враг народа Рябов охотно вводил в грамматическую терминологию вместо русских терминов латинские»⁹.

Позиция «интернационалистов» 30-х гг. поддерживалась до конца 80-х гг. XX в. Ею руководствовались не только при изучении теоретических вопросов, но и при разработке

грамматических правил. Исходили не из природы и структуры родного языка. Так, М. Н. Коляденков и М. И. Пигин отмечают, что «в мордовских школах наравне с родным языком учащиеся обучаются и русскому языку, и знание русского языка, умение им пользоваться, т. е. говорить, читать и грамотно писать по-русски, является совершенно необходимым для каждого гражданина Советской страны. Отсюда ясно, что нормы правописания мокша и эрзя языков должны быть установлены по таким принципам, которые не противоречили бы принципам русского правописания»¹⁰.

После 14-летнего перерыва, в 1952 г., состоялась научная сессия по вопросам мордовского языкознания, решения которой ничего нового в мордовское языкознание не внесли. Она повторила «интернационалистические» идеи научной языковой конференции 1938 г. относительно развития терминосистемы мордовских языков. В заключительном слове второго секретаря обкома партии И. П. Астайкина на пленарном заседании этой сессии отмечалось, что «интернациональная терминология, указывающая на рост интернациональных отношений мордовского народа со всеми народами Советского Союза, должна являться золотым фондом лексического состава мордовских языков. То же касается значительного числа советско-русских слов-терминов, нет надобности переводить их, ибо, войдя в мордовские языки, они стали уже своими, всем понятными»¹¹.

Позднее, ровно через 20 лет, М. Н. Коляденков выразил негодование по поводу отсутствия заимствований среди списка синтаксических терминов, опубликованных в 1935 г. «В области нормализации мордовских литературных языков на первом этапе ее развития, особенно в период работ первой, второй и третьей языковых конференций (1933—1935), также были допущены националистические извращения. Выразились они в недооценке значения великого русского языка для развития мордовских литературных языков. Националисты не только не допустили в мордовские литературные языки новые слова из русского языка, но и пытались изгнать уже укрепившиеся в этих языках русские термины, заменяя их мордовскими архаизмами и искусственными построениями или словами из классических и западноевропейских языков. Ярким примером проявления националистических тенденций явились опубликованные в

газете „Эрзянь коммуна“ от 8 февраля 1935 г. синтаксические термины эрзянского языка. Из 107 напечатанных терминов нет ни одного термина, заимствованного из русской грамматической терминологии»¹².

Однако время показало, что выводы и оценки «интернационалистов» в большинстве случаев оказались, на наш взгляд, ошибочными, так как термины, создаваемые в советское время внутренними средствами родного языка, как правило, подвергались сомнению в связи с тем, что они осмысливались через призму идеологического режима. Поэтому проблема заключалась в том, что они в то время не были востребованы, как и сами мордовские языки.

Негативное отношение к развитию мордовских языков продолжалось до конца 80-х гг. Интерес к их состоянию у лингвистов и определенной части общественности стал проявляться только в последние 20 лет. Названиям фауны посвящена кандидатская диссертация В. А. Рябова (1993), названиям флоры — А. М. Гребневой (1995), соматической лексике — А. М. Кочеваткина (1999), ткацкой терминологии — А. Н. Келиной и т. д. Издан ряд словарей по флористической терминологии: «Тикшень валкс» («Словарь растений») Р. Н. Бузаковой (1996), «Касыксонь валкс» («Словарь растений») О. Е. Полякова (2001), «Русско-эрзянский ботанический словарь (названия сосудистых)» А. М. Гребневой и В. В. Лещанкиной (2002), «Эрзянь келень терминэнь валкске» («Словарик терминов эрзянского языка») Р. Н. Бузаковой (1999). Списки лингвистических терминов содержатся в программах по эрзянскому и мокшанскому языкам для 5—11 классов (авторы: Д. В. Цыганкин, В. П. Цыпхайкина, М. А. Келин, Т. И. Ломакина). Подробный эрзянско-русский словарь терминов по фонетике дан в учебнике М. Д. Имайкиной «Неень шкань эрзянь келесь. Фонетика» («Современный эрзянский язык. Фонетика») (2008). Подготовлены к изданию два словаря: ткацкой терминологии А. Н. Келиной и музыкальной терминологии Н. И. Бояркина.

Еще на третьей мордовской языковой научной конференции (31 декабря 1934 г. — 5 января 1935 г.) в докладе М. И. Наумкина говорилось, что «терминологическое строительство у нас до настоящего времени еще не стоит на должной высоте, до сих пор мы вынуждены заниматься терминотворчеством. Особо остро в отношении терминов

встает вопрос в связи с изданием стабильных учебников. Здесь требуются термины и по химии, и по физике, и по другим дисциплинам»¹³.

Благодаря финансовой поддержке Совместной программы Совета Европы и Европейского Союза для Российской Федерации на мокшанском и эрзянском литературных языках созданы терминологические словари для общеобразовательных школ по литературе, языку, истории, обществознанию, математике, химии, физике, биологии, информатике и географии. В связи с этим надо признать, что при выборе эквивалентов терминов по этим предметам и переводе их толкования на родные языки допущены существенные просчеты. Многие лингвисты, работающие над этим проектом, пошли по легкому пути.

Во-первых, в большинстве случаев проявлен нигилизм: вместо поиска соответствующего эквивалента из родного языка, где это было вполне возможно, они механически воспользовались оригиналом из русского языка или интернационализмом. Во-вторых, во многих переводах толкований терминов проигнорирован синтаксический строй языка. В переводах предложения составлены на русском порядке слов. На наш взгляд, можно согласиться с тем, что во многих случаях трудно, а порою нельзя найти эквивалент в родном языке, но недопустимо игнорировать синтаксический строй родного языка при построении простых предложений и механическое использование порядка слов в русском языке. Например, «Ледник — многолетнее скопление льда на суше, обладающее движением». Перевод: «Покш эйпоколь — ламо иень перть мода лангсо эень таштавкс, конась тей-тов яки» вместо «Ламо иень перть мода лангсо тей-тов якиця эень таштавкс»; «Залив — часть океана, моря, вдающаяся в сушу». Перевод: «Усия — Иневедень пелькс, конась пры модас» вместо «Модаулос совиця иневедень пелькс».

Не будет лишним добавить, что при презентации терминологических словарей по школьным предметам в г. Сыктывкаре профессор Я. Пустай по этому поводу выразил негодование и отметил, что при переводе допущено множество руссизмов и при творческом подходе к этому процессу можно было бы их вполне избежать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 508.

² Стенограммы мордовской языковой научной конференции. Саранск: Мордгиз, 1934. С. 36.

³ Там же. С. 35.

⁴ Вторая мордовская языковая конференция. Саранск: Мордгиз, 1936. С. 27.

⁵ Примеры из газеты «Эрзянь коммуна» за 1932—1956 гг.

⁶ Там же. 1935. № 82.

⁷ Там же. 1937. № 217.

⁸ Шеянова Т.М. Развитие лексики эрзя-мордовского литературного языка в советскую эпоху. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. С. 86—88.

⁹ Морфология, орфография и грамматическая терминология эрзянского и мокшанского языков. Саранск: Мордгиз, 1939. С. 7.

¹⁰ Коляденков М.Н., Пигин М.И. Языковое строительство в Мордовской АССР // Зап. МНИИЯЛИЭ. Вып. 5. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1946. С. 15.

¹¹ Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ. № 1. Я — 150. С. 69—70.

¹² Коляденков М.Н. Образование и пути развития мокшанского и эрзянского литературных языков // Материалы науч. сессии по вопросам мордовского языкознания. 1955. Ч. I. С. 35.

¹³ Наумкин М.И. Основные расхождения мокшанского и эрзянского литературных языков // Третья мордовская языковая науч. конф.: стеногр. отчет. Саранск: Мордгиз, 1936. С. 232.

Поступила 11.04.12.

А. Н. РАКИН **ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ
ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ
КОМИ ЯЗЫКА**

Ключевые слова: коми язык, лексика, заимствование, этимологизация
Key words: the Komi language, vocabulary, borrowing, etymologisation

В словарном составе любого естественного языка имеется исконная и заимствованная лексика. Поэтому оба эти компонента на равных правах включаются в лексикографические издания, в том числе этимологические. Предмет нашего исследования — заимствованная лексика в «Кратком этимологическом словаре коми языка»¹, проникшая в результате взаимодействия с соседними народами или через их посредничество на протяжении многих веков. Анализ проводится по методике, впервые разработанной нами и использованной в работе, которая посвящена лексике общепермского происхождения².

По нашим подсчетам, в этом словаре заимствованная лексика содержится в 500 словарных статьях, в том числе в 85 словарных статьях в Дополнениях к нему³. Большинство заимствований приводится в качестве заглавных слов и относится к коми-зырянскому языку: 9 заглавных слов являются коми-пермяцкими, 3 — коми-язьвинскими.

В хронологическом плане в составе рассматриваемой лексики различаются заимствования допермской эпохи, общепермской эпохи и более поздних периодов развития коми языка. Корпус заимствований допермской эпохи состоит из 71 лексической единицы. Как и при этимологизации исконной лексики, для них реконструируются праформы (общепермские и допермские). При наличии соответствий в близкородственных языках дается общепермская праформа: *рõмидз* 'жвачка', *рõмидзтыны* 'жевать жвачку'; удм.; *оместыны* 'жевать жвачку' — общеп.**rēmÜC*⁴. На основе имеющихся соответствий в дальнеродственных языках пред-

РАКИН Анатолий Николаевич, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Российской академии наук, доктор филологических наук (г. Сыктывкар).

ставлена также допермская праформа: *kõрт* 'железо', *kert* 'железо', удм. *корт* 'тж'. — общеп.**kert* 'железо'; мар. *кяртньõ* 'тж', эрз. *кшнш* 'тж' = доперм.**kÜrtW* — 'железо'⁵.

К группе названий общепермской эпохи относятся 48 заимствований. Для них реконструируется только общепермская праформа, так как проникновение этой категории слов происходило после распада финно-угорской (финно-пермской) языковой общности, в дальнеродственных языках они отсутствуют. В качестве примеров можно привести следующие заимствования: *ком* 'момент', удм. *кем* 'впору, как раз' — общеп.**kWm* 'время, пора'⁶; *õныр* 'седло', удм. *энер* 'седло' — общеп.**VnÜr*⁷ и т. д. Некоторые заимствования прапермской эпохи не сохранились в современном коми-зырянском литературном языке. Об их былом существовании свидетельствуют тексты древнепермского языка. К числу таких заимствований относятся 5 названий: *идõг* дп. 'ангел', *кан* дп. 'царь, хан', *небõг* дп. 'книга'⁸ и т. д.

В словарных статьях, где рассматриваются древние заимствования, не только даются праформы, но и указывается на соответствующий источник их происхождения. В 7 случаях в качестве источника выступают индоевропейские языки (для маркировки используется сокращение и.-е.): *дав* 'лиственный лес', *куль* 'бес, черт', *лысны* 'лысеть', 'линять (о птицах)', 'облезть'⁹ и т. д. Для следующей группы древних заимствований, состоящей из 13 названий, предполагается (арийский) индоиранский источник (для маркировки применяются сокращения ар., арийск., индо-ир., индо-иранск.): *озыр* 'богатый', *порсь* 'свинья', *шайт* 'рубль'¹⁰ и т. д. Для группы древних заимствований из 44 названий дан иранский источник (для маркировки используются сокращения ир., иран., иранск.): *морт* 'человек', *нянь* 'хлеб', *саридз* 'море'¹¹. Основным источником заимствований общепермской эпохи считается древнебулгарский язык (для их маркировки применяются сокращения др.-чув., чув.): *карта* 'хлев', *кольта* 'сноп', *чарла* 'серп'¹².

Большинство древних заимствований относятся к основному словарному фонду коми языка, являются нарицательными полными именами. Три заимствования сохранились в составе сложных слов: *зар-*: *заргум* 'вид дудника', *май-*: *майбыр* 'счастливчик, счастливый'¹³; 6 заимствований употребляются в качестве одного из компонентов в составе

соответствующих словосочетаний: *гур: аня гур* 'кострика', *чав: чав виж* 'совсем желтый'¹⁴.

Заемствования более позднего времени, чем прапермская эпоха, появляются при самостоятельном существовании коми-зырянского языка благодаря 4 внешним источникам. Самую многочисленную группу составляют русские заимствования. Она состоит из 185 лексических единиц и имеет различную территорию распространения. Ранние русские заимствования выводятся из древнерусского языка: *ветьок* 'тряпка' < рус. (возможно, из древнерусского), ср. *вѣхѣтъ* ~ *вѣтъхъ*; *лядьвей* 'ляжка, бедро' < рус., ср. др.-рус. *лядьвьѧ*¹⁵ и т. д. Поздние русские заимствования коми языка, которые почти не отличаются от исходных слов, не этимологизируются. Для них лишь указывается принадлежность к русскому языку: *кильчѳ* 'крыльцо' < рус., *пѳддяз*, *пѳддязѳк* 'подъязык' < рус.¹⁶ и т. д.

Однако во многих словарных статьях не только отмечается принадлежность заимствования русскому языку, но и приводится соответствующая исходная лексема и иллюстративный пример. Прежде всего это относится к тем обозначениям, которые не входят в активный словарный фонд и не употребляются в литературном языке: *быть* нареч. 'неизбежно, неминуемо', 'обязательно', 'поневоле' < рус. *быть*, ср. рус. *быть* этому!, *вѳлѳга* 'пища, еда (кроме хлеба и воды)' < рус., ср. *волога* влгд. 'похлебка, варево'¹⁷ и т. д.

При отсутствии подходящих соответствий в современном русском языке дается предполагаемая исходная форма, которая снабжается аналогично праформам древних заимствований звездочкой: *верстьѳ* 'взрослый, на возрасте' < рус., ср. **в версте* 'в возрасте'¹⁸. Часть русских заимствований свидетельствует о соответствующих трансформациях либо на фонетическом, либо на семантическом уровне. В таких словарных статьях дается необходимое объяснение: *гумла* 'гумно' < рус. *гумно* (род. п. *гумна*=); -мн- > -мл- по диссимилиации¹⁹.

Следует отметить, что в коми языке иногда происходило освоение русского заимствования не полностью, а лишь его части: *вич* 'отчество' < рус. -*вич* (ср. Петрович, Иванович, Степанович и т. д.). Относительно некоторых слов, широко употребляющихся в коми и русском языке, отмечается, что направление заимствования неясно, поэтому между ними

ставится вместо одностороннего встречный знак: *куръя* 'заводь, залив (в реке и на озере)', ...(*кигја* кп. кя.) > < рус. *куръя* 'заводь, речной залив' ...; др.-рус. *куръя*; *лызь* 'лыжи, обитые камысами' > < др.-рус. *лыжь*, *лыжи* (с мягким *жь*)²⁰. Многие русские заимствования получили в коми языке повсеместное распространение и вошли в литературный язык: *бать* 'отец', *гѳбѳч* 'подполье', *гѳль* 'бедный', *детина* 'мальчик, парень', *кѳш* 'ковш' и т. д.

Корпус иноязычной лексики, квалифицируемой в «Кратком этимологическом словаре коми языка» в качестве прибалтийско-финских заимствований, состоит из 84 названий. Происхождение этой категории слов устанавливается путем сопоставления с соответствующими примерами вепсского, карельского, финского, эстонского и других языков.

Основная масса заимствований прибалтийско-финского происхождения функционирует в современном коми языке и его диалектах в качестве полнозначных самостоятельных лексических единиц: *баргѳв* 'кривой, косо́й', *кась* 'кошка', *оллявны* 'выть по покойнику' т. д. Часть прибалтийско-финских заимствований употребляется в сочетании с исконными коми словами в составе сложных слов: *месань* 'хозяйка,стряпуха, повариха' (к. *ань* 'женщина'), *ягавѳнь* 'завязка, подвязка (на голенище сапог, на чулках)' (к. *вѳнь* 'завязка') и т. д. Другие прибалтийско-финские заимствования используются в качестве одного из компонентов словосочетания: *каля: каля капуста* 'неудавшаяся мелкая капуста', *сима: вугыр сима* 'леса удочки' (к. *вугыр* 'крючок'), *кока: ур кока* 'тушка белки' (к. *ур* 'белка') и т. д.

Как и поздние русские заимствования, слова прибалтийско-финского происхождения не этимологизируются. Лишь для слова *роч* 'русский', имеющего соответствия в коми-пермяцком (*роч*) и удмуртском (*руч*) языках, реконструируется праформа **ršć*, которая, по мнению составителей словаря, могла обозначать человека, прибывшего из других краев, чужеземца. Исходное прибалтийско-финское **rótsi*, **ruštsi* (ф. *ruotsi* 'швед') обозначало жителя Скандинавии²¹. При отсутствии соответствующих исходных примеров для коми слов в современных прибалтийско-финских языках также даны предполагаемые формы со звездочкой: *соландѳг* уд. 'солонка' < вепс.-кар. **solan-tohi* или **solan-tuohi* 'солонка', букв. '(для) соли береста'²². Во всех остальных случаях для

прибалтийско-финских заимствований коми языка есть соответствия в современных языках: *лудік* 'клоп' < приоб.-ф., ср. ф. *lutikka*, кар. *lut'ikka* 'клоп', *пакула* 'березовый гриб' < приоб.-ф., ср. ф. *rakku* 'березовая губка'²³ и т. д.

При наличии тех или иных изменений, произошедших в процессе заимствования коми языком, дается объяснение: *вальди* 'гипс, алебастр' < приоб.-ф., ср. эст. *valge* 'белый, светлый, известка, гипс, белый минерал'. Приоб.-ф. *g* (*g*) перешло в *ð* (*d*) под влиянием форм типа *шонди* 'солнце', *шобди* 'пшеница', *шабди* 'лен'²⁴.

Определенное количество коми слов прибалтийско-финского происхождения в словаре выводится через русский язык. К этой группе заимствований относятся 11 обозначений: *аттьо* 'спасибо, благодарю' < рус. сев. *аття*, *атя*, *ати* 'благодарю' < приоб.-ф., ср. эст. *aitäh* 'спасибо'²⁵. Для обеих рассмотренных выше групп прибалтийско-финских заимствований характерна различная степень распространения на территории заимствующего языка. Употреблением в большинстве диалектов и в литературном языке отличаются следующие заимствования: *вильюв* 'простокваша', *ёма* 'ведьма, баба-яга', *лудік* 'клоп', *роч* 'русский' и т. д.

Группа названий самодийского происхождения представлена 67 заимствованиями. Все лексические единицы этой группы выводятся из ненецкого языка, с носителями которого коми-зыряне имели тесные контакты многие столетия. Проникновение в коми язык самодийских заимствований происходило без существенных изменений, в своей основной массе они соответствуют исходным формам. Поэтому слова ненецкого происхождения, как правило, не этимологизируются. Они в большинстве своем выводятся из ненецкого оригинала: *абай* вв. 'лукавец, хитрец', ср. ненец. *абэ=й* 'сильный, злой дух'; *лямпа* 'лыжи' < ненец. *lampa*²⁶. Лишь в некоторых случаях ненецкий исходный пример реконструирован: *айбарч* иж. 'струганое мерзлое оленьё мясо или рыба (как особое блюдо), струганина' < ненец. **ajbars*, ср. *нгайбарць* 'есть сырое мясо, сырую рыбу'. В крайне западных говорах ненецкого языка в начальной позиции звук утрачен²⁷. Подавляющее большинство ненецких заимствований — нарицательные имена (*Салюку-ю* 'название притока р. Усы', ср. ненец. *сфля* 'возвышенность около водоема')²⁸.

Основная масса ненецких заимствований относится к оленеводческой лексике и употребляется в ижемском диалекте: *мокота* 'верхняя часть чума', *тёбек* 'рабочие пимы', *тынзей* 'аркан для ловли оленей' и т. д. Получили повсеместное распространение, в том числе в литературном языке, следующие обозначения: *лямпа* 'лыжи, короткие и широкие, не подбитые камысом', *малича* 'малица (верхняя одежда из оленьей шкуры мехом внутрь)', *сёвик* 'верхняя одежда из оленьей шкуры мехом наружу'.

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» в качестве обско-угорских заимствований рассматривается 21 лексическая единица. Реконструкция исходной формы дана только для слова *быв* уд. 'обод', *телега быв* 'обод колеса телеги', *быы* вым. 'круг, кружок, предмет, имеющий форму круга, колесо' < манс. **r2w-*, ср. *пувыр* 'пузырь, шар'. Озвончение начального согласного произошло на коми почве²⁹. В остальных случаях указывается источник заимствования, приводятся примеры из хантыйского, а также мансийского языка или из обоих языков вместе.

Непосредственно из хантыйского языка, например, выводятся такие названия, как *кынь* 'песец'. К. < хант., ср. *кан*, *рып* 'береговая ласточка' < хант., ср. *гар* 'тж'³⁰ и т. д. Из мансийского языка выводятся *паньдзи* иж. 'вид стрелы' < манс., ср. *рэн'с'и* 'вид стрелы', *гымга* 'верша, морда', ср. манс. *камка*³¹ и т. д. Исходный материал приводится как из мансийского, так и из хантыйского языка для следующих заимствований: *сурым* 'смерть' < манс., ср. *сорум* 'смерть' или хант. *сурум* 'смерть'³². Для остальных заимствований этой группы в качестве источника указываются обско-угорские языки: *он* иж. 'свая, столб учуга, загородки'. Заимствование из обско-угорских языков: ср. манс. *ун* 'столб рыболовного запора', хант. *ан* 'опорная свая'; *яран* уст. 'ненец' < обско-угорск., ср. манс. *јагеп* 'ненец', хант. *йурен* 'тж'³³ и т. д.

Коми название бересты *сюмод*, имеющее соответствие в коми-пермяцком языке и в коми-язьвинском диалекте, сопоставляется с хантыйскими словами. Поэтому между коми-зырянским и хантыйскими примерами вместо одностороннего направления заимствования ставится встречный знак: *сюмод* >< хант. *сумат* 'береза'³⁴. Из числа обско-угорских заимствований в коми языке получили повсеместное распространение и вошли в литературный язык следующие

слова: *гымга* 'верша, морда', *кынь* 'песец', *мӧгылъ* 'игольник (в виде сумочки из ткани для хранения иголок и других принадлежностей для шитья)', *рып* 'береговая ласточка', *сурьм* 'смерть', *уйт* 'пойма', *яран* 'ненец'. Подавляющее большинство обско-угорских заимствований функционирует в виде самостоятельных полнзначных слов. Исключение составляет лишь компонент *пеж-* 'олень, олений' в составе сложного слова *пежку* 'пыжик' (к. *ку* 'шкура').

Таким образом, в «Кратком этимологическом словаре коми языка» представлены различные типы заимствований, проникновение которых в коми язык происходило на всех этапах его развития. Древние заимствования имеют соответствия в других родственных языках. Для них, как и для исконных слов, реконструируются соответствующие праформы. Для заимствований допермской эпохи источниками были индоевропейские, индоиранские и иранские языки. Основная масса заимствований общепермской эпохи восходит к древнебулгарскому языку. Заимствованный компонент коми языка более позднего периода сформировался за счет четырех внешних источников, в соответствии с которыми различаются слова русского, прибалтийско-финского, самодийского и обско-угорского происхождения. Среди этой категории слов самую многочисленную группу составляют русские заимствования, часть из которых возводится к древнерусскому языку. Как правило, для таких заимствований этимологизация не производится, а указывается источник проникновения, фиксируются те или иные изменения, произошедшие в процессе их усвоения коми языком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.

² См.: Ракин А.Н. Опыт этимологизации лексики общепермского происхождения // *Linguistica Uralica*. 2011. № 1. С. 56—63.

³ См.: Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Дополнения к «Краткому этимологическому словарю коми языка» // *Коми филология: тр. Ин-та яз., лит-ры и ист. Коми фил. АН СССР*. Вып. 18. Сыктывкар, 1975. С. 3—45.

⁴ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 244.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Там же. С. 131.

⁷ Там же. С. 212.

⁸ Там же. С. 405, 116, 187.

⁹ Там же. С. 87, 145, 164.

¹⁰ Там же. С. 203, 266, 316.

¹¹ Там же. С. 175, 202, 249.

¹² Там же. С. 117, 131, 302.

¹³ Там же. С. 104, 167.

¹⁴ Там же. С. 401, 300.

¹⁵ Там же. С. 54, 164.

¹⁶ Там же. С. 124, 227.

¹⁷ Там же. С. 45, 67.

¹⁸ Там же. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 82.

²⁰ Там же. С. 147, 164.

²¹ Там же. С. 243.

²² Там же. С. 261.

²³ Там же. С. 163, 215.

²⁴ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Дополнения к «Краткому этимологическому словарю коми языка». С. 394.

²⁵ Их же. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 391.

²⁶ Там же. С. 389, 166.

²⁷ Там же. С. 31.

²⁸ Там же. С. 249.

²⁹ Там же. С. 393.

³⁰ Там же. С. 153, 247.

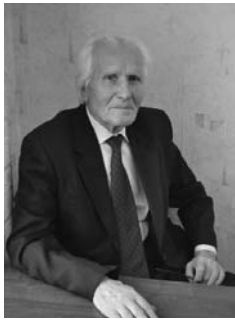
³¹ Там же. С. 216, 84.

³² Там же. С. 267.

³³ Там же. С. 205, 337.

³⁴ Там же. С. 274.

Поступила 18.05.12.

Д. В. ЦЫГАНКИН

**ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ОБЩИЕ
УРАЛЬСКИЕ ИМЕННЫЕ
И ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
В МОРДОВСКИХ И НЕНЕЦКОМ
ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Ключевые слова: финно-угорские языки, лексика, этимология, народность, словарный запас языков
Key words: the Finno-Ugric languages, vocabulary, etymology, people, languages vocabulary

Финно-угорское языкознание располагает достаточными языковыми данными о том, что современные финно-угорские и самодийские языки имеют один общий источник происхождения, в научной литературе именуемый уральской языковой общностью. Прародина представителей этой общности с V по III тыс. до н. э. находилась в ареале между Уральскими горами и р. Обью. После распада этой языковой общности на две ветви (финно-угорскую и самодийскую) первая из них переместилась на запад Урала.

Согласно наиболее распространенной точке зрения, прафинно-угорский язык отделился от прасамодийского около 6 тыс. лет назад и существовал до конца 3-го тыс. до н. э. (когда происходило разделение финно-пермской и угорской ветвей)¹.

Самодийские языки как одна из ветвей уральской языковой общности делятся на северо-восточные (ненецкий, энецкий, нганасанский) и юго-восточные (селькупский и исчезнувший камасинский)².

Цель нашего исследования — выявление и описание этимологически общих именных и глагольных основ с точки зрения их морфологической структуры и общего лексического поля в мордовских и ненецком языках. Мы попытаемся выяснить, какое место уральские глагольные именные основы

ЦЫГАНКИН Дмитрий Васильевич, профессор кафедры эрзянского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор филологических наук.

занимают в лексических фондах этих языков. Наш интерес к данной теме обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, ненецкий язык сохранил немало уральских именных и глагольных основ, имеющих прямые соответствия в мордовских языках и позволяющих уточнить или по-новому подойти к этимологии ряда мокшанских и эрзянских лексем. Во-вторых, в работах по этимологии финно-угорских языков ненецкие факты, хотя иногда и соответствуют мордовским, носят случайный характер. В качестве стандартного в таких исследованиях из самодийских языков представлен селькупский, хотя в ряде случаев ненецкие языковые факты с точки зрения этимологической наглядности более показательны. В-третьих, ненецкие и мордовские этимологически общие именные и глагольные основы могут быть предметом сравнительного или сопоставительного изучения не только в аспекте их общей уральской основы, но и их фонеморфологической структуры. В-четвертых, и в ненецком, и в мордовских языках распознается уральский лексический слой, который может служить весомым вкладом в сравнительную и историческую лексикологию финно-угорских и самодийских языков. Историк этих языков не может пройти мимо соответствующих показаний ненецкого и мордовских языков.

Народность, говорящая на ненецком языке, населяет весьма обширную территорию от восточного побережья Белого моря на западе до нижнего течения Енисея на востоке, от побережья Северного Ледовитого океана на севере до границы лесов на юге. Ненцы — самый многочисленный народ из самодийских. По данным Н. М. Терещенко, ненецкий язык распадается на два наречия (тундровое и лесное), различающиеся преимущественно фонетически, последнее представлено немногочисленной группой ненцев (около 2 тыс. чел.). На лексическом материале тундрового наречия Н. М. Терещенко составлен словарь, послуживший для нас основным источником, откуда были извлечены ненецкие соответствия к мордовским этимологически общим именным и глагольным основам³.

Словарные фонды мордовских и ненецкого языков обнаруживают, как выше было сказано, немало этимологически общих основ, многие из которых по фонетическому, морфологическому строению и значению весьма близки. В за-

висимости от того, употребляется ли именная и глагольная основа автономно, т. е. в качестве самостоятельного слова, или она связанная (несамостоятельная), все соответствия мы подразделяем на несколько групп:

— именные основы, имеющие статус автономности в мордовских и ненецком языках: м., э. с*яв* «ость» — н. с*яв* «чешуя рыбы»; м. *кува*, э. *куво* «корка (хлеба)» — н. *ховă* «шкурка, шкура животного»; м., э. *кал* «рыба» — н. *халя* «рыба»; м. *келу*, э. *килей* «береза» — н. *хо* «береза»; м. *седь*, э. *седей* «сердце» — н. *сей* «сердце»; м., э. *нола* «слизь» — н. *нол* «тина»; м., э. *толга* «перо, крыло (птицы)» — н. *то* «крыло птицы»; э. *парнэ* «жеребенок» — н. *пăрнэ* «обезьяна»; м. *пяле*, э. *пель* «половина» — н. *пеля* «половина чего-либо»; м. *потя*, э. *поте* «грудь (сосок)» — н. *пота* «годовалый ребенок»; м., э. *сельме* «глаз» — н. *сев* «глаз»; м., э. *тинге* «ток (полевой)» — н. *тин* «амбар, склад, сарай»; м. *куцю* «ложка» — н. *ху* «ложка»; м. *пона* «внешность, образ» — н. *пун* «признак, примета»; м. *пою*, э. *пой* «осина» — н. *пăё* «ольха»; э. *ямся* «раздвоение» — н. *ямз* «пах»; м., э. *сан* «сухожилие» — н. *тэ'(н)* «жила»; э. *ни* «жена» — н. *не* «женщина, девочка»; м. *карда*, э. *кардо* «хлев» — н. *харăд* «дом, здание, изба, поселок, село»; м. *пиза*, э. *пизэ* «гнездо» — н. *пидя* «гнездо (птицы)»; м., э. *панар* «рубашка» — н. *пăныр* «качество плетения, вязки»; м. *сенч* «кряква», э. *сенькс* «цапля» — н. *сензя* «глухарь»; м. *тидя* «мать» — н. *тидя* «младший брат матери, все мужчины из рода матери»; м., э. *куз* «ель» — н. *хăды* «ель»; э. *панзей* «трясогузка» — н. *пăнзё* «вошь»; э. *кренч* «ворон» — н. *хăрна* «ворон»; м. *пурхцозу*, э. *пурсуз* «поросенок» — н. *парăсь'(н)* «свинья»;

— в мордовских языках именные основы автономные (самостоятельные), в ненецком — связанные: м., э. *тол* «огонь» — н. *тул-* (> *тула(сь)*) «подогреть, согреть у огня (например, высушенные на солнце шкуры, пимы, чтобы сделать их мягче)»; м., э. *тарад* «ветка» — н. *тары-* (> *тарыта* «ветвистый»); м. *мяль*, э. *мель* «желание; мнение; дума» — н. *мен-* (> *мэне(сь)*) «любить (кого-что-л.)»; м. *тя*, э. *те* «этот, эта, это» — н. *ти-* (> *тикы* «тот, та, то; этот, эта, то»); м. *лям* «щи», э. *лем* «жир» — н. *лен-* (> *ленюй* «застывший (о масле, жире)»); м., э. *нар* «луг, мелкая трава» — н. *нар-* (> *нарий* «весенний, вешний; весна до ледохода»);

— в каждом из языков именные основы осложнены морфологическими элементами: м., э. *тев-* (> м. *тевлэвт*, э. *тевеллэвт* «легкие») — н. *тив-* (> *тивак* «легкие»); м., э. *вень-* (> м. *венель*, э. *венеле* «снаружи, на дворе, вне дома») — н. *вен-* (> *веняд* «не с той стороны, не оттуда»); м., э. *пос-* (> м. *поспанга*, э. *поспанго* «дождевик (гриб), панго «гриб») — н. *пос-* (> *посё* «вздутие, пузырь»; *поса(сь)* «раздуться, распухнуть, вспухнуть, вздуться»); м., э. *пиз-* (> м. *пизем*, э. *пиземе* «дождь») — н. *пид-* (> *пидё* «мелкий дождь, изморось»); м., э. *кун-* (> м. *кунф*, э. *кунст* «на-взничь») — н. *хунг-* (> *хунгăрць* «скорбиться, свернуться, стать суженным»); *хунг* «изогнутая часть лодки»; э. *юмбор-* (> *юмборге* «суслик») — н. *юмбэр-* (> *юмбэрць* «вести круг при охоте на песца загоном»); э. *латя-* (> *латякарь* «старый, изношенный, негодный лапоть», *карь* «лапоть») — н. *лата-* (> *латă(сь)* «расшириться, вдавиться, вмяться; раздаться в разные стороны под влиянием тяжести»); м., э. *вар-* (> м. *варси*, э. *варака* «ворона») — н. *вар-* (> *варнэ* «ворона»); э. *ялав-* (> *ялавкаркс* «пояс с кистью, украшенный цветными нитками с бисером и имеющий обрядовый характер») — н. *яла-* (> *ялă(сь)* «подвергнуть кого-либо действию колдовства, разрушив его здоровье и счастье (о шамане, духе)»); м., э. *кал-* (> м. *калма*, э. *калмо* «могила») — н. *халь-* (> *хальмер* «покойник, мертвец»; м., э. *ко-*, *ку-* (> м. *коса*, э. *косо*; м., э. *кува* «где») — н. *ху-* (> *хуна* «где, когда»); м. *ту-*, э. *туе-* (> м. *тумс* «уходить», э. *туема* «уход, отход») — н. *туй-* (> *туйма* «момент заката солнца»); м., э. *то-* (> *тона* «тот») — н. *тă-* (> *тăний* «тот»); м. *пяна*, э. *пани-* (> м. *пянакуд*, э. *панекудо* «русская изба (кудо «дом, изба»)») — н. *пиня* «наружу, на внешнюю сторону (чего-л.)», *пиняны* «наружный, внешний»;

— в мордовских языках общая именная или глагольная основа связанная, в ненецком — автономная: м., э. *карн-* (> *карнамс* «каркать») — н. *хăрна* «ворон»; э. *канз-* (> м. *канзеркс*, э. *канзёркс* «крупа, мелкий снег») — н. *хăнзо* «прохладный (о погоде), прохладно»; м., э. *мада-* (> м. *мадама*, э. *мадамо* «помост, переход (из жердей или досок) через ручей или речку») — н. *мăд* «переправа, переход; перевал (горный)»; м., э. *мал-* (> м. *маласа*, э. *маласо* «близко, недалеко») — н. *мал* «конец, вершина, верхушка, макушка, исток, верховье реки»; м., э. *пук-* (> м. *пукша*, э. *пукшо*

«ляшка») — н. *пук* «мясистая часть ноги»; э. *кор-* (> *корсяня* «чадный, угарный») — н. *хор* «печь»; м. *ёф-*, э. *ёв-* (> м. *ёфтамс*, э. *ёвтамс* «сказать, рассказать, сообщить (что-л.)») — н. *юн* «известие, весть, новость»;

— в мордовских языках общие глагольные основы связанные, в ненецком языке могут быть и в связанном, и автономном употреблении: м., э. *пур-* (> м. *пурьгемс*, э. *пурнемс* «прокиснуть») — н. *пур-* (> *пурамзь* «заржаветь, покрыться ржавчиной; заплесневеть, покрыться плесенью») — *пур* «ржавчина, плесень»; э. *понг-* (> *понгомс* «попасться») — н. *понгърць* «рыбачить, ловить сетью» — *понгй* «невод, сеть»; м., э. *ява-* (> *явамс* «истопиться») — н. *яв-* (> *явута* «источник тепла») — *ява* «тепло, теплота»; м. *пл-*, э. *пуль-* (> м. *плманжа* «колени», э. *пульзямс* «встать (на колени)») — н. *пул-* (> *пулыта(сь)* «встать (на колени), сесть, скрестив под собой ноги» — *пулы* «колени»; м., э. *пель-* (> *пелемс* «бояться, испугаться») — н. *пил-* (> *пилць* «испугаться (кого-чего-л.)») — *пин* «страх, боязнь, испуг»; м. *эрхть-*, э. *эрть-* (> м. *эрхтемс*, э. *эртемс* «стукнуть, ударить») — н. *ирт-* (> *ирте(сь)* «поравняться с кем-либо, оказаться рядом») — *ирт-* «прямо, напрямик, против, напротив (кого-чего-л.)»; м., э. *юд-* (> *удомс* «спать») — н. *юд-* (> *юдэ(сь)* «сниться, присниться (кому-л.); видеть во сне (кого-что-л.)») — *юдэ* «сон, сноведение»; э. *пурд-* (> *пурдамс* «свернуть, повернуть в сторону») — н. *пырд-* (> *пырда(сь)* «встать дыбом, взъерошиться») — *пырдё* «обратное течение воды в месте водоворота»; э. *пув-* (> *пувамс* «дуть (о ветре)») — н. *пыв-* (> *пывуизь* «выветриться, стать обветренным») — *пыв* «свежий, сухой (о ветре)»; м. *мянъ-*, э. *мень-* (> м. *мянемс*, э. *менемс* «вырваться, освободиться, прорваться») — н. *мин-* (> *минзь* «идти, двигаться, передвигаться») — *мин* «движение, бег, скорость»; м., э. *панд-* (> *пандомс* «наложить заплату, сделать ремонт одежды») — н. *понд-* (> *понда(сь)* «соединить, срастить части (чего-л.); сшить вместе передок и задок пимы; запаять») — *понд* «между (чем-л.), среди (чего-л.)»; м., э. *нев-* (> м. *невольдемс* «сойти, отмереть (о коже)», э. *невелдемс* «выщипать, вытеревить») — н. *нинг-* (> *нингй(сь)* «ощипать (например, птицу), вырвать, выщипать, выдернуть (перо, шерсть, траву)») — *нинг* «слой (чего-л.), отделение (чего-л.)»; м., э. *ванн-* (> *ванномс* «рассмотреть, рассудить, разуметь») — н. *ван-*

(> *ванумзь* «подумать, стать умным») — *вано* «разум, рассудок»; э. *терь-* (> *тертямс* «путать, опутать, связать (части чего-л.)») — н. *тер-* (> *тере(сь)* «связать (части деревянных предметов, ремни, сети)») — *тере* «деревянная игла для починки и вязанья сетей»; м., э. *пот-* (> *потамс* «отступить, пятиться, уступать, идти назад, идти в обратном направлении») — н. *пуд-* (> *пуда(сь)* «быть позади всех, быть последним, замыкающим; идти, ехать позади (кого-л.)») — *пуд* «сзади; после»; м. *сюр-* (> *сюральдемс* «сдвинуть, подвинуть по кругу») — н. *сюр-* (> *сюрй(сь)* «крутиться») — *сюр* «вращение, круговорот»; м., э. *ком-* (> м. *комада*, э. *комадо* «ничком; согнувшись») — н. *хумб* «слегка изогнутая приподнятая часть (чего-л.); выпуклость»; м., э. *ю-* (> м. *юксомс*, э. *юксемс* «развязать, отстегнуть») — н. *ю* «узел»; м., э. *тав-* (> *тавадомс* «заккрыть, крыть, покрыть») — н. *тāv* «закупорка»;

— в мордовских, и в ненецком общие глагольные основы связанные (несамостоятельные): м. *мяндор-*, э. *мендёрь-* (> м. *мендордомс* «вывихнуть (ногу)», э. *мендердемс* «вылущить, очистить (орех, головку подсолнуха от цветка)») — н. *мидер-* (> *мидерць* «обварачиваться, изменяться, превращаться в иной вид, облик») — э. *янга-* (> *янгамс* «разрушить, продолбить») — н. *янга-* (> *янга(сь)* «продолбить, прорубить (лед)»); м., э. *пра-* (> *прамс* «упасть») — н. *пыр-* (> *пырймзь* «упасть (о более слабом человеке); упасть неожиданно или поскользнувшись; упасть (откуда-л. сверху)»); м., э. *пала-* (> *паламс* «целоваться») — н. *пала-* (> *пала(сь)* «пристать, прилипнуть (к чему-л.); заразиться»); м., э. *кос-* (> м. *косьфтамс*, э. *костямс* «просушить») — н. *хас-* (> *хасй(сь)* «подсохнуть; отmelеть; спасть (о приливе)»); м., э. *пид-* (> *пидемс* «сварить») — н. *пид-* (> *пидёя(сь)* «пахнуть паленым»); м., э. *ланд-* (> *ландямс* «осесть, присесть на корточки») — н. *ламд-* (> *ламдумзь* «снизиться, понизиться, спуститься, стать ниже»); м. *ми-*, э. *мие-* (> *мимс*, *миемс* «продать») — н. *ми-* (> *миць* «дать; продать»); э. *лымб-* (> *лымбамс* «волноваться (о поверхности воды)») — н. *лымб-* (> *лымбала(сь)* «привести в состояние колебания; сделать шатким (поверхность земли)»); м., э. *панд-* (> *пандомс* «платить, заплатить») — н. *панд-* (> *панда(сь)* «наполнить, заполнить»); м., э. *кана-* (> *канаскадомс* «остановиться в своем развитии, росте; окостенеть») — н. *хйна-*

(> *хйналиць* «начать болеть»); э. *конь-* (> *конямс* «закрыть, зажмурить (глаза)») — н. *хон-* (> *хона(сь)* «лечь, улечься спать»); м., э. *сал-* (> *саламс* «утащить, угнать, украсть») — н. *сол-* (> *сола(сь)* «потянуть, потащить (чего-л.), сцепить (что-л., с чем-л.)»); э. *юрг-* (> *юргатемс* «накинуться (на кого-л.), выскочить, порывисто броситься (на кого-л.)») — н. *юрк-* (> *юрк(сь)* «стать, подняться»); м. *мрд-*, э. *мурд-* (> м. *мрдамс*, э. *мурдамс* «вернуться, возвратиться, повернуться») — н. *мърд-* (> *мърдо(сь)* «сломаться, разбиться, расколиться (на куски)»); м., э. *тар-* (> *тарномс* «трястись, дрожать») — н. *търн-* (> *търналиць* «задремавать»); м., э. *педь-* (> м. *педемс*, э. *педямс* «придираться; пристать; прилипнуть») — н. *пид-* (> *пиден(сь)* «приставать (к женщине); вмешиваться, впутываться (во что-л.), придираться (к кому-л.)»); м. *пи-*, э. *пие-* (> м. *пимс*, э. *пиемс* «свариться») — н. *пив-* (> *пивы* «вареный»; *пивынзь* «есть что-либо вареное»); м., э. *ниль-* (> *нилемс* «проглотить») — н. *нял-* (> *нялиць* «проглотить (сразу, не прожевав)»); м. *вархц-*, э. *варц-* (> м. *вархсодемс*, э. *варцодемс* «резко ударить, рвануть») — н. *върц-* (> *върциде(сь)* «быстро дернуть»); м., э. *ич-* (> *ичемс* «мять, размять») — н. *иц-* (> *ицюзь* «почувствовать боль»); м. *корхт-*, э. *корт-* (> м. *корхтамс*, э. *корттамс* «говорить») — н. *хорт-* (> *хорт(сь)* «открыть (рот, пасть); внезапно крикнуть»); м., э. *кард-* (> *кардамс* «запретить, остановить; отучить; усмерить») — н. *хърд-* (> *хърд(сь)* «возмутиться, отпереться»); м., э. *яв-* (> *явомс* «отделить, разделить, делить») — н. *ях-* (> *ях(сь)* «разделять тушу; снимать шкуру (с крупного рогатого скота)»); м., э. *вен-* (> м. *венптемс*, э. *венстямс* «протянуть, вытянуть») — н. *вэн-* (> *вэн(ць)* «протянуть, растянуть, вытянуть»); э. *катар-* (> *катардомс* «атрофироваться, перестать действовать, отняться») — н. *хътор-* (> *хъторт(сь)* «быть легким, свободно держащимся на поверхности воды»); э. *юрга-* (> *юргатемс* «выскочить внезапно, вдруг, неожиданно») — н. *юрк(сь)* (> *юрк(сь)* «встать, подняться, выскочить»); э. *понад-* (> *понадомс* «связать, соединить») — н. *понд-* (> *понда(сь)* «соединиться, сплотиться, срастись»); м., э. *кад-* (> *кадомс* «оставить, забросить, лишить; покинуть») — н. *хад-* (> *хад(сь)* «оставить (без чего-л.), обделить, лишить»); м., э. *ид-* (> *идемс* «выручить, освободить, спасти;

выкупить») — н. *ид-* (> *иде(сь)* «собраться (что-л. сделать), решить (остановиться на каком-л. решении); надумать»); м., э. *ват-* (> *ваткамс* «лупить, облупить, содрать (кожу, кору)») — н. *ват-* (> *ват(сь)* «обдирать, сдирать (березовую кору)»); м., э. *нал-* (> м. *налкстомс*, э. *налкстамс* «надоест; раскиснуть») — н. *нал-* (> *нал(сь)* «быть не в силах сделать столько, сколько требуется»); м., э. *терь-* (> *тердемс* «звать, позвать, призвать») — н. *тер-* (> *тере(сь)* «примкнуть, присоединиться (к кому-л. ушедшему ранее)»).

Таким образом, сравнительный анализ этимологически общих именных и глагольных основ показал, что они ярко проявляются в мордовских и ненецком языках. В структурном отношении это односложные основы, начинающиеся с согласного звука. Некоторые этимологически общие основы, имеющие соответствия в ненецком языке, в мордовских языках начинаются с сочетания двух согласных, в ненецком языке таким сочетаниям соответствует согласный плюс гласный. Анализ соответствий далеко не окончательный и содержит некоторые неточности, которые могут быть обнаружены исследователями ненецкого языка. Для исследователя сравнительно-исторической лексикологии и грамматики эта тема является большим полем деятельности в аспекте научных разысканий сравнительного характера дальнеродственных уральских языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Большая советская энциклопедия. М., 1997. Т. 27. С. 467.

² См.: Цыпанов Е.А. Финно-угорские языки. Сравнительный обзор. Сыктывкар: ООО Изд-во «Кола», 2009. С. 16.

³ См.: Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965. 942 с.

Поступила 18.05.12.

Е. Н. МОКШИНА

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Ключевые слова: мордва, религиозная жизнь, язычество, христианство, православие, религиозный синкретизм, моления, мифология, историографический анализ

Key words: Mordva, religious life, paganism, Christianity, Orthodoxy, religious syncretism, praying, mythology, historiographic analysis

Оригинальны и самобытны религиозные верования мордвы, ее обряды, мифология, привлекавшие внимание ученых и путешественников с раннего средневековья. Так, западно-европейские путешественники XIII в. Юлиан, П. Карпини, В. Рубрук констатировали, что мордва «суть чистые язычники». И. Барбаро (XV в.), Р. Барберини (XVI в.), д'Авриль (XVII в.) писали о мордве как народе-«идолопоклоннике»¹. Английский путешественник А. Дженкинсон, проехавший «сквозь все обширные владения царя России и Московии, которые простираются от Северного моря и границ Норвегии и Лапландии до самого Каспийского моря», отмечал, что в «стране Мордва (Mordovits) ее жители исповедовали языческую веру; теперь, будучи покорены нынешним русским царем (Иваном Васильевичем — Е. М.), они по большей части крещены»².

Д. Перри, другой английский путешественник, пребывавший в России в 1698 г., наоборот, свидетельствовал о том, что «и мордва, и мурзы, и черемисские татары... решительно отказываются принимать христианскую религию в той форме, в какой преподносят им ее русские, хотя последние не один раз предлагали им значительные выгоды и расширение их льгот в том случае, если они дадут окрестить себя в русскую веру. Все это, несмотря на то,

МОКШИНА Елена Николаевна, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор исторических наук.

что они ежедневно претерпевают (всякого рода) обиды и оскорбления от русских, главным образом за свое упорство в нежелании сделать это»³.

В трудах западноевропейских путешественников и ученых XVII—XVIII вв. содержатся уникальные наблюдения о характере мордовского язычества, его особенностях, дохристианской обрядовой практике народа. Голландский ученый и путешественник Н. Витсен в одной из глав, названной им «Мордвины», своей обширной книги «Северная и Восточная Татария» (Амстердам, 1692) писал, что мордвины «зажиточные люди, гостеприимные и хорошие, живут в хороших селах, а также и хижинах, разбросанных по их территории. Занимаются земледелием. Молятся редко, но преимущественно этим занимаются, когда они пьют или когда режут животных, тогда они молятся Богу, который создал небо и землю и все, что там есть. Они благодарят его, что он дает возможность жить. Молятся, чтобы он их по окончании этой жизни повел в вечную радостную жизнь. Они живут мирно и без священников... При погребении ставят знак, показывающий профессию умершего. Кладут в могилу топоры и кремни, чтобы мертвецы могли ими воспользоваться; для всадников кладут лошадиный хвост, для пчеловода — улей и т. д. Они не молятся идолам, но шкуры убитых животных вешают на деревья и перед ними становятся на колени. Живут по законам природы. Верят в единого бога, создателя всего мира, которому они жертвуют при еде и питье первые куски и глотки»⁴.

Витсен в основном верно охарактеризовал суть религиозных верований мордвы. Особенно важными для их осмысления являются свидетельства ученого относительно того, что мордва «не молится идолам», что у нее имела место вера «в единого бога» («верховного бога»). Во второй половине XVII в. большая часть мордвы еще не была крещена, и она действительно не имела священников. Разумеется, можно внести в текст Н. Витсена и некоторые поправки, пояснения и уточнения. Так, при погребении в прошлом мордва в самом деле ставила особые знаки (меты) на могилах (могильных срубках), а с крещением — на крестах. Обычай этот у части мордвы сохраняется и поныне. Но указанные меты свидетельствовали не о «профессии умершего», как полагал Н. Витсен, а являлись знаками собственности⁵.

В XVIII в. серьезный интерес к народам, входящим в Российскую империю, возник среди отечественных ученых, а организатором их изучения стала созданная по инициативе Петра I Российская академия наук, а также академические ученые, многие из которых были иностранцами. Труды академических экспедиций изучение мордвы продвинулось значительно вперед, в том числе и по интересующей нас проблеме. Их участники (И. И. Лепехин, П. С. Паллас, И. Г. Георги, И. П. Фальк и др.) описали некоторые традиционные моления мордвы, зафиксировали в оригинале несколько молитвенных формул, обратили внимание на возникновение в связи с христианизацией синкретических форм верований и обрядов, охарактеризовали погребальные и поминальные обряды, этноконфессиональную современную им ситуацию не только у мордвы, но и у ее этнических соседей. «Чуваши и мордва, хотя просвещены святым крещением, однако между ними попадаются семьи, которые живут по старой вере, и редко можно найти деревню, при которой бы не были видны остатки прежнего их богомолia»⁶. Путешественник сообщает о былом существовании у мордвы многоженства и левирата⁷.

В середине XIX в. этнография стала самостоятельной научной дисциплиной, появились учреждения, научные центры, занимавшиеся этнографическими исследованиями. Первая такая организация в России — Императорское Русское географическое общество с отделением этнографии, основанное в 1845 г. Членами этого общества П. И. Мельниковым и В. Н. Майновым написаны первые, более подробные и развернутые, работы, в которых значительное место уделялось проблемам религиозной жизни мордвы, в том числе и современному авторам периода. Так, в книге Мельникова в четырех из шести глав содержится описание религиозных верований и мифологии мордвы, а сочинение В. Н. Майнова, опубликованное в Хельсинки на французском языке в 1889 г., полностью посвящено анализу мордовской мифологии⁸.

П. И. Мельников один из первых исследователей (вслед за Витсенем и Палласом), опровергнувших распространенное мнение о том, что мордва до христианизации поклонялась идолам. «Совершенно несправедливо некрещенную мордву называют идолопоклонниками. Никогда не имела она ни

идолов, ни каких других изображений божества». Далее Мельников верно отмечает также, что «мордва никогда не имела особых храмов для совершения богослужения», проводила свои моления «в лесах, на полях, на кладбищах»⁹. «У мордвы не было ни жреческого класса, ни жрецов, которые бы на срочное время или пожизненно сохраняли за собой эту должность», что «для совершения молений и жертв на общественных, мирских, волостных молянах каждый раз избирались, по общему согласию, несколько человек из уважаемых миром стариков», а домашние моления и жертвы обыкновенно «совершал старший мужчина в доме, а в известных случаях старшая женщина», «на кладбищах они же — каждый над могилами своих предков»¹⁰.

Можно привести немало других достоверных и ценных наблюдений Мельникова по дохристианским воззрениям и обрядовой жизни мордвы, впервые введенных им в науку и сохранивших свою существенную значимость для изучения религиозной жизни мордовского народа, его миропонимания на разных этапах истории. В то же время нельзя не отметить допущенные им ошибки, а то и домыслы, на которые обратили внимание другие исследователи. Мельников был не только ученым, но и писателем (как писатель он вошел в литературу под псевдонимом Андрей Печерский) и это, вероятно, сказалось при создании им «Очерков мордвы», в которых прослеживается стремление автора подогнать традиционную мордовскую дохристианскую религиозную систему под библейский образец, что неоднократно отмечалось многими исследователями.

Что касается названной выше монографии В. Н. Майнова, то она, хотя и содержит некоторые интересные сведения и наблюдения, также слишком отдаёт классическими теогониями, «мало вяжется с мордовскими воззрениями на богов и финской теогонией вообще». Еще более отрицательно отозвался об этой работе Майнова У. Харва. Он назвал ее сочинением «запутанным» и «безответственным»¹¹.

Более глубоко и верно проник в сущность дохристианских воззрений мордвы И. Н. Смирнов, автор монографии «Мордва», впервые опубликованной отдельной книгой в Казани в 1895 г. В книге две из шести глав посвящены дохристианским верованиям и обрядам (глава IV «Культе предков. Воззрения на смерть и погребальные обряды» и глава V

«Религиозные верования и культ»). Автор верно отметил, что культ предков занимал большое место в традиционной духовной культуре мордовского народа, оказывал заметное воздействие на процесс регулирования общественной и семейной жизни народа. Интересны и попытки ученого проследить, каким образом в религиозных представлениях мордвы отражались те или иные историко-стадиальные этапы его развития¹².

К религиозной жизни мордвы большой интерес проявлял известный мордовский ученый и просветитель М. Е. Евсеев. Особо значимы его статьи «Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии» (журнал РГО «Живая старина», 1914) и «Мордва Татреспублики» (Казань, 1925). В этих трудах, основанных на полевых материалах автора, достоверно описаны общественные и семейные моления мордвы, имевшие место в конце XIX — первой четверти XX в., сделан ряд ценных наблюдений о контаминации мордовского язычества с русским православием, даны компетентные оценки общего уровня религиозности мордовского народа, этноконфессиональной ситуации в отмеченный период.

Целенаправленная политика атеизации общества, возведенная в ранг государственной политики в годы советской власти, не способствовала фундаментальной разработке историко-религиоведческой тематики как особой отрасли знаний, становлению и развитию религиоведения. Религиоведческое знание, призванное осмысливать общетеоретические вопросы, отражающие мировоззренческие и методологические подходы к предмету, было жестко детерминировано на поиск путей и средств скорейшего искоренения религии из жизнедеятельности советских людей, их научно-атеистическое воспитание.

Однако некоторые ценные наблюдения относительно сущности религиозных воззрений мордвы, специфики ее религиозности в советские годы все же были сделаны. Это относится к работам М. Т. Маркелова, который в течение своей творческой жизни, к сожалению, недолгой (он стал жертвой сталинских репрессий в 1937 г., реабилитирован посмертно в 1959 г.), изучал дохристианские верования и обряды родного народа, особенно такие их аспекты, как знахарство и колдовство, аграрный культ, культ предков¹³.

Большой интерес для исследователей-религиоведов и этнографов представляет опубликованная в 1968 г. книга Н. Ф. Мокшина «Религиозные верования мордвы», в которой автор реконструировал мордовскую дохристианскую религиозную систему, показал ее место и значимость в жизни мордовского народа на разных этапах его истории. Через тридцать лет эта работа была переиздана, дополнена автором новыми материалами и наблюдениями¹⁴.

Анализу этноконфессиональной ситуации у мордвы посвящены работы автора данной статьи¹⁵. Ряд историко-культурологических работ, рассматривающих становление и развитие православия на мордовской земле, написаны С. Б. Бахмутовым¹⁶.

Впервые в юридической антропологии Ю. Н. Сушкова написала монографию «Этноправосудие у мордвы» (Саранск, 2009), в которой на базе широкого круга разнообразных источников рассмотрены религиозные основы этноправосудия у мордвы (обычно-правовые аспекты дохристианских верований, юридические начала христианизации, правовые традиции сектантов-духоборов). Большой интерес также представляет ее работа «Под небом Канады» (Саранск, 2012), в которой раскрываются ранее неизвестные эпизоды из жизни той части мордвы, что вместе с другими российскими духоборами еще в дореволюционное время эмигрировала в Канаду и проживает там до сих пор. Ю. Н. Сушкова в 2004 г. совершила экспедиционную поездку к духоборам канадской провинции Британская Колумбия и собрала там много разных материалов из их жизнедеятельности, особенно о правовых традициях Духобории¹⁷.

Если говорить о зарубежной историографии по интересующей нас теме, то ее очень мало. Можно назвать лишь одну работу монографического плана финского религиоведа и этнолога У. Харва «Die religiösen vorstellungen der Mordwinen» (Хельсинки, 1952). Ее можно без преувеличения считать существенным вкладом в изучение духовной культуры мордовского народа. Хотя У. Харва сам не собирал полевые материалы среди мордвы, но он широко воспользовался таковыми из архива и документальных публикаций Х. Паасонена, длительное время работавшего среди мордвы в последней четверти XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. С. 8—19.

² Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву 1557—1558 гг. М., 1937. С. 168.

³ Цит. по: Гераклитов А.А. Несколько малоизвестных заметок о мордве иностранных путешественников кон. XVII — нач. XVIII в. // Изв. Нижне-Волж. ин-та краеведения. Т. 4. Саратов, 1931. С. 102.

⁴ Цит. по: Феоктистов А.П. Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII—XVIII вв. // Очерки мордовских диалектов. Т. 2. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. С. 5.

⁵ См.: Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. С. 25.

⁶ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771. С. 162.

⁷ Там же. С. 173.

⁸ См.: Mainov V. Les restes de la mythologie Mordvinen // Journal de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1889.

⁹ См.: Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. С. 44, 59—60.

¹⁰ Там же. С. 62—63.

¹¹ Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 17.

¹² См.: Смирнов И.Н. Мордва. Казань, 1895. 299 с.

¹³ См.: Маркелов М.Т. Культ умерших в похоронном обряде волго-камских финнов // Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.; Л., 1931.

¹⁴ См.: Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968; Его же работа. Изд. 2-е доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998.

¹⁵ См.: Мокшина Е.Н. Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998; Ее же. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX — начале XXI века. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003; Ее же работа. Изд. 2-е доп. и перераб. Саранск, 2006; Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н. Мордва и вера. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005; Их же. Митрополит родом с Вада. Саранск, 2012.

¹⁶ См.: Бахмутов С.Б. Монастыри Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2000; Его же. Православие в Мордовском крае (историко-культурологический аспект). Саранск, 2006 и др.

¹⁷ См.: Сушкова Ю.Н. Этноправосудие у мордвы. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009; Ее же. Под небом Канады. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012.

Поступила 14.05.12.

Н. С. САВКИН

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

Ключевые слова: философская интерпретация, ментальность, герменевтика, опредмечивание, рас-предмечивание, языки программирования, рефлексивная философия, этика толерантности

Key words: philosophical interpretation, mentality, hermeneutics, objectification, dis- objectification, programming languages, reflective philosophy, tolerance ethics

Философия языка — это часть (раздел) прикладной философии, предметом которой являются способы упорядочивания средств выражения знаний. По философско-лингвистической проблематике высказывался Аристотель (трактат «Категории»), И. Кант (разработка категорий рассудка), Ж. Ж. Руссо (идеи о происхождении письменности), Дж. Милль (вклад в теорию референции), В. Гумбольдт и др.

Современная философия языка представляет собой направление философских исследований о способах построения теорий с помощью языка, различных типах языков и их функционировании, политических и социальных функциях языка. После так называемого «лингвистического поворота» («лингвистической революции»), произошедшего в Европе в середине XX в., в философию «вливается» спектр философских исследований языка — лингвистическая философия, структурализм (постструктурализм), феноменология, герменевтика, главное внимание которых направлено на контексты и предпосылки высказываний, на истолкование и понимание как условия осмысления социального бытия, на объективированные структуры языка вне связи с субъектом (семиотика).

САВКИН Николай Степанович, заведующий кафедрой философии для естественно-научных и инженерных специальностей Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

В философии языка существует несколько направлений исследований: обозначение словом или предложением, фразеологизмом реального или вымышленного предмета, явления, объекта (референция); выяснение содержания, смысла языкового выражения, слова, предложения и истолкование, объяснение их предназначения (интерпретация — в отличие от творческого раскрытия образа исполнителем или идейно-эстетического замысла художественного произведения критиком); выполнение языком функций в процессе общения, передачи информации в зависимости от особенностей способов мышления, характера, культуры; проблема перевода текстов, предложений, слов одного языка в эквивалентных единицах другого языка; языковая природа сознания, соотношение языка с сознанием (говорящего и интерпретирующего), слияние языка с сознанием и их разделение (различие).

Как возникают слова для обозначения вещей, предметов, процессов, явлений? Как удается людям (группе, общности, социуму) добиваться одинакового понимания смысла слов? Ясно, что слова, язык сформировались в процессе совместной повседневной практической деятельности и во взаимосвязи с развитием культуры, поэтому они обладают особенностями действующих людей. Вероятно, кто-то первый, случайно или преднамеренно, придал значение предмету или процессу в виде звуковой системы, и при неоднократном ее повторении слово с таким смыслом закрепилось.

Разумеется, язык обозначает предметы и процессы, а не отражает мир. Язык является носителем значений, передающихся из поколения в поколение. Мышление, рационализм, аналитика формируют языковую ткань, логическую семантику языка, которые определяются непрерывным повседневным опытом и структурными правилами языка. В философии языка важно решение проблемы смысла и значения. Каждое слово относительно автономно в значении смысла, несет определенную содержательную нагрузку, доступную другим. Признается самостоятельный статус смысла слова. Что касается значения, то оно конкретизируется в контексте, тексте. Более того, значение слова может определяться по тому, как оно будет применяться в новых ситуациях.

Наиболее сложной остается проблема соотношения, взаимосвязи и противоположности знака (языка в широком смысле как воплощения сознания, ментальности) и идеаль-

ного. Часто они рассматриваются как форма (знак, язык) и содержание (духовное, идеальное, ментальность). Форма (знак, язык) мыслится как материальное, а значение, смысл, содержание — как идеальное. Причем в качестве языка (материального) могут выступать звук (речь), условные знаки (письмо, алфавит), жесты (знаковый язык, язык жестов — у глухонемых основное средство общения, передачи информации) и внутренняя речь (процесс мышления). Это внутренняя, невидимая и неслышимая речь. Она носит сокращенный, фрагментарный характер и выражается в скрытой от взора и слуха слабой артикуляции речевых звуков, при этом речевой аппарат делает незаметные, микроскопические движения, которые улавливают современные приборы. Оказывается, человек думает на каком-то языке, который является в данный момент актуальным, употребляемым, родным.

В качестве средств воплощения духовного (ментальности) могут выступать схемы, формулы, графики, телодвижения, пластика, краски, музыкальные звуки. Существует множество технических средств воплощения ментальности, информации, эмоций.

В любом случае значение, смысл, духовное содержание знака оживает, становится «реальным», актуальным лишь в результате специальной ментальной процедуры, которая называется раскодированием заложенного в данную форму, расшифровкой зашифрованного. Это осуществляется через мышление, понимание, интерпретацию. Чтобы это случилось, форма, знак должны обладать определенными признаками, свойствами.

Остается загадкой, как, в каком виде духовное, идеальное, ментальность реально существуют, не имея при этом ни цвета, ни вкуса, ни запаха, ни размера, ни веса, ни конфигурации и воплотившись в любую форму, конструкцию. Автомобиль, компьютер, любая техническая система — это не просто металл, а особым образом организованная конструкция, представляющая собой воплощение замыслов, планов, идей инженера, конструктора, дизайнера, т. е. идеального, духовного. Характер, уровень, качество замыслов и их воплощение, исполнение обнаруживают себя, реализуются лишь при эксплуатации, функционировании.

Вся «искусственная» среда, вторая природа, мир материальной культуры наполнены смыслом и представляют собой воплощение ментальности, замыслов, идей. Эта ментальность существует в них в потенциальном состоянии, раскрывается полностью в процессе распредмечивания. Поэтому, когда утверждают, что сознание материально, то допускают вульгаризацию. Вместе с тем духовное, ментальность, сознание не могут существовать, функционировать, передаваться другому, храниться в материализованной форме. При этом предполагается, что материализация, форма носят социально обусловленный, конкретно-материалистический характер. Это означает, что у них совершенно произвольный характер, но при этом в пределах социума они имеют национальную, региональную, эпохальную характеристику. В связи с этим обсуждается вопрос «Если каждый язык имеет свою онтологию, то в какой мере возможно единство языков, общение между представителями различных языковых систем, взаимопонимание и перевод?». Ответ может быть следующим: хотя существуют различные дискурсы и системы взглядов, заложенные в языковые формы, духовность, ментальность, истина, значение расшифровываются с помощью разума, рассудка, анализа. Они становятся основным посредником «медиумом», обеспечивающим взаимопонимание и перевод различных языков. Условность, произвольность заключается здесь в том, что одна и та же духовность, ментальность воплощаются в различные языковые формы, требующие знания, чтобы произошло раскодирование, благодаря чему возможно взаимопонимание.

Воплощение духовного, в том числе наиболее абстрактных философских идей, концепций, возможно не только в словесных, языковых конструкциях, но и в поведении, действиях, поступках, которые могут выражать определенную философию («философию поступка»), а система действий, образ жизни — философскую систему, концепцию. В истории таких примеров немало (блаженные, отшельники, скитальцы). Общеизвестен образ жизни самих философов. Так, древнегреческий философ Диоген Синопский (ок. 404 — ок. 323 г. до н. э.) выразил свою аскетическую философию не столько словесно (до нас не дошли его сочинения), сколько образом жизни: из доксографов (изложений древнегреческими авторами в своих произведениях взглядов и жизнеописания других

философов) известно, что он вел аскетическую жизнь, используя винную бочку под жилище и довольствуясь платьем бродяги. Он отказывался от достижений цивилизации, отвергал материальные блага, чтобы оставаться свободным. Человек должен быть нагим и одиноким, замкнуться, чтобы защитить свою человеческую сущность.

Способов, методов, возможностей воплощения духовного, ментальности, информации множество: язык, жесты, поведение, мимика, письмо, телодвижения, ноты и т. д. Язык не все может воплотить и передать, если не иметь в виду под языком в широком смысле все способы воплощения, хранения и передачи информации, ментальности. Мать понимает ребенка без слов. Животные общаются звуками, телодвижениями, у них своя система сенсорных сигналов.

Спорным остается вопрос о соотношении сознания и души. Что такое душа. Существует ли она отдельно от сознания? Нередко встречаются рассуждения о том, что душа существует сама по себе и не имеет связи с сознанием. Понятие души (греч. *psyche*, лат. *anima*) восходит к древним религиозным верованиям о наличии в теле человека или животного активного духовного начала, которое оживляет его, определяя его индивидуальные способности и жизненную позицию. В новоевропейской философии понятие души стало употребляться преимущественно для обозначения внутреннего мира человека, его самосознания. В психологии понятие души отождествляется с психикой, некоторые философы рассматривают сознание лишь как осознанное (рационализированное) отражение действительности, куда психическое как эмоциональное не входит.

На наш взгляд, нельзя отделять душу от сознания. Представить ее существование отдельно от сознания невозможно, так как душа есть определенная направленность, состояние, аспектная характеристика сознания. Душевный человек — это человек, способный к сопереживанию, сочувствию, умеющий понять другого, поставить себя на его место. Бездушный человек — это не человек без души, а просто эгоистичный, равнодушный, безучастный человек.

Душа у человека есть, но бессмысленно допускать (с точки зрения естествознания) ее самостоятельное, автономное существование отдельно от человека и его сознания (душа сама по себе). Утверждение о том, что она бессмертна и

продолжает функционировать где-то отдельно от самого человека, «хозяина» души, не имеет под собой каких-либо оснований, научных подтверждений.

Д. А. Гранин описывает ситуацию после смерти жены, когда он ощущал присутствие ее души, хотя сама она уже была похоронена. «Любой атеист, материалист знает, что у него-то душа имеется. Недоказуемо? Душа обитает за пределами доказательств, как сны, как мечта, за пределами естественных наук. Она недостижима для приборов, датчиков»¹.

Это верно: нет приборов для измерения души, нет экспериментального контроля. Душа существует не отдельно от сознания, а в структуре сознания. Это единое духовное образование. Сознание, духовное, ментальность, душа — это субъективная реальность. Она существует в закодированном виде, в системе условных обозначений, знаков, сигналов для сохранения, передачи и функционирования информации, духовного, сознания, души. А язык — один из самых распространенных и важнейших способов или видов кодирования.

Взаимосвязь языка и сознания аналогична диалектике опредмечивания и распредмечивания, имеющей место в производственной трудовой деятельности. Здесь социальные сущностные силы человека, способности воплощаются в форму предмета, а при распредмечивании, наоборот, предметность переходит в живую, действующую способность как результат освоения субъектом предметных форм культуры и цивилизации.

Как и информация, способность — явление, хотя и закодированное в определенную материальную форму, но остающееся по содержанию духовным образованием. Свою сущность, содержание они обнаруживают лишь в процессе раскодирования, потому что только в таком качестве могут функционировать. В том и тайна духовного, сознания, души, что они существуют в самых разнообразных формах, языках, кодах, которые носят отчетливо выраженный социальный, национальный, региональный, иногда профессиональный, даже возрастной характер (всевозможные сленги, жаргон и т. д.). Когда человек думает, он думает на каком-то языке. Это так называемая «внутренняя речь», беззвучная, невидимая. Она носит сокращенный, фрагментарный характер и выражается

в скрытой от взора и слуха слабой артикуляции речевых звуков. Иначе говоря, когда человек думает, его речевой аппарат делает незаметные микроскопические движения, которые улавливают современные приборы. Поэтому можно предположить, что со временем будет изобретен прибор или датчик для измерения состояния души.

Таким образом, хотя дух, сознание, ментальность, душа автономны, как нечто существующее и действующее, однако доступны, достигаемы через язык, различные формы материализации, в качестве которых выступают не только известные нам языки (звуки, буквы, жесты, знаки, символы и т. д.), но и математические формулы, языки программирования, музыкальные ноты и т. п. Духовное опредмечивается в различные формы жизни, существует, воздействует, функционирует и хранится, затем вновь обретает характер субъективного духовного в процессе и результате распредмечивания, требующего определенных знаний, подготовки, культуры.

Существует противоречие: с одной стороны, каждый язык имеет собственную онтологию, с другой — любая система знаков, всякий язык может быть расшифрован, распредмечен или переведен на другие знаковые системы, языки. Это возможно наиболее полно и точно в пределах одной цивилизации, единой социокультурной системы. Иное дело — текст. Он также расшифровывается и понимается. Но для его понимания требуется осмысление и истолкование, ибо здесь присутствуют два субъекта, два сознания — написавшего текст и читающего его. Как отмечал М. М. Бахтин, «текст (в отличие от языка как системы средств) никогда не может быть переведен до конца, ибо нет потенциального единого текста текстов. Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов»². Поэтому абсолютно адекватное понимание текста невозможно, здесь в силу вступает интерпретация, различие восприятий и истолкований. Поэтому история, которая, как прошлое, представлена преимущественно системой текстов, которые выступают как вторичный уровень бытия, всегда вызывает различные толкования, объяснения, интерпретации. Большую роль при этом играет позиция, мировоззрение, воображение, уровень осведомленности интерпретатора. Сам исторический факт

вовсе не тождествен его естественно-исторической форме, так как связан с субъективным осмыслением и объяснением.

Философская интерпретация текста отличается особой герменевтической глубиной, направленной на постижение смысла и понимание. Она всегда окрашена в «герменевтические тона»³, ибо стремится к расшифровке смысла, заключенного в тексте. Герменевтика означает не обычное толкование или объяснение смысла, а расшифровку, раскодирование трудных для понимания текстов.

Языки различаются по богатству лексики, стиля, изобразительно-выразительных средств. Но есть нечто общее, объединяющее языки, — их многозначность. Поэтому попытки закодировать язык и на этой основе создать искусственный язык для межличностного общения, например, эсперанто, не увенчались успехом, ибо он оказался неспособным передавать смысловые оттенки разных культур. Слово, язык — не только информационная система, но и средство передачи оттенков, нюансов мыслей, переживаний, чувств, т. е. то, что имеет свою глубину и широту. Философия как герменевтическая деятельность способна раскрыть оттенки смыслов. Отсюда не вытекает, что философская герменевтическая интерпретация безгранична. Это может быть отнесено к философским текстам и той части философии, которая не претендует называться наукой и не быть таковой. Это так называемое «философствование», или «экзистенциальная, ценностная, валюативная философия». Она допускает широкий круг интерпретаций и может выявить много смыслов.

Возможность множества интерпретаций обусловлена также социокультурной эпохой, временем. Заложенные в тексте смыслы могут актуализироваться в разные эпохи: то, что было второстепенным в прошлом, в контексте ушедшей эпохи, может стать современным в наше время. Классическая, или рефлексивная, философия и ее тексты по содержанию и смыслу более строги и однозначны. Герменевтическая интерпретация направлена на поиск и уточнение определенного смысла, поэтому более устойчива и конкретна. Следует отметить, что на направленность и содержание интерпретации существенное влияние оказывает мировоззрение. Если мировоззрение и интерпретация приходят в конфликт или несогласие, несоответствие, то меняется интерпретация, а потом в какой-то мере и миропонимание. Язык при этом существенных изменений не испытывает.

Основная цель интерпретации — объяснение смысла, истолкование текста, доведенное до понимания. Интерпретация есть понимание, субъективное и объективное. Субъективное (или собственное) — это совпадение содержания с внутренним «вчувствованием» смысла. Объективное — забота о понимании другим. Этим философия интерпретации отличается от семиотики: ее интересует не поиск значения, не содержание смысла, а способ означивания, варианты, формы материализации содержания. В качестве таких форм или знаков могут выступать символы, формулы, индексы, коды, иконические образы, культовые феномены, дорожные знаки, сигналы, искусственные языки. Пониманию предшествует аналитическая операция, позволяющая придать пониманию статус знания. При изменении условий, ситуации возможна повторная интерпретация для придания знанию практического значения.

Предмет философии интерпретации — не только языковые выражения и тексты. Непосредственное понимание возможно и при «чтении» выражения чужого лица, жестов, походки. Мир, безусловно, существует объективно и не зависит от нашего сознания, восприятия и понимания. Однако повседневный мир, наличное бытие есть для нас всегда интерпретированный мир. Второй оказывается не менее сложным, чем первый, ибо существуют разные уровни интерпретации и понимания. Их наслоения усложняют вторичную интерпретацию (интерпретацию интерпретированного) и его понимание. Происходит столкновение миропониманий. Для правильного регулирования отношений следует признать этику толерантности как обязательное условие сосуществования. Нужно терпеливо и вежливо переносить другого с его иной интерпретацией, культурой, в его чуждости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гранин Д.А. Все было не совсем так. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. С. 455.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 300—301.

³ См.: Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 4.

Поступила 15.05.12.

П. А. БАЁВ,
А. В. КОБЖИЦКИЙ,
А. А. НАДОЛЬНАЯ

**АТЕИСТИЧЕСКОЕ
МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ
ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ¹**

Ключевые слова: атеизм, мировоззрение, личность, интеграция
Key words: atheism, worldview, personality, integration

Трансформация в современной России — особый и специфичный процесс изменений, поскольку он непосредственно связан с драматическими событиями, происходившими в нашей стране больше четверти века. Первые признаки дестабилизации были ознаменованы концом «застойного периода» и началом «постбрежневской неопределенности». Перестройка 1985 г. внесла некоторый смысл, но вместе с тем дополнила жизнь российских граждан катастрофическими событиями. Постперестроечный период характеризуется появлением иных стрессоров. Самый главный из них связан с такими социальными потрясениями, как экономическая депривация и социальная аномия, которые затронули практически все население страны.

На современной идеологически размытой платформе, в ситуации с высокой степенью неопределенности происходит трансформация универсальных смыслов, представлений и убеждений, радикальная смена взаимоисключающих идеалов. В данном случае речь идет о маятнике, направившем массовое сознание соотечественников с принципиальных позиций атеизма и агностицизма в сторону религиозности, мистицизма и веры в сверхъестественные силы. Атеизм при этом пострадал больше количественно, чем качественно, а религиозная вера, напротив, приобрела свободу совести и

БАЁВ Павел Анатольевич, доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Иркутского государственного университета, кандидат социологических наук.

КОБЖИЦКИЙ Андрей Валерьевич, заместитель генерального директора Юридического центра «Сибирь» (г. Иркутск).

НАДОЛЬНАЯ Алла Анатольевна, преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин Иркутского государственного технического университета.

вероисповедания, что создало много трудностей и проблем для их совместного сосуществования.

Атеизм основан на принципе гуманизма, т. е. на перво-степенном значении человека, его личности и человеческого существа по отношению к любой социальной или религиозной структуре. Здесь важно то, что первична именно человеческая, а не божественная сущность. Значимы права человеческой личности, вытекающие из позитивного и научного понимания природы человеческих отношений, а не из религиозных установок.

Поскольку в советской России светскому атеистическому воспитанию и образованию уделялось самое пристальное внимание, именно атеизм как идеологическая, дидактическая и логико-смысловая категория представляет интерес для анализа трансформации «категорий очевидности». Атеизм в общих чертах — это система научно-мировоззренческих взглядов, полностью отвергающих религиозные представления. Но сегодня он перестал быть официальной государственной идеологией. Кроме того, в современном российском обществе атеизм подвергается критике и осуждению со стороны религиозных кругов. Согласно данным социологических исследований, более чем половины взрослого населения России относится к системе взглядов, отрицающей существование Бога, безразлично, почти треть — отрицательно².

Для изучения процесса трансформации атеистического мировоззренческого компонента социальной системы в его символическом содержании мы использовали транссимволический анализ (ТСА). Контент-анализ содержания СМИ с использованием методики ТСА предполагает изучение трансформации «неосвязаемого» социального дискурса посредством выделения качественно-количественных компонентов (направлений анализа): частоты упоминания, объема внимания, суммарного (по первым двум направлениям) рейтинга категории, оценочного контекста (положительная и отрицательная оценка), доминирующей символической триады (К-А-Д-символы). Положительная оценка формируется за счет информации позитивного, нейтрального и проблематично-сочувствующего характера, в то время как отрицательная — за счет информации негативного и проблематично-осуждающего характера. Доминирующая символическая триада стратифицируется на символы, обуслов-

ленные главными частями речи: когнитивный (К-символ, имя существительное), возникающий в процессе первичной сигнификации и наделяющий конкретные предметы, процессы и явления знаками; аффективный (А-символ, имя прилагательное), возникающий в процессе вторичной сигнификации и обозначающий признак предмета как морфологического, так и содержательного порядка; деятельностьный (Д-символ, глагол), обозначающий действие или состояние предмета, отражающий связи и взаимодействия, в которые вступают между собой предметы, процессы и явления. Референтной точкой анализа (последней точкой стабильности социальной системы) выбран 1984 г. (последний год до начала масштабных реформ в России). В качестве источниковой базы исследования использована популярная и массовая в СССР и России газета «Аргументы и факты». Выбор этого издания обусловлен его распространенностью и охватом различных социально-демографических групп.

Советский атеизм использовался в политических целях в качестве убедительного инструмента в руках представителей Коммунистической партии Советского Союза. Но, несмотря на все современные попытки объявить его чисто идеологическим направлением, атеизм как материалистическое мировоззрение все же не выходил за рамки научности, научного объяснения мира. В СССР он мыслился «научным атеизмом». Существуют также попытки отождествить атеизм с «извращенным» религиозным мировоззрением и на этом основании объявить атеизм «религией лжи и безответственности» или «средством сатанинской войны против человечества». В данном случае речь идет о серьезных информационных источниках, например, об официальном сайте Казанского государственного университета³.

В «Большой советской энциклопедии» роль атеизма определена достаточно подробно и понятно. Она укладывается в символично-смысловой контекст «наука — пропаганда — просвещение», из которого следует, что ни одна часть не могла бы самостоятельно существовать, по отдельности, по крайней мере, на уровне политического дискурса. «Коммунистическая партия рассматривает религиозную идеологию как антинаучную и потому ведет научно-атеистическую пропаганду для освобождения сознания верующих от религиозных предрассудков, воспитывает население СССР в

духе научного материалистического мировоззрения. КПСС постоянно требует, чтобы вся антирелигиозная работа велась исключительно методами разъяснения и убеждения и не сопровождалась бы оскорблением религиозных чувств верующих и ущемлением их прав»⁴.

Эта декларация может показаться сомнительной, поскольку недавняя история знает достаточно жестокие методы насаждения атеизма и преследования верующих в нашей стране. Можно вспомнить призыв В. И. Ленина в 1922 г. о необходимости конфискации церковного имущества для борьбы с разразившимся к тому времени в ряде регионов голодом, после которого последовали репрессивные действия против представителей религиозных конфессий. Вождь Октябрьской революции в секретном письме членам Политбюро писал: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны!) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. <...> Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»⁵.

«Воинствующий атеизм» и «воинствующие безбожники» 1930-х гг. также пугали верующих массовыми репрессиями, арестами и расстрелами. «15 мая 1932 года Декретом правительства за подписью И. В. Сталина была объявлена „безбожная пятилетка“, поставившая целью добиться того, чтобы к первому мая 1937 г. имя Бога было полностью забыто на территории страны»⁶.

Хрущевская оттепель усилила антирелигиозную кампанию, что привело к сокращению приходов и новой волне арестов церковных активистов. Однако все эти «волны истории», имея противоречивые истолкования ученых-историков, показательны для нас в том смысле, что ни одно из них не может быть понято без объяснения причинно-следственных связей между некой социокультурной средой с тем или иным событием. Это говорит лишь о том, что в рамках преобладающего на тот момент социокультурного

типа атеизм претерпевал колоссальные логико-смысловые и причинно-функциональные изменения. Это не умаляет «родовые» достоинства атеизма как позитивного метода познания социальной реальности. В данном случае для исследования атеизма сосредоточимся на 25-летнем отрезке времени (с 1984 по 2008 г.), характеризующем завершающий этап одной социокультурной флуктуации («советская культура») с ее «трагедийными» кульминациями («перестройка»), становлением и развитием другой, более противоречивой («постсоветская культура»).

Атеизм — закономерный элемент духовной и этической жизни современного общества, система научно-мировоззренческих взглядов, одна из форм свободомыслия по отношению к религии. В узком смысле слова атеизм есть мировоззрение, согласно которому естественный мир единственен и самодостаточен, в то время как религия является творением человека. В повседневной практике в понятие «атеизм» может вкладываться локальный оценочный контекст, который проявляется в таких аффективных словосочетаниях, как «атеизм — религия безбожника», «вера в отсутствие Бога». Атеисты часто обвиняются верующими в «безнравственности» и других «смертных грехах». Полновесное разъяснение о природе атеизма, а также о том, кто такие атеисты, можно читать в современных специализированных изданиях «Новый безбожник», «Здравый смысл», «Атеистический листок», «Скепсис» и др., которые периодически выходят в свет и представлены в Интернете уже более десяти лет.

Свобода совести является естественным правом человека иметь любые убеждения, в том числе и нерелигиозные. Анализируя правовое поле деятельности религиозных конфессий в стране, приходится констатировать ужесточение прав на свободу совести. Например, в законе РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 12 сентября 1997 г. № 125-ФЗ не упоминаются понятия «атеист» и «атеистическое мировоззрение»⁷. С другой стороны, атеизм как мировоззрение, диаметрально противоположное религиозному, не следует вводить в сложившуюся правовую систему и рассматривать в ее рамках. Другое дело, что Конституция РФ как основной закон государства и общества обязана защищать права как верующих разных конфессий, так и атеистов.

Вместе с тем в ст. 52 Конституции СССР 1977 г. гражданам страны предоставлялось больше свободы и права «исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду»⁸. В Конституции РФ 1993 г. «атеистическая пропаганда» приравнивалась к понятию «религиозная пропаганда»⁹. Таким образом, советское законодательство учитывало основные формы существования религиозных и атеистических убеждений.

История советского атеизма сейчас мало известна и носит достаточно мифологизированный характер, поэтому не стоит делать далеко идущие выводы. По материалам нашего исследования можно наблюдать, каким образом происходило вытеснение атеистического и (или) научного мировоззрения тотальным религиозным. Выявлена динамика отношений к атеизму и атеистам. Наблюдается дисперсный характер появления материалов, содержащих оценки атеизма как массового явления и атеистов как представителей специфической социальной группы.

В некоторых триадах отсутствуют характерные А- и Д-символы в силу того, что категории анализа (атеизм и атеисты) не всегда проявлены в активных действиях или способны вызвать аффективные чувства и настроения. Например, в 1995 г. было простое упоминание об «атеистическом веке» и «воинствующих безбожниках», которые никаким образом не влияют на современность. С нового тысячелетия к атеистам относятся, судя по смысловому контексту публикаций, с негодованием и даже с жалостью: «атеисты — упертые — противостоят» (2000 г.), «атеисты — несчастные — не понимают» (2006 г.).

Примечателен 2000 г. Перед ним и после него — глубокие разрывы дискурса, а сам год нового тысячелетия характеризуется идейным противостоянием и принимает самые крайние (в целом за весь исследуемый период) агрессивные формы: «упертые», «противостоят». Откуда они появились? Почему стали носить характер ортодоксального фанатизма? За какие идеалы борются в своем протестном усердии? На эти вопросы было бы трудно ответить, имея перед собой только материалы газеты «Аргументы и факты» и не владея дополнительной информацией о возрождении атеистического движения в постсоветской России. Дело в том,

что именно на рубеже двух тысячелетий в условиях формирования гражданского общества российский атеизм начал стремительно приобретать легальные формы и в большей степени походить (со времени добровольного самороспуска) на реальную общественную силу.

Назовем некоторые организационные факты возрождения атеистического движения: появляются первые антицерковные и антирелигиозные публикации в газете ЦК Российской партии коммунистов «Мысль» (1992 г.); на базе философского факультета МГУ в 1995 г. учреждено Межрегиональное общественное объединение «Российское гуманистическое общество» (РГО). Позднее запущен сайт «Светский гуманист», появился электронный журнал «Здравый смысл». В 1996 г. в Новосибирске открылся первый атеистический интернет-проект «Атеистический сайт», или «А-сайт». В 1998 г. создан мощный атеистический интернет-проект «Научный атеизм». В 2000 г. в рамках «А-сайта» возникает молодежный интернет-проект «Новый русский атеизм», учреждено «Московское движение атеистов», или «Атеистическое общество Москвы» (АТОМ). Появилась пока единственная в России юридически зарегистрированная атеистическая организация «Общество атеистов Подмосковья», проведена Институтом физики земли РАН первая антиклерикальная научно-практическая конференция «Наука, религия, атеизм», организовано «Общество атеистов Орловщины». С 2002 г. издается научно-просветительский журнал «Скепсис», в 2000—2001 гг. появилась сеть молодежных интернет-проектов (в том числе брутального, кощунственного содержания) «Voga.net», «Поп-обозрение» и др.

Эти данные свидетельствуют о том, что атеизм как мировоззрение российских людей континуально присутствовал и развивался даже после распада СССР. Пиком этого процесса является 2000 г. Нельзя не согласиться с мнением современных исследователей антирелигиозных движений постсоветского пространства России, что уже сегодня достаточно очевиден факт процесса институционализации «постсоветского атеизма» при помощи создания организационных форм и их легитимации на правовом уровне, «инициирован процесс социализации (участие в международных неправительственных организациях, гражданском форуме и т. д.), происходит поиск идеологии, которая могла бы отвечать

вызовам современности и являлась бы привлекательной как для молодежи, так и для отдельных институтов гражданского общества»¹⁰.

Можно прийти к выводу, что атеистическое мировоззрение и сами атеисты, имея сегодня самые необходимые организационные и институциональные признаки развития, не представляют никакой социальной угрозы для института религии и верующих. На наш взгляд, причины этого — отсутствие масштабных социальных взаимодействий внутри самой макросоциальной группы атеистов; представленные в СМИ оценочные «стигматы», которые условны и бедны по содержанию (подборы К-символа весьма не значительны: «атеист», «безбожник»); слабое присутствие идентификационных кодов (встречается только «партийный» и «научный» атеизм, смысл которого не раскрывается читателю). Возможно, причиной также является то, что современный атеизм как альтернативная форма светского гуманизма пока не отличается признаками института гражданского общества. Атеизм не является популярным явлением среди конформного большинства граждан. Создать сплоченное, организованное и влиятельное общественное движение из дискретных групп атеистов-гуманистов России, не имеющих при этом ни харизматических лидеров (кроме старых вождей революции), ни обновленной программы, тоже пока не удастся.

Через творчество современных писателей можно оценить ту или иную эпоху, уловить сущность духа времени. Приведем небольшой по объему, но достаточно емкий по содержанию песенный отрывок, сочиненный культовым московским акыном (поэтом-импровизатором), «скоморохом-шансонье» П. Короленко¹¹:

«Свято и истинно верую в Бога,
крестик на шее ношу.
Ночью и днем я молюсь ему много,
Вечером в церковь спешу.
Всюду встречаю одних атеистов,
мне их так искренно жаль.
Если я вижу их близко,
В сердце приходит печаль...».

Автор этих поэтических строк подчеркивает наличие уже устоявшегося (институционализированного) порядка вещей, выраженного в религиозных представлениях, эмоциях и

поведении верующего. Он указывает на унылое зрелище повседневности (здесь, вероятно, идет неосознанная подмена понятия «неверующий» на «атеист»), феномен обнаружения повсюду призраков атеизма. Такое положение вещей достаточно ярко характеризует А. А. Зиновьев: «Свобода религии предполагает также свободу от религии, т. е. свободу для нерелигиозной идеологии, включая атеизм, пропаганду атеизма, воспитание атеистических убеждений. В нынешней России фактически для этого нет никаких условий. Хотя формального (юридического) запрета на это нет, на деле созданы такие условия, что активный атеизм фактически не допускается и систематически подавляется и изгоняется из памяти россиян»¹².

Про атеистов забыли, может быть, еще потому, что бывшие коммунисты и партийные работники «отреклись» во времена массовых трансформаций (популяризации идей «плюрализма» и «свободы совести») от своей прежней биографии, заменив ее на противоположную, более приемлемую в контексте политических стратегий и стратегий выживания (социокультурной адаптации). Это заставляло их часто игнорировать дискуссионные темы, в которых разгоралась полемика вокруг оценок советской действительности, а также не участвовать в саморефлексии по поводу собственного атеистического прошлого. Однажды было просто заявлено, что «пришло время вернуться к исконно русским корням и традициям». Ученый справедливо замечает, что «бывшие убежденные атеисты из партийного аппарата и из высокообразованной интеллигенции молниеносно превратились в столь же убежденных верующих и внесли свою лепту в церквостроительство с таким же энтузиазмом, с каким их предшественники в двадцатые и тридцатые годы делали это в церкворазрушительство»¹³.

Атеизм не подвергался общественному остракизму так часто и так усердно, как это происходило с импортными эрзац-религиями и ценностями новых религиозных движений. Истинные приверженцы атеистических убеждений (так называемые «сознательные атеисты») оказались беззащитными перед «разгулом» новых и старых религиозных форм. Серьезных исследований, выявляющих первичные признаки «постсоветского атеизма», не проводилось. «Для легализации своего общественного статуса постсоветский

атеизм выбрал три пути — развитие традиционных форм воинствующего безбожия (необольшевистский атеизм), выражение атеистического мировоззрения через осмысление идей гуманизма и свободомыслия (светский гуманизм) и, наконец, формирование идеологии „нового русского атеизма“ (третий путь). Для всех трех форм постсоветского атеизма в разной степени характерен антиклерикализм. Но развивались эти формы постепенно»¹⁴.

По всей стране восстанавливаются церкви и храмы, на которые церковь, благотворительные организации и частные жертвователи тратят колоссальные средства. В то же время по всей стране все более заметно возмущение неудовлетворительным уровнем и образом жизни российского общества. В результате столь очевидного и повергающего в уныние контраста повседневной реальности в академической среде начинает формироваться протестное движение против распространения религиозного влияния на науку и светское образование.

Дальнейшему развитию концепции гуманизма в современном российском обществе в эпоху глобальных трансформаций может способствовать новое интеллектуальное учение и (или) мировоззрение — гуманистический атеизм. Сегодня его миссия может заключаться не столько в демонстрации противостояния религиозной вере и убеждениям, сколько в интеллектуальной борьбе с суевериями, которые элиминируют человеческое в человеке. Атмосфера в современном обществе такова, что многие неверующие, агностики и атеисты боятся признаваться в этом. Признаться в атеистических убеждениях — значит навлечь на себя общественное порицание. Однако многие люди не осознают, что их мысли и поступки обусловлены именно атеистическим мировоззрением и принципами светской общечеловеческой морали и нравственности. Тем самым процесс консолидации общества остается под вопросом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана по материалам проекта «Ресурсы консолидации российского общества: институциональное измерение», выполняемого по Государственному контракту № 16.740.11.0421 от 26.11.2010 г. в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг.

² См.: Бавин П. Отношение к атеизму и атеистам в России. URL: <http://soreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=533> (дата обращения: 11.05.2012).

³ См.: Атеизм — религия лжи. URL: http://www.kcn.ru/tat_ru/religion/islam/tatarstan/ateizm1.htm (дата обращения: 19.06.2009).

⁴ Фуров В.Г. СССР. Религия и церковь. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 19.05.2012).

⁵ Цит. по: История России. 1917—1940: хрестоматия / сост. В.А. Мазур и др.; под ред. М.Е. Главацкого. URL: http://www.pseudology.org/Documets/Tserkov_iziat.htm (дата обращения: 19.05.2012).

⁶ Религия в СССР. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/676809> (дата обращения: 19.05.2012).

⁷ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями) от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. URL: <http://www.garant.ru/law/71640-001.htm#par20> (дата обращения: 17.05.2012).

⁸ Конституция СССР. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 21.05.2009).

⁹ Конституция Российской Федерации. URL: <http://base.garant.ru/10103000-002.htm#par108> (дата обращения: 11.05.2009).

¹⁰ Журавский А. Генезис и формы постсоветского атеизма в России. URL: <http://religion.russ.ru/discussions/20011210-zguravskiy.html> (дата обращения: 21.05.2012).

¹¹ Настоящее имя — Павел Эдуардович Лион. Он кандидат филологических наук, преподаватель МГУ.

¹² Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Изд-во «Алгоритм», Изд-во «Эксмо», 2008. С. 541.

¹³ Там же. С. 533.

¹⁴ Журавский А. Генезис и формы постсоветского атеизма в России.

Поступила 06.06.12.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РЕГИОНЕ»

Е. В. Мочалов,
заведующий кафедрой философии
для гуманитарных специальностей
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор философских наук, профессор

Становление и развитие этики на кафедре философии для гуманитарных специальностей Национального исследовательского Мордовского государственного университета

Как самостоятельное подразделение кафедры философии создана в 1957 г. Здесь постоянно осуществлялось преподавание истории философии, философии, логики, этики, религиоведения. С 1957 по 1965 г. кафедрой заведовали кандидаты исторических наук М. И. Романов и М. С. Титов, кандидаты философских наук И. М. Мельникова и В. Д. Скворцов; с 1965 по 1982 г. — профессор А. Л. Киселев; с 1982 г. по июль 1987 г. — профессор Р. И. Александрова, с 1987 г. по май 1996 г. — профессор Н. С. Савкин. В связи с общей направленностью деятельности кафедр философии и этики и во исполнение решения Совета университета от 5 мая 1996 г. произошло объединение кафедры философии и этики. Возглавила кафедру профессор Р. И. Александрова. Тогда основу учебного процесса кафедры философии составляли курсы философии (зав. курсом Д. Е. Фролов), этики (зав. курсом М. Д. Мартынова), истории религии (зав. курсом В. М. Борискин).

Самостоятельная кафедра этики создана в университете в 1976 г., которой заведовала профессор Р. И. Александрова. С 1982 по 1987 г. кафедру возглавлял доктор философских наук С. П. Спиридонов, с 1987 г. по май 1996 г. — Р. И. Александрова. В мае 1996 г. кафедра преобразована в курс этики (зав. курсом М. Д. Мартынова).

Процесс, проходивший в рамках реформы высшей школы, обусловил необходимость создания в январе 1998 г. кафедры философии для гуманитарных специальностей. В настоящее время здесь работают 12 преподавателей. Научные интересы кафедры связаны с вопросами человекознания в

контексте достижений российской и мировой этико-философской мысли. Важнейшие исследовательские проблемы коллектива — «М. М. Бахтин и методология современного гуманитарного знания», «Нравственные проблемы социализации молодежи», «Ценностно-оценочный анализ личности (молодежи)», «Русская нравственная философия». Сферами научных интересов сотрудников кафедры являются история русской философии, философская антропология, философия религии, релевантная логика, история западноевропейской философии, социальная философия, философия языка, традиции византизма в русской философии, теоретическая и прикладная этика, философия комического, экологическая этика, философско-этические проблемы образования.

За последние пять лет на кафедре прочитано значительное количество спецкурсов, посвященных этике: основы биоэтики, биоэтика, культура общения, основы этики, этика, Библия как памятник культуры, этические проблемы мировой литературы, этика и культура управления, этика бизнеса, этикет, этика делового общения, философия предпринимательства, этика руководителя, профессиональная этика библиотекаря, политическая этика, профессиональные этические основы социального работника.

Важным шагом на пути к распространению системного этико-философского знания среди студенчества Мордовии стало издание учебника «Этика», которое допущено Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020100 (философия). Инновационный подход к проблеме воспитания молодежи и студенчества предложен в учебном пособии «Школа вожатского мастерства», рекомендованном Экспертно-методическим советом по вопросам кадрового обеспечения государственной молодежной политики при Министерстве образования РФ для использования в работе органов по делам молодежи субъектов РФ, а также в учебном процессе по специальностям и направлениям «социальная работа» и «социальная педагогика».

Педагогическая работа преподавателей кафедры тесно связана с их научной деятельностью, которая ведется по ряду крупных направлений, включающих экологическую этику, духовно-нравственные и религиозные традиции финно-угорских народов, русскую нравственную философию, методо-

логию гуманитарного знания и творчество М. М. Бахтина. С 2000 по 2012 г. регулярно проходила работа аспирантского семинара. В его работе принимали участие аспиранты и преподаватели кафедры философии для гуманитарных специальностей, студенты других факультетов университета. Большинство преподавателей кафедры в различной степени в своих исследованиях затрагивают проблемы русской и мордовской духовной культуры.

Членами кафедры проведены внутривузовские и межвузовские олимпиады по этике и философии. Профессора кафедры проводят большую работу по подготовке аспирантов и соискателей к сдаче кандидатских экзаменов по философии. Впервые аспирантам, специализирующимся по этике, читались курсы «Структура и особенности современного этико-философского знания» и «Социально-философские основы формирования отечественной системы ценностей».

Сотрудники кафедры уделяют много внимания изучению новаций отечественной и зарубежной этической и философской мысли, выступают с докладами на научных конференциях, участвуют в международных и отечественных издательских проектах. Так, с 3 по 20 сентября 2004 г. члены кафедры принимали участие в Международной конференции (круглом столе) «Русская философия в эмиграции», которая проходила в г. Белграде (Сербия), г. Подгорица и г. Милочер (Черногория). В рамках постоянно действующей Международной школы этики установлены контакты с Каунасским гуманитарным факультетом Вильнюсского университета (Литва). Реализован международный проект «Институт современной этики и наук о жизни» университета Северной Каролины и фонда американо-португальских связей. В июле 2005 г. прошел семинар по биоэтике в Лиссабоне.

К числу последних достижений кафедры следует отнести налаживание научного сотрудничества с университетами Белграда и Никшича (Сербия) (отделение и факультеты философии и богословия). Кроме того, установлены профессиональные связи с рядом университетов Италии (Рим, Неаполь) и Германии. В сентябре 2005 г. несколько членов кафедры участвовали в «Ежегодных встречах в Кастенгондольфо» (Италия), в 2006 г. — в работе семинара «Эпоха Возрождения в западноевропейской и русской философии» (Италия).

ЮНЕСКО совместно с Израильской национальной Комиссией по ЮНЕСКО пригласило профессора кафедры А. А. Сычева принять участие в работе семинара по программе «Обучающие курсы для преподавателей этики». Курсы проходили с 26 октября по 8 ноября 2006 г. в Европейском центре высшего образования ЮНЕСКО (CEPES) в г. Бухаресте (Румыния).

Центр разработки учебных программ Центрального Европейского Университета в г. Будапеште пригласил этого же профессора кафедры принять участие в обучающей сессии для преподавателей философии. Сессия является частью проекта по повышению качества учебных программ по философским наукам в системе высшего образования Восточной Европы.

Члены кафедры принимали участие в программе «Открытый мир» по направлению «Женское лидерство». Командировка проходила в Центре лидерства «Открытый мир», Florida Suncoast Friendship Force Club (США, г. Сент-Петербург). Преподаватели кафедры активно участвовали в Международной научной конференции «Проблемы развития личности» (Ереван, 2009), Международной научной конференции «Философия повседневности» (Киев, 2009), научном семинаре «Развитие прикладной (экологической) этики в преподавании высшей школы» (Прага, 2010), научно-практическом семинаре «Религиозная философия и культура» (Милан, 2010). Сотрудниками кафедры выигран международный грант Hesp Reset (2.800.000) «Преподавание экологической этики в социальных и гуманитарных науках» на 3 года. Кафедра продолжает поддерживать постоянные международные связи по выигранному гранту «Институт современной этики и наук о жизни».

Сотрудники кафедры организуют и проводят ежегодные Саранские философские чтения, носящие статус всероссийских конференций, и выездные всероссийские научные школы «Виртуалистики и артеи».

На всех этапах развитие кафедры осуществлялось в тесном взаимодействии с другими кафедрами университетов РФ и зарубежья. Следует отметить, что ее становление и развитие происходило в условиях тесного сотрудничества с учеными института философии РАН, а также Московского государственного университета. Неоценимую помощь в

подготовке научных кадров, издании учебников и пособий оказывали сотрудники кафедры истории русской философии Московского университета (заведующий — профессор М. А. Маслин), директор института философии РАН академик А. А. Гуссейнов, зав. сектором этики Р. Г. Апресян.

Таким образом, кафедра философии для гуманитарных специальностей состоялась как научная и академическая школа в развитии этической мысли региона, как важное звено в системе гуманитарной науки и высшего образования Республики Мордовия.

И. Л. Сиротина,
заведующая кафедрой дизайна и рекламы
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор философских наук, профессор

Этика рекламной деятельности в современной России

Реклама представляет собой динамичный общественный форум, на котором встречаются интересы бизнеса, творчество, нужды потребителей и правительственное правовое регулирование. Несмотря на то, что рекламодатели повсеместно сталкиваются с правовым регулированием рекламной деятельности, невозможно четко определить каждый вопрос или урегулировать каждую претензию, которая может возникнуть при выпуске того или иного обращения к потребителю. Так, вопросы запрета рекламы вино-водочных изделий, казалось бы, давно решены, однако компании-производители известных марок алкоголя пытаются обойти прописанные в законе правила, изобретая все новые «креативные» уловки.

Помимо правовых ограничений речь всегда должна идти об этических соображениях. Реклама убеждает потребителя что-то предпринимать. Таким образом, она становится неobjективной и теряет нейтральность. Действительно, каждому человеку, смотрящему телевизор, непременно посоветуют скушать тот или иной шоколад, выпить газированный напиток, чтобы не засохнуть от жажды, а стиральный порошок нам готовы принести домой. И делают это навязчиво, уверенно, напористо и не всегда добросовестно.

Этика рекламы может рассматриваться как положительное или правильное в процессе осуществления рекламной

функции. Этичной считается деятельность, соответствующая не только законодательству, но и моральным принципам. Хотя этическая сторона скрыто присутствует почти во всех рекламных решениях, об этой теме говорится лишь в немногих учебных материалах о рекламе. В тех немногочисленных материалах, в которых вскользь упоминают об этике, анализ темы обычно ограничен рассмотрением законов, регулирующих рекламу, или этических норм, которыми руководствуются в рекламной практике. Хотя этическая теория рассматривает выполнение законов как базовый (минимальный) уровень любых решений, этическая сторона рекламы выходит далеко за пределы простого выполнения законов. Речь о том, что на современном этапе развития общества при наличии и достаточной известности критериев этичности рекламы, при увеличении количества общественных и юридических организаций, старающихся контролировать рекламу и ее содержание, перейти грань приличия при общении с огромной массой телезрителей, читателей, слушателей и прохожих еще очень просто.

Техника исполнения рекламы тоже может порождать различные этические проблемы. Например, многие потребители боятся, что некоторые виды рекламы действуют на подсознание. Поскольку такие сообщения по определению доносятся до потребителя в обход сознательного и сенсорного восприятия, они часто оказываются не только неэтичными, но и незаконными, поскольку могут манипулировать свободой выбора потребителя. Несмотря на то, что исследования показали неэффективность методов воздействия на подсознание (например, пресловутого 25-го кадра), общественность все равно подозревает рекламодателей в широком использовании такой техники.

Этические вопросы возникают и в случае участия в рекламе знаменитостей. Прославленные спортсмены и артисты могут значительно повлиять на процесс принятия решений о покупке, поэтому были выработаны специальные рекомендации для создания такой рекламы, чтобы сделать ее более этичной. В частности, персонаж рекламы должен сам быть пользователем рекламируемого товара, а сделанные им заявления должны честно отражать его личное мнение. Все заявления персонажа обязаны иметь фактическое подтверждение.

Здесь мы вышли на проблему создания профессионального этического кодекса. Рекламный совет России уже несколько лет формирует Российский рекламный кодекс на базе Международного Кодекса рекламной деятельности Международной торговой палаты (далее — Кодекс) и дополняет его этическими нормами и положениями, учитывающими особенности рынка рекламы и культурно-исторические традиции России. Проект, активно обсуждаемый профессиональным сообществом, содержит 22 статьи и охватывает весь комплекс этических проблем, встающих перед рекламодателями.

Парадокс: как только Кодекс будет принят, он обретет статус нормативного документа, а его нарушение будет приравнено к несоблюдению правовых норм и законов. Сам по себе подобный документ, даже самый совершенный, не сделает отечественную рекламу этичной. Характерный для нашего общества правовой нигилизм может свести на нет все усилия разработчиков Кодекса. Хотя составляющие его этические нормы полезны для создания этичной рекламы, но их одних недостаточно. Коммерческий успех может легко перевесить соображения морали или элементарной порядочности. Примеров, к сожалению, много.

Необходимо учитывать контекст, в котором создается реклама, т. е. существующую в конкретном рекламном агентстве моральную атмосферу. Принимают и реализуют решения по рекламе отдельные специалисты, однако работают они в организации и подчиняются принятым в ней внутренним нормам, практике и процессам. Другими словами, чтобы обеспечить этичную рекламную практику, следует управлять внутренними факторами самих рекламных организаций. Ряд исследований показал, что один из самых существенных факторов создания этического поведения — это восприятие отдельными людьми внутреннего климата или корпоративной культуры организации. Построенная на принципах этики организационная культура помогает членам фирмы развить устойчивые представления о том, каким должно быть правильное поведение. Так создается этика рекламы, выступающая при разработке эффективной рекламы силой скорее положительной, чем сдерживающей. Внутренний климат организации возникает не вдруг. Его постепенно создают работающие в ней люди, и процессом этим можно управлять. Климат фирмы существенно влия-

ет на то, как в ней воспринимаются различные этические проблемы и как решаются этические конфликты. Чтобы влиять на становление организационной культуры, руководство организации должно уделять внимание тому, какие утверждать ценности, какие задачи и цели важны для организации, какие средства использовать для достижения этих целей. Тогда, может быть, наши рекламные агентства станут руководствоваться основным правилом профессиональной этики, выработанным маркетологами США еще в начале XX в.: намеренно не вредить.

А. А. Сычев,
профессор кафедры философии для
гуманитарных специальностей
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор философских наук

Развитие экологической этики в регионе

Экологическая этика — относительно молодая дисциплина. Хотя ее теоретические основания были заложены еще в первой половине XX в. (работы А. Швейцера и О. Леопольда). Как самостоятельная область научного знания она начала оформляться только в последней четверти XX в. Сейчас экологическая этика заняла прочное место в структуре прикладного этического знания (наряду с биоэтикой, деловой этикой, информационной этикой и т. д.). В некоторых отечественных и зарубежных университетах в учебные программы включены курсы, посвященные этико-экологической проблематике в целом и отдельным ее проблемам (загрязнение окружающей среды, сокращение биоразнообразия, изменение климата). Издаются специализированные журналы, появляются новые монографии, статьи и диссертации, посвященные нравственным проблемам природоохранной деятельности.

Продвижению идей экологической этики в России способствовала исследовательская и организационная деятельность А. А. Гусейнова и Р. Г. Апресяна (Институт философии РАН), В. И. Бакштановского и Ю. В. Согомонова (Тюменский НИИ прикладной этики). Заметный вклад в развитие идей экологической этики внесли ученые из научных центров

ближнего зарубежья: В. Е. Борейко (Киев), Н. Васильевне (Вильнюс), Т. В. Мишаткина (Минск) и др.

Большое место в ряду научных центров на постсоветском пространстве занимает Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, в котором к 80-м гг. XX в. сложился коллектив исследователей, рассматривавших широкий спектр этических проблем, в том числе и вопросы нравственного отношения к природе. Вопросы экологической этики здесь начали изучаться системно, в тесной связи с другими экологическими и моральными проблемами.

В 1984 г. издана книга «Экология и мораль», написанная Р. И. Александровой и А. В. Смольяновым. Здесь (впервые в отечественной науке) в системном виде дана информация о взглядах зарубежных экологических философов на моральные вопросы охраны окружающей среды. В книге утверждалось, что для решения экологических проблем необходимо не только выявлять имеющиеся проблемы и предлагать технические пути их решения, но и способствовать выработке нравственного экологического мышления. «То, чем станет природа для человека, каким будет отношение к ней, во многом зависит от общей нравственной позиции личности. Поэтому нравственно-экологическое воспитание предполагает формирование активного морального самосознания, активной жизненной позиции, занимаемой личностью по отношению к природе»¹.

Проблема воспитания была подробно рассмотрена в учебном пособии В. А. Писачкина «Мораль и экологическое воспитание» (1989). Здесь экологическое воспитание рассматривается как важная интегральная часть нравственного воспитания. В пособии описывается экологическая деятельность как сфера моральной регуляции, раскрываются проблемы гуманизации отношения человека к природе, выявляется связь экологического воспитания с гражданской активностью личности. Экологическая этика показана автором в ее системных взаимосвязях: рассмотрена не только этика отношения к окружающей среде, но и нравственно-экологические основания профессиональной этики ученого, журналиста, инженера, госслужащего, педагога².

В 1990 г. опубликована монография В. А. Писачкина «Природа: разум, милосердие». Вопросы экологизации нравственной жизни рассматриваются здесь на трех основных

уровнях (или «экосах», если пользоваться терминологией автора): общепланетарном, государственном и региональном. Особое внимание автор уделил экологическим проблемам республики³.

Ряд работ, раскрывающих те или иные аспекты нравственного отношения к природе, выпущены исследователями, пришедшими к экологической этике из естественных наук. В связи с этим стоит отметить книги и статьи Ю. А. Аладышева, М. А. Якунчева, А. А. Ямашкина и др. В Мордовии был также защищен ряд диссертаций по экологической этике: «Проблема нравственного отношения к природе в марксистской философии» А. В. Смольянова (1982), «Экологическое воспитание как фактор нравственного формирования личности» В. А. Писачкина (1986), «Этические идеи в теоретических разработках Римского клуба» М. Д. Мартыновой (1992), «Американская экологическая этика: традиции и современность» Н. С. Корнилицкой (2007) и др.

В 2007—2010 гг. учеными Национального исследовательского Мордовского государственного университета совместно с Институтом философии РАН, рядом зарубежных университетов и ЮНЕСКО реализован международный проект «Экологическая этика в преподавании социальных и гуманитарных дисциплин» (по гранту HESP-OSI). В рамках проекта для преподавателей этики из стран бывшего Советского Союза проведены три летние школы в Подмоскowie, а также ряд конференций по экологической этике в Саранске, Рузаевке, Вильнюсе и Праге. По результатам этих конференций изданы сборники статей «Экологическая этика» (Новгород, 2010) и «Environmental ethics: the power of ethics for sustainable development» (Вильнюс, 2010). Некоторые методические разработки участников проекта нашли отражение в учебном пособии «Основы экологической этики» (Минск, 2008).

Более чем за тридцать лет исследований в региональной науке сложились определенные традиции изучения этико-экологической проблематики. Теоретические изыскания, проведенные в конце XX в., стали фундаментом организаторской и популяризаторской деятельности 2000-х гг., которая позволила вывести региональную экологическую этику на качественно новый уровень. Сегодня у специалистов по этике, работающих в Мордовии, есть все условия для дальнейшего развития исследований по этой проблематике,

тем более что степень актуальности этико-экологических вопросов не снижается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Александрова Р.И., Смольянов А.В. Экология и мораль (новое в жизни, науке, технике). М., 1984. С. 4.

² Писачкин В.А. Мораль и экологическое воспитание: учеб. пособие. Саранск, 1989. С. 4.

³ Его же. Природа: разум и милосердие. Саранск, 1990. С. 7.

О. С. Пугачев,
профессор кафедры философии и истории
Пензенской государственной
сельскохозяйственной академии,
доктор философских наук

Значение и границы теономной этики

Словосочетание «теономная этика» редко встречается в современной отечественной литературе. Одна из причин — наличие видимых эквивалентов, таких как «религиозная этика», «христианская этика» и т. п. Однако полагаем, что теономная этика имеет ряд специфических признаков, которые позволяют говорить о ней как о реально, предметно обусловленной области мышления и познания, мироощущения, которая тесно сопрягается с двумя родственными ей и питающими ее сферами жизни человеческого духа — религией и философией.

С первой из названных областей теономная этика связана потому, что желает утвердить себя на самой высшей основе, тех принципах человеческого бытия, которые заповеданы божеством и которые покоятся на абсолютных духовных основаниях и, с этой точки зрения, инвариантны, вечны. С другой сферой, философией, теономную этику связывает морально-нравственный аспект ее поисков. Именно поисков, поскольку свод абсолютных заповедей есть данность, тогда как их практическое применение открывает большие и малые проблемы и трудности, где явно необходимо рациональное мышление и свободное исследование всех, в том числе и сакральных сущностей, от которых зависит смысл и значение как общемировой исторической деятельности совокупного человечества, так и индивидуальных, личностных поступков.

Даже эти абрисные определения границ и возможностей теонормной этики вызывают такие вопросы, как «Является ли она богословской или научной дисциплиной?», «Каков ее собственно этический статус?», «Есть ли смысл выделять еще какую-то (в данном случае теонормную этику), если мы уже имеем в наличии те образования, которые уже перекрывают область ее притязаний и компетенции?». Вопросы, разумеется, вовсе не праздные. И не ответив на них, мы не решим и задачи «оправдания» этой области нравственной проблематики.

Предварительно заметим, что теонормность претендует на абсолютность, и это характерно для этических позиций, для которых важны устойчивые, чаще всего императивные по характеру, принципы организации морально-нравственной жизни. Борьба с релятивизмом в морали не мыслится вне системы нравственных абсолютов. Но эти абсолюты могут утверждаться или как априорно данные трансцендентные положения, или как эволюционно сформировавшиеся принципы социально-личностного взаимодействия, направленные либо на регуляцию целого в ущерб единичному, либо на формирование условий свободного действия личности в ущерб обществу, либо на так называемый «срединный путь», имеющий целью достижение гармонии между личностью и обществом. В любом случае нравственные абсолюты (при условии их признания) нуждаются в какой-то высшей санкции для своего бытия, а таковой может быть абсолютная реальность религиозного индифферентизма объективного идеализма или пантеизма и панентеизма.

Казалось бы, положение теонормной этики в обрисованном смысле самое устойчивое и ясное. Во-первых, в связи с тем, что божественные принципы (правила, требования) зафиксированы в письменных текстах, обладающих сакральным характером (Библия, Коран); во-вторых, они религиозны вне всякой критики, поскольку любое сомнение в божественных постулатах, тем более критика, влекут за собой радикальные последствия: еретизм, вероотступничество, атеизм и т. п.

История демонстрирует нам случаи экзегетически дифференцированного подхода к тем или иным сторонам морального контекста вероучения. В крайних позициях это находит выражение в феноменах морального безверия и аморальной веры. С богословской стороны теонормная эти-

ка может рассматриваться как полусветское вторжение в теологическое «святая святых» со стороны философии — как спорадическое образование, несущее в себе, в лучшем случае, оттенок конкретизации функции и предмета религиозной этики.

На наш взгляд, теонормную этику роднит с теологией и отчасти с теософией признание Бога как абсолютно высшего духовного начала и причины бытия. Религия, конституируясь в рамках догматов и обрядовых предписаний, находится в оппозиции свободному рациональному исследованию определенных проблем, возникающих в результате столкновения моральных оценок, норм, предписаний и т. п. с реальностью. В той части мировой данности, в которой мы находимся и атмосферу которой создаем, в том числе и собственными действиями, существование человека, наделенного абсолютной совестью, становится невозможным. Абсолютная совесть, руководствующаяся абсолютными, т. е. божественными, критериями в оценке явлений действительности и в выборе той или иной линии поведения, сталкивается с непреодолимыми препятствиями. Поэтому Христу как Сыну Божию предстояло, чтобы спасти мир, т. е. направить его развитие к божественной ипостаси, умереть. И если бы не было воскресения, то это означало бы конец морали, катастрофу Божьего замысла о человеке.

С этой стороны теонормная этика не может пройти мимо философского вопроса о соотношении абсолютного и относительного, о смысле и цели развития. Среди остро обозначенных вопросов и есть проблема теодицеи. Теонормная этика движется и в русле русского богоискательства и богостроительства. Вполне вероятно, что радикальный воинствующий атеист упрекнет такую этику в искусственности, в стыдливом прикрытии фидеистских мотивов псевдофилософскими (религиозно-философскими) или квазинаучными положениями. Нельзя не признать правомерности и такой постановки вопроса, однако при условии определенных уточнений. Дело в том, что многие нерелигиозные люди испытывают духовный вакуум в пространстве спонтанных, лишенных логики и целесообразности состояний мира, как впрочем, и всего мира. Внезапность космоса как постоянно превосходящей и побеждающей каждое единичное существование силы не может быть принята и оправдана человеком как разумным

существом. Во всяком случае, человечество учится противостоять стихиям и использовать их, обеспечивая тем самым какой-то минимум стабильности, необходимой всякой живой форме бытия. С другой стороны, существует немало фактов, противоречащих антропному принципу в космологии. Создаются все условия для диалога науки и религии как в области познания и объяснения мировых процессов, так и в плане поисков духовных основ жизни цивилизации.

Религиозные и нравственные основы жизни испытывали сильнейшие удары со стороны реального зла, и эти удары не проходили бесследно: теодицея снова становилась актуальной. Так, верующее сознание не могло принять и объяснить факты гибели миллионов людей в период мировых войн XX в., массовую гибель в концентрационных лагерях, геноцид. Так, немецко-американский философ Г. Йонас в докладе «Понятие Бога после Освенцима» дает ответ на глубокие, рожденные Освенцимом, роковые вопросы. Они призывают, подчеркивает Н. П. Козлова, «к осуществлению полноты власти Бога и к нашему отказу от притязаний на абсолютную власть. Этот отказ нам дает возможность быть. „Мне представляется, писал Йонас, что ответ на катастрофу в том, что сам Бог в ней страдает. Так ли это, мы не можем знать достоверно“»¹.

В чем же при этих обстоятельствах смысл теономной этики? Не поглощается ли он уже упоминавшейся теодицеей? А если это так, то не проще ли оставаться на позиции чистого богословия? Иными словами, не возникает ли вновь и вновь необходимость признавать демаркацию между религией и наукой непреодолимой и считать пустыми притязаниями возможность синтеза истины веры и истины разума, как это было, например, в Средние века или у русских славянофилов?

Но философия сама по себе никогда не была сферой, чуждой религиозной проблематике. Более того, она как философия религии давно шла по пути рационального исследования религиозной действительности во всех ее многогранных проявлениях. «Философия религии в широком смысле слова — это совокупность актуальных и потенциальных установок по отношению к религии, концептуализаций ее природы и функций, а также философских обоснований существования божества, философских рассуждений о его

природе и отношении к миру и человеку», — замечает Ю. А. Кимелев².

В узком смысле слова философия религии определяется тем же автором как «эксплицированное автономное философское рассуждение о божестве и о религии, особый тип философствования. Философия религии в узком смысле слова предстает либо как специальная тема, зачастую главенствующая, специальный раздел крупных философских систем, либо как обособившаяся философская дисциплина»³.

Можно ли с этой точки зрения рассматривать теономную этику как составную часть философии религии? Действительно, основания для этого имеются. Например, следует учесть статус этики как философской дисциплины. Этический релятивизм, последовательно проведенный, в своих конечных выводах сводит нравственность и мораль на нет, тогда как позиция, признающая в светской этике наличие неизменных, по крайней мере, устойчивых принципов или элементов, «моральных абсолютов», весьма близка по формальным признакам теономной этике. Здесь возможен и диалог, и позитивное (даже плодотворное) сотрудничество.

Несомненно, контрпозиции могут выявлять существенную дистанцированность друг от друга исторически сложившихся и в дальнейшем ставших стабильными моральных принципов, оценок, норм и того, что богозаконная этика выдвигает в качестве собственных начал: суть дела будет зависеть от того, насколько теонмия связана с теологией, в связи с тем, что последняя может настаивать на тезисе о «принципиальной некомпетентности философии в религиозных делах»⁴. Антитезис, выдвинутый представителем западной философии религии Э. Эдамсом, весьма убедителен и основан на эпистемологическом подходе к предмету: «Даже если есть божественные откровения, истины, не являющиеся продуктом человеческой деятельности, то они все равно в принципе не выходят за пределы наших познавательных возможностей и не обладают иммунитетом по отношению к человеческой критике»⁵.

Но сама ситуация в этическом плане выступает в более сложном виде: с точки зрения теономной (именно богозаконной) этики человек только тогда является человеком, когда он стремится к восстановлению в себе полноты «образа и подобия» Божия. Иными словами, достигает недостижимого,

открывает сверхчеловеческое в себе, а это и есть божественное. Ради этого и смысл земной истории заключается в искании путей к Богу, которые часто объявляются ясными и открытыми, догматически и обрядово данными. Однако чуть ли не в момент своего появления священные тексты потребовали толкования, т. е. перевода на понятный массам язык, сакральное все более отдалялось от профанного, воздвигая между этими мирами стену непостижимого. Таким образом, теономной этике еще надо объяснить, как возможна она сама с ее абсолютными требованиями в мире людей, их мнений, т. е. в мире относительного.

Философия религии не имеет пока четкого определения своего предмета и метода и не представляет собой какую-то единую или единственную систему, поэтому теономная этика — это маргинальное образование, не имеющее возможности когда-либо оформиться в самостоятельную область исследования. Однако дело обстоит гораздо сложнее. Безусловно, сам концепт «теономная этика» будет и в дальнейшем в своем объеме и содержании, в смысловых акцентах подвергаться изменениям со стороны тех философско-религиозных, теологических, этических, научных и иных идейных построений, с которыми он непосредственно и в первую очередь связан. Попробуем это проиллюстрировать на примере. Один из представителей западной философии религии Т. П. Берк рассматривает религию в аспекте первичности мировоззренческой позиции по отношению к фактам. Иными словами, религия выражает интерес человека к тому, что для него наиболее важно. В этом смысле она столь же идеологична, как и другие сферы человеческого знания⁶.

Согласно Берку, существует принципиальное различие между «фактическими» высказываниями и высказываниями «важными». Первые только указывают на объективное положение дел, вторые — на значимость для нас того или иного факта. Мировоззрение становится религиозным тогда, когда оно направляется на «важное» — смысл и цель человеческого бытия, жизнь и смерть, высшее существо. Берк дает три варианта возможных ответов религий на вопрос о цели и смысле жизни: смысла нет, идеальная цель недостижима; смысл возможен, но как нечто заданное самим человеком, возможно и достижение идеального состояния;

смысл существует и достижение идеальной цели существования обеспечено божеством.

Важно отметить, что в классификации религий этот исследователь по критерию постановки фундаментальной проблемы жизни в религиях также выделяет триаду: первобытные и китайские религии видят ее в отношении «человек — природа»; индийские религии (буддизм, индуизм, джайнизм) — в страдании; семитские (иудаизм, христианство, ислам, а также зороастризм) — в несправедливости. Эти последние характеризуются Берком как «этические».

Что дает нам приведенный фрагмент исследования? Он демонстрирует внутреннюю основу теономной этики. Этика, имея пронизывающую все сферы человеческого бытия структуру, главенствует. Поскольку здесь она теономна, то при описательном подходе к религии как с точки зрения эпистемологического анализа ее фактуальной когнитивности, так и в прагматико-мировоззренческом аспекте она выступает не только как необходимый и неизбежный компонент максимально объективированных построений, но и как лейтмотив всей вопрошающе-волнующей сферы. Вспомним, например, классические установки кантовских вопрошаний: они столь же онтологичны, сколь и антропны. Это относится и к философии религии Гегеля, хотя степень выявленности, акцентированности вопросов к Абсолюту, конечно, иная. Таким образом, здесь мы наблюдаем теономную этику в пределах, составляющих ее родную стихию, где говорить о маргинальности не приходится.

Теономная этика содержит свой предмет в весьма широких границах — от стыдливого признания правомерности постановки проблемы присутствия в мире божественного закона, определяющего моральную жизнь конкретных людей в конкретное историческое время и робких, избегающих афишизации, поисков основ духовности до философско-религиозных и философско-теологических построений, в крайнем случае, в виде объективного философско-этического исследования религиозно-ориентированных концепций, объясняющих цель и смысл человеческого и космического бытия. Широкий спектр предметной зоны определяет и плюрализм теономно-этических конструкций, которые потенциально могут завершиться синтетическим монизмом в еще до конца не выявленной исследовательской перспективе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Козлова Н.П. Этика ответственности в условиях современной цивилизации. Пенза, 2006. С. 51—52.

² Кимелев Ю.А. Современная западная философия религии. М.: Мысль, 1989. С. 4.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Цит. по: Кимелев Ю.А. Современная западная философия религии. С. 63.

⁶ Там же. С. 97.

В. П. Фурманова,
профессор кафедры немецкой филологии
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Этическое знание в современной гуманитарной парадигме российского общества

В современном гуманитарном знании важным аспектом исследования нравственной культуры человеческой личности является вопрос о социально-психологическом проявлении этики в качестве стереотипического, общественного, социального феномена. Раскрытию этой проблемы будет способствовать рассмотрение феномена морали и этики в нескольких направлениях: мораль и нравственность как универсальные показатели духовной составляющей человеческой жизнедеятельности; нравственность — доминирующая категория в структуре человеческого характера; особенности моральной парадигмы бытия человека проявляются в гендерных показателях социальной дифференциации; специфика возрастного проявления феномена нравственности как неизменного показателя психической и моральной жизни человека.

Исходя из указанных положений, для того чтобы наиболее четко и последовательно рассмотреть феномен лжи, следует выявить нравственно-психологические аспекты обмана. К этой проблематике на разных этапах развития историко-философского знания, этики и психологии обращались отечественные (А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян, А. И. Титаренко и т. д.) и западные (З. Фрейд, А. Адлер, Э. Фромм, К. Юнг, В. Франкл, К. Хорни и т. д.) исследователи.

С точки зрения философско-мировоззренческих позиций и этической культуры нельзя обойти вниманием значимость преподавания гуманитарного знания в высшей школе, так как

на него возлагается обязанность формирования целостного мировоззрения. В современной ситуации весьма актуально выяснение этической и мировоззренческой составляющих современного гуманитарного знания (определение сущности экономического сознания и его аксиологической составляющей, обоснование этико-мировоззренческой основы нравственной культуры общества и человека, количественное выявление системы ценностей будущих профессий специалиста).

Необходимо активное включение отечественного духовного наследия в процесс образовательно-воспитательных мероприятий современной структуры гражданского просвещения. Особо важной в современных глобализационных, диффузионных тенденциях культуры и дезинтеграционных процессах общества является обращение к русской этической парадигме социализации молодежи. Духовная культура прошлого и сегодня оказывает значительное воздействие на духовно-нравственное, интеллектуальное, эстетическое развитие учащихся. По замечанию Д. С. Лихачева, «обращение к культуре прошлого — это не измена своей культуре, а дополнение и обогащение ее. Понять современную эпоху, ее значение можно только на огромном фоне»¹.

Отличительной особенностью отечественной культуры воспитания была ее гуманитарная направленность, ее «человечность». Эта традиция своими истоками уходит в эпоху становления русской духовной культуры. Во многом благодаря трансляционному посредству южнославянской культуры в Россию пришла уникальная система европейской образованности, философия, этика и т. д.

Представители духовной элиты российского общества всегда исходили из того, что ориентация на прагматические ценности не способствует стабильному развитию нравственности личности, и опирались на исконные духовные традиции отечественной культуры. Традиция является одним из способов реализации процесса социального наследования опыта предыдущих поколений, который проявляется в предметной и языковой формах деятельности, ценностях культуры и цивилизации и т. д. Этическая традиция заключается в том, что она не только передает опыт новым поколениям, но и предупреждает об ошибках.

Верной представляется та позиция, согласно которой индивидуальное пространство человеческой деятельности завершается там, где начинается индивидуальное пространство другого человека. Он, столкнувшись с перипетиями социальных деструкций и катаклизмов, либо обращается к нравственным идеалам, либо отказывается от них, повинуясь ложным ценностям и ориентациям.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Лихачев Д.С. Наше наследие // Рос. газ. 1995. 17 окт. С. 3.

М. Ю. Грыжанкова,
профессор кафедры философии для
гуманитарных специальностей
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор философских наук

Ценностные ориентации и проблема культурной идентичности

В условиях постепенного преодоления Россией духовной и нравственной опустошенности становится очевидным, что концепция, не утверждающая за человеком никаких нравственных констант, лишает его бытие абсолютного нравственного смысла. Без присутствия в жизни высшего и священного начала человеческого существование становится унижением и пошлостью. Проблема культурной идентичности актуальна в российской и зарубежной гуманитарной науке. Суть культурной идентичности заключается в осознанном принятии человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций, а также в понимании своего «я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества¹.

Духовная культура вплетена в систему деятельности как ценностно-ориентированное знание. Поставленные разумом личностные цели, а также достигнутые результаты ценностно значимы. Поэтому содержательное определение духовной культуры включает в первую очередь ценностное отношение к целям, средствам и результатам деятельности. Ценностные измерения являются важнейшей предпосылкой выявления значимости ценностных ориентаций в системе

духовной культуры общества. Поэтому соотношение понятий «культура» и «ценность» стало устойчивой традицией, поскольку ценностные измерения выражают сущность ценностных ориентаций. Следует учитывать, какой именно аспект при этом выявляется. Оптимально рассматривать ценностные ориентации личности с конкретно-исторических событий, обеспечивая сравнение реальных исторических явлений. Причем в основе такого исторического сопоставления лежат социальные, национальные и общечеловеческие интересы. Именно в сфере духовной культуры с позиций культурно-исторического подхода обнаруживается в полной мере «историческая» природа ценностей и оценок.

Ценностные ориентации выступают в качестве значимого компонента регуляции ценностно-познавательных ориентаций, поддерживающих специфическую определенность и относительную устойчивость культурно-исторического типа и поведения личности. При этом заметим, что мир ценностей не является системой изначально заданных, вечных идеалов и норм, хотя и содержит в себе общечеловеческое, абсолютное начало.

Печально, что современная культура перестала быть формой общественного и национального самосознания, памятью. Идеи культуры или верования² призваны помочь человеку в его мировоззренческой ориентации, в создании идеального образа преображенной реальности. Псевдоидеи отчуждают реальность, формируют ложные мотивации, порождая виртуализованную антикультуру, своего рода духовную подмену — симулякр.

Важнейшей мировоззренческой доминантой культуры являются ценности, утверждающие область положительно значимого и выступающие в качестве экзистенциальных ориентиров для человеческой мысли и воли. Система ценностей обозначает то, что переживается как священное. Она указывает человеку на смысл и цель его существования, полагая сферу должного в противовес наличной фактичности. Первой (возможно, единственной) программой радикальной переоценки ценностей стало христианство. Все последующие проекты такой переоценки представляют собой попытки повторить (или воспроизвести) этот изначально образцовый пример. Приверженность православной системе ценностей составила основание историко-культурного феномена «русскости» и

предопределила уникальность Руси в семье других народов. Основой христианской аксиологии выступает идеал богоуподобления. Понятие религиозности И. А. Ильин определял как стремление к совершенству. Утрата христианской православной ценностной ориентации оказалась разрушительной и для личности, переставшей сознавать смысл существования, и для общества, ввергаемого в состояние хаоса.

В последние десятилетия в результате стремительного размывания духовных составляющих проблема культурной идентичности приобрела исключительную актуальность. Процессы дезинтеграции, индивидуализации общества, приводящие к неопределенности, неуверенности в завтрашнем дне, связываются с утратой целостных представлений об обществе и путях его развития. Отказ от общественных идеалов, идейных концепций в политической и общественной жизни не приводит к их исчезновению, а отсутствие продуманных и осознанных взглядов нередко подменяется готовыми представлениями и приводит к заполнению идеологического вакуума идеями, часто радикально-революционными, дестабилизирующими общество. Как показала история, прямой перенос существующих моделей (без учета специфики культурно-исторического развития) ведет часто к негативному результату.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Воронина Н.И. Города и люди: культурная идентичность. Саранск, 2008. С. 6.

² См.: Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 464—465.

Ю. В. Кузнецова,
доцент кафедры культурологии,
этнокультуры и театрального искусства
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
кандидат философских наук

Основные принципы теории сновидений в индивидуальной психологии А. Адлера

Со времени возникновения психоанализа нет ни одного значительного психотерапевтического направления, в котором бы не работали со сновидениями. Индивидуальная

психология А. Адлера не является исключением. Он пересмотрел психоаналитическую теорию сновидений З. Фрейда и внес в нее кардинальные изменения, касающиеся новых контекстов, сквозь призму которых он предлагал рассматривать символику сновидений. Представляется возможным выделить ряд ключевых моментов адлеровской теории сновидений:

— *помещение символов и образов сновидения в контекст будущего.* В отличие от З. Фрейда, который источником сновидений считал актуальные конфликты и прошлые впечатления, А. Адлер подчеркивал предвосхищающую, предвидящую функцию сновидения, направляющую действия индивида. «Она свидетельствует о подготовительной работе спящего в связи с его актуальным затруднением, которая соответствует линии жизни индивида, но не здравому смыслу, и всегда имеет своей целью самозащиту»¹. В сновидении, по его мнению, можно увидеть бессознательный шаг в реализации цели, жизненный план, в соответствии с которым человек стремится справиться с адаптацией к жизни, сохранив чувство уверенности в себе. Во сне человек как бы готовится справиться с будущими трудными ситуациями, пытается найти средства выхода из них. Таким образом, сновидение — это не индикатор проблемы (бессознательного конфликта), а попытка ее решить, подобие «виртуальной репетиции»;

— *интерпретация сновидения в социальном контексте.* В индивидуальной психологии А. Адлер ставил на первый план социальные потребности, среди которых придавал наибольшее значение потребности в обретении власти и социального статуса. Это не могло не отразиться на его теории сновидений. «То, к чему индивид, в сущности, стремится в силу своего бессознательного личностного идеала, — это господство над своим окружением, что находит отражение во снах»². Так, если З. Фрейд часто трактовал падение, полет как символизацию полового акта, то А. Адлер рассматривал эту символику сквозь призму теории компенсации. Он показал, что полет может означать желание поднять свой статус, а падение — символическое представление чувства превосходства либо утраты ощущения собственной значимости. Н. Ф. Калина И. Г. Тимощук пишут, что «Адлер... не давал своим пациентам ни малейшей поправки, посто-

янно лоя их на грандиозных желаниях и честолюбивых помыслах»³;

— *индивидуализация характера символики сновидений*. А. Адлер подчеркивал необходимость индивидуальной трактовки образов сновидения, исходя из особенностей конкретного человека: его личной истории, чувств, мотивов, событий и пр. «Мы не можем объяснить сновидения, не зная их взаимосвязи с другими частями личности. Мы также не можем установить жесткие правила интерпретации сновидений... Имеет значение лишь такая интерпретация сновидения, которая может быть увязана с поведением индивида в целом, его ранними воспоминаниями, проблемами и т. п.»⁴. Образы часто заимствуются из детства сновидца, поскольку именно тогда произошло символическое запоминание значимых для него жизненных ситуаций. А. Адлер использовал анализ сновидений в качестве одного из важнейших инструментов постижения глубинного уровня личности, с помощью которого возможно ослабление преувеличенного чувства неполноценности, повышение социального интереса, исправление ошибок мышления или ошибочной логики, включенных в жизненный стиль. Психология А. Адлера подчеркивает значение сознания и познания, ответственности, смыслов и ценностей. «Она оптимистична, поскольку считает человека создателем и хозяином своей души, пронизана верой в его способность к преодолению препятствий»⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: «Прогресс», 1995. С. 202.

² Там же. С. 215.

³ Калина Н.Ф., Тимошук И.Г. Основы юнгианского анализа сновидений. М.: «Рефл-бук», 1997. С. 38.

⁴ Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. С. 262—263.

⁵ Паттерсон С., Уоткинс Э. Теории психотерапии. СПб.: «Питер», 2003. С. 44.

А. П. Скрипник,
профессор кафедры философии и истории
Саровского физико-технического
института, филиала Национального
исследовательского университета МИФИ,
доктор философских наук

Через моральную ответственность к свободе воли?

Социальное пространство неоднородно во многих отношениях. Из их множества мы хотели бы выделить для анализа два: отношения свободы и ответственности. Различные регионы и социальные ниши значительно отличаются друг от друга по некоторым средним характеристикам свободы, которой обладает личность, находящаяся в этом пространстве и ответственности, которую она несет. Проблема заключается в том, совпадают или нет между собой зоны свободы и ответственности. Это давняя и запутанная проблема. В противовес классической традиции, если не отождествляющей, то тесно ассоциирующей свободу и ответственность, мы склонны дать отрицательный ответ на поставленный вопрос и обосновать свое решение.

По способности провоцировать ожесточенные дискуссии редкое понятие может соперничать с понятием «свобода воли». Споры о том, совместима ли свобода человеческой воли с детерминизмом, всеобщей причинной обусловленностью явлений, вспыхивают с новой силой едва ли не при всяком изменении научной картины мира. По сей день многочисленны и плотны ряды «компатибилистов», признающих совместимость свободы и детерминизма, и «инкомпатибилистов», отрицающих ее. Их противостояние неизменно возвращается к одному ключевому моменту в понимании статуса свободы воли. Он касается отношения между свободой воли и ответственностью.

Согласно традиционным философским представлениям, человек несет ответственность за свои действия, потому что он обладает свободой воли, т. е. способен активно вмешиваться в ход природных и социальных процессов, делать сознательный выбор, целенаправленно и осмысленно строить свою жизнь. Происхождение свободы воли трактуется при этом либо как непосредственный и изначальный дар Божий, либо как филогенетическое и онтогенетическое приобрете-

ние, которое не зависит от нравственных связей. Ключевым в классической традиции выступает определение, данное в 1588 г. испанским иезуитом Л. де Молина. Согласно его определению, свобода воли — способность действующего лица, когда есть все, необходимое для действия: или совершать, или не совершать его. Английский позитивист Дж. Э. Мур в 1912 г. дополнил это определение понятием «решение». Человек обладает свободой воли, если он способен принять иное решение, нежели то, которое им было принято фактически.

В рамках традиции связь ответственности со свободой воли выражается формулой «Действующий субъект А ответственен за действие Н, если он мог совершить иное действие, чем Н». Это положение принято называть «принципом альтернативной возможности». Такое понимание связи между ответственностью и свободой основано на той концепции свободы воли, которая получила название «Сад расходящихся тропок». Многие современные философы-инкомпатибилисты (П. ван Инваген, Р. Кейн, Т. О'Коннор и др.) признают, что для моральной ответственности необходима свобода воли, соответствующая этой концепции. Но их противники, компатибилисты, считают, что такая свобода воли не требуется для того, чтобы человек нес моральную ответственность за свои действия. Как указывает Г. Франкфурт, ссылаясь на искусственно сконструированные им ситуации («примеры в стиле Франкфурта»), человек морально ответственен и тогда, когда он не может поступить иначе. Д. Деннет добавляет к этому, что свобода «сада расходящихся тропок» — вовсе не та свобода, которая для человека «достойна желаний». С точки зрения этих авторов, главной в свободе воли является способность контролировать свои действия, быть последним и решающим их источником. Историческое заявление М. Лютера «На том стою и не могу иначе», несмотря на прямое свидетельство об отсутствии альтернативной возможности, является выражением ответственного отношения к своему поведению. Свобода воли как способность контроля исторически развивается, и отношение между нею и моральной ответственностью, по убеждению компатибилистов, подлежит ревизии.

Современная отечественная этика, опираясь на философию поступка М. М. Бахтина, также призывает пересмотреть

традиционное толкование проблемы, не выводить ответственность из свободы воли и объяснять наличие свободы воли реальной связью с ответственностью.

Н. Л. Новикова,
заведующая кафедрой иностранных языков
для гуманитарных специальностей
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор философских наук

Массовая коммуникация и современная молодежь¹

Процесс глобализации затронул все стороны жизни, определяя не только динамику развития современного мира, но и возрастающую роль информационно-коммуникативных потоков и современных СМИ. В последнее десятилетие усилилось внимание к культурной ауре различных пространств, особенно информационного.

В современной культуре визуальное превалирует над словесным, формальное отступает перед повседневным. Главным вопросом становится не смысловое наполнение культуры, а сфера ее воздействия, когда подсознательное превалирует над сознательным. Влияние происходит через погружение потребителя, через стимулирование эмоциональной потребности в культурном продукте. В качестве примера можно привести прессу. Поскольку современная молодежь не хочет читать длинные аналитические рассуждения, словесная информация должна быть короткой с одновременным визуальным представлением и воздействием на эмоциональную сущность молодого читателя.

Говоря о порабощающем воздействии СМИ, следует признать, что они формируют вкус, склонности, язык молодых людей. Но, выступая коммуникативной единицей культуры, язык не является механическим придатком какой-либо культуры, его универсальность позволяет человеку осуществлять внутрикультурное и межкультурное общение. Важным в данном случае представляется анализ проблемы взаимодействия письменного и устного видов речи, формирования различных жанров и видов массовой информации. Основным критерием речевой культуры мы рассматриваем единство стилистики и коммуникативной целесообразности.

Условия для адекватной ориентировки говорящего в определенной ситуации общения создает культура мышления и позволяет ему применять законы правильного мышления для эффективного воздействия на собеседника. Она определяется высоким уровнем сформированности основных его характеристик: самостоятельности, продуктивности, гибкости, критичности, логичности. Последняя наиболее тесно связана с речью и является предпосылкой построения логически правильного высказывания. Современный молодой человек использует все находящиеся в его распоряжении средства. Разговорный язык выступает воплощенным на практике обычаем и, подобно всем остальным обычаям, не зарождается в самом человеке, а навязан ему окружением.

Своеобразие журнальной коммуникации заключается в том, чтобы, исходя из потребностей социума, выбрать наилучшие языковые средства воздействия на молодого читателя. В современном мире потребность в поиске более совершенных и эффективных форм общения удовлетворяет иноязычная лексика, тем более что пространство современного русского языка позволяет в повседневной жизни осуществить выбор между исконно русской и относительно недавно заимствованной лексикой. Частотность употребления заимствований в прессе значительна. В силу своего «особого звучания» иноязычная лексика часто воспринимается носителями русского языка как более экспрессивное средство выражения, вносит элемент разнообразия и неожиданности в текст, формируя различного вида оценки у молодого читателя. Нужен лишь критерий целесообразности словоупотребления, чтобы стремление к красоте не исключало адекватности, способствовало этичному отношению к родному языку.

Таким образом, язык как коммуникативный инструмент — сложнейший феномен культурной традиции. Язык «прослушивается» и «приглядывается» к телесным практикам, движениям, поворотам в языковой среде, отслеживая события возникновения новых смыслов. Уважительное отношение к языку дает возможность современной молодежи научиться использовать его смыслы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 11-03-0040 а.

А. А. Гагаев,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Рузаевского института машиностроения
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор философских наук, профессор
П. А. Гагаев,
доктор педагогических наук, профессор

Этические аспекты феномена здравого смысла

I. Повседневно-обыденное определение здравого смысла.

1. Здоровое, правильное, нормальное мышление психически и физически здоровых людей в повседневности и обыденности.

Здравый смысл как физиологический орган мозга логически основан на модели причинно-следственной связи, отношении совместимости, выводимости, следования, аксиоме логической последовательности мышления (отношение совместимости, выводимости, следования; основание-следствие; общее; модель развития; утверждают основания — утверждают следствия, отрицают следствия — отрицают основания; правила силлогизма; модели тождества; телеология; цикличность; проверка и корректировка на практике).

2. Практическое мышление в повседневности и обыденности, средний интеллект.

3. Специализированный здравый смысл в профессиях.

4. Здравый смысл есть реалистическое мировоззрение, материализм.

5. Акт рассудка, разделения; фиксирования эквивалентностей, чувственных репрезентаций; акт экстенсивный, локальный, консервативный, этнокультурный.

II. Общая модель здравого смысла:

$$3Ca(не-a) = SK(IL \frac{Br \wedge Tr \wedge N}{Mr \wedge Pr \wedge J}) \Sigma X(не x),$$

$$K = \Phi IO SpA,$$

где 3С — здравый смысл в человеке а или его отсутствие (не-а); человек — вид Homo sapiens, Homo debilis, раса, этнос; S — этнокультурная форма знания, модель общей

и частной социальной справедливости; *K* — здравый смысл как обосновывающая процедура в самосознании и дидактика (авторитет, дисциплина, быстрота, надежность, наслаждение, пример, наставление, подражание, упражнение, продолжение, повторение).

$II. \frac{Br \wedge Tr \wedge N}{Mr \wedge Pr \wedge J}$ — здравый смысл как физиологический

орган мозга, суперпозиция высших психических функций, функция адаптации к среде в изменяющихся и неповторяющихся условиях, контролирующая эмерджентная система мозга, которая на эссенциально-субстратной основе определяет семантику, из которой вытекает синтаксис рассуждений. *I* — система рефлексов, определяющая систему высших психических функций, функций адаптации к изменяющимся условиям пространства-времени; *L* — высшие психические функции и функции адаптации; *Br* — божественный разум; *Tr* — теоретический разум; объективный вывод, логика открытия, ретросказания и предсказания; *N* — личный стиль мышления; *Mr* — мистический разум, фортуна; *Pr* — практический разум; практический силлогизм; *J* — жажда самоактуализации, творчество.

X(не-X) — реальные люди с мерой реального смысла и его отсутствия в социальных ролях (семейная, политическая, профессиональная, религиозная, этнорасовая) и моделях личности.

He-X — мышление вида *Homo debilis* и патологическое здоровое мышление, патологический здравый смысл патологии нормальности в условиях выживания и конкуренции в рынке и демократии, маргинальных средах, формах ролей (семейной, политической, религиозной, профессиональной, этнорасово-культурной).

Ф — функционально-профессиональные знания и профессиональная здравая воля.

I — классические формы истины и реалистическое научное мировоззрение, определение значимости, значений, смысла, бессмысленности, смысла бесовского характера.

O — образованность и воспитанность в традиции, мера коллективизма и индивидуализма, количественный и качественный здравый смысл.

Sp — спасительное знание в форме здоровой веры св. Августина, св. А. Кентерберийского, П. Абеляра, Т. Мюн-

цера, Ж. Кальвина, Ч. Пирса, У. Джемса, св. Аввакума, св. Т. Задонского: а) верить, чтобы понимать (св. Августин, св. А. Кентерберийский); б) понимать, чтобы верить (П. Абеляр, Т. Мюнцер); в) верить, чтобы любить (Ж. Кальвин); г) слушать и исполнять то, что говорит Господь, и не слушать и не исполнять то, кто бы не утверждал, что противоречит заповедям Господа и учениям Отца и Сына (св. Т. Задонский); д) верить Иисусу Христу по истине, неизменно и разумно; е) верить, конструируя кондициональные условия реальности и осуществляя то, во что веришь (Ч. Пирс, У. Джемс). Условия: необходимое, достаточное, развитие, граничное, начальное.

A — антропологическое открывающее знание, личный опыт и собственный ум, способность свободно принимать решение.

1. Личный опыт и ум; опытность своя, а не чужая; личные логики открытия.

2. Необходимая алиенативность и конформность.

3. Логический процесс суждений съяд вада и из средних аксиом, объективный вывод в пространстве-времени, ситуации.

4. Традиция и развитие.

5.1. Мера самоорганизации и внешней регуляции, индикативный закон.

5.2. Идентификация и идентичность, иерархия и способность принятия решения.

5.3. Телеология целей и средств (расширенное воспроизводство расы и этноса, семьи в своем месторазвитии).

5.4. Естественная цикличность. Терпение и право на вооруженное сопротивление при угрозе жизни, расы, семьи.

5.5. Антиномия ненасильственного действия, контроль эффективности действия (афферентный синтез, акцептор действия, решение, действие, эфферентный синтез).

Σ — логический процесс: а) отношение пересечения рефлексий: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурно-функциональной и функционально-структурной в форме субстратной рефлексии; семантика, которая определяет синтаксис, но не наоборот, и на этой основе — отношение совместимости, выводимости, следования; б) суждения съяд вада; в) суждение из средних аксиом, но не всеобщих аксиом и уникальности; г) объективный вывод и вероятностный

вывод в единстве с моральным и эстетическим суждением в заинтересованной форме познания; ретросказание и предсказание, гипотезы и их проверка; логика открытия в ситуациях; д) антиномичный тип логики.

Здравый смысл — не единство всеобщего и единичного, как полагает Г. Ф. В. Гегель, а единство всеобщего, общего, конкретно-абстрактного, единичного и уникального. «Разумность состоит во взаимопроникающем единстве всеобщности и единичности»¹. Как раз нарушением здравого смысла будет сосредоточение на всеобщем, единичном, их связи, формуле «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно»².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Немецкая классическая философия. Право и свобода. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. Т. 1. С. 538.

² Там же. С. 314.

Н. Г. Юрченкова,
заведующая кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Российской правовой академии
(Саранский филиал) Минюста России,
доктор философских наук, профессор

Мордовский национальный эпос в основе формирования нравственной культуры¹

Освоение ценностей традиционной национальной культуры приобретает особое социальное значение. Уникальными средствами передачи духовно-ценностного опыта предшествующих поколений обладает фольклор, являющийся отражением мировоззрения и психологии. Поэтому содержание фольклора вобрало в себя накопленное веками «житейское уменье» жить в мире и согласии с собой и окружающими. Благодаря этому у фольклора появилась способность к нравственному очищению, которое является залогом и необходимым условием для духовного и физического здоровья человека.

Мордовский фольклор представляет нам полную палитру общечеловеческих и общественных ценностей. В его рамках интернациональное уживается с национальным. Ярким примером этого является мордовский национальный эпос —

своеобразная энциклопедия жизни общества с глубокими этическими традициями, хотя этические нормы еще не сформулированы с той четкостью и категоричностью, какая присуща библейским заповедям.

Эпос формулирует основные постулаты этики, в центре которой находится человек:

Птица — хозяйка в воздухе,
Рыба — в воде...
Ты, человек, — хозяин везде.
Богу один ты подобен на свете,
Поэтому ты и за все в ответе².

Высказывается мысль, совпадающая с суждениями софиста Протагора о том, что «человек — мера всех вещей»³. Однако в эпосе трактовка подобного подхода несколько иная. Человек обладает более сильным разумом, чем птица или зверь, и поэтому «должен учиться с младенческих дней». Человеку «все взятое надо сторицей отдать»: «Доброе дело познав, не молчи — / Этому делу других научи»⁴. Эпос провозглашает: «Нам дарована жизнь, чтоб добро творить»⁵.

Одним из основных этических постулатов, часто подчеркиваемых в мордовском национальном эпосе, является совпадение понимания добра и продолжения рода, которое связывается с понятием блага, вбирающем то, что полезно людям. Именно поэтому эпос провозглашает семейные ценности основой жизни. Семья — «опора и радость жизни». В эпосе неоднократно говорится о создании семьи, выборе невесты, рождении детей и их воспитании. Причем главным в воспитании считалось воспитание любви к труду, поскольку «людей за дела уважают и чтут»⁶. «В работе любой надо толк разуметь — / Все вовремя сделать ты должен успеть»⁷.

Для мордовского национального эпоса характерна поэтизация труда и быта. А. И. Маскаев писал по этому поводу: «Песни любой сюжетной группы представляют собой очень богатое в поэтическом отношении воплощение целого энциклопедического комплекса жизни мордовской деревни»⁸. Мордовский национальный эпос выдвигает концепцию труда, выступающую основным конструктивным элементом эпической модели мира. Он пронизан идеей почитания труда.

Аксиология мордовского народа, отраженная в эпосе, включает в себя осознание важности умения вести перегово-

ры, иметь коммуникативные способности. «Природотворяющая сила человеческого — обмен деятельностью, межиндивидуальное взаимодействие, коммуникация, интеракция, позволяющие определять человека как существо общественное, общительное, общающееся»⁹. Одним из главных средств благополучного существования в мордовском эпосе является поддержание с людьми дружеских отношений. Несомненные ценности в эпосе — согласие, лад, дружба, взаимопомощь.

Однако мордовский национальный эпос не ограничивается только положительным, не создает этического идеала. Он констатирует: «Безобразного... на земле еще, увы, немало»¹⁰. Эпос отмечает и негативное, формируя к нему отрицательное отношение. При этом, как и в случае положительного, в центре внимания оказывается человек. Он существо дуальное, способное и на добро, и на зло. Мордовский национальный эпос, подчеркивая народные ценности и противопоставляя им зло, считает абсолютным злом плохого человека. Эпос выражает выработанную веками этику, которая в качестве негативных свойств выделяет гордость, трусость, предательство и т. п. Гордость представлена в эпосе в образе Дамая, который «богат и славен» и поэтому не кланяется Богу. С точки зрения народа, это смягчает грех гордыни, однако эпос предупреждает:

Гордый хвост не поднимай без дела —
Можешь ты того хвоста лишиться;
Далеко свои протянешь руки —
Можешь запросто без рук остаться¹¹.

Самым страшным человеческим грехом мордовский эпос называет трусость. Зло должно быть наказано, в мордовском эпосе неизбежность наказания представлена ситуацией с Кужендеем, который всех убьет, кто слово против скажет¹². Причем орудием воздаяния за зло в эпосе выступают не божественные силы, а люди. Подобная казнь за злодеяния в какой-то мере характерна для традиционных обществ, переживающих стадию транзита. Достаточно вспомнить аналогичное наказание, избранное древлянами для киевского князя Игоря и описанное в «Повести временных лет».

Таким образом, в процессе исторического развития каждый народ создает собственную систему культурных ценностей, которые используются его членами для выражения

своего этнического сознания и которая находит отражение в его устно-поэтическом творчестве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 11-11-13005 а/В.

² НА НИИГН. Л-754. Л. 183—184.

³ См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 375.

⁴ НА НИИГН. Л-754. Л. 184.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 185.

⁷ Там же. Л. 186.

⁸ Маскаев А.И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 267.

⁹ Ильин В.В. Аксиология. М., 2005. С. 23.

¹⁰ НА НИИГН. Л-755. Л. 148.

¹¹ Там же. Л. 129.

¹² Там же. Л. 152.

**П. Е. ЕЖОВ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ПРАВОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ**

Ключевые слова: институционализация, социально-экологическая деятельность, экологическая безопасность, экологический мониторинг, экологическая экспертиза

Key words: institutionalisation, social and economic activity, environmental safety, ecological monitoring, ecological expertise

Особую актуальность сегодня приобретает целесообразное взаимодействие человека, общества и природы, осуществляемое с учетом закономерного развития природных систем для создания благоприятной естественной среды жизни человеческого общества. Рациональное природопользование и охрана окружающей среды — одна из главных основополагающих функций современного государства. Однако большое значение имеет региональный аспект.

Рассмотрение этого вопроса возможно в контексте концепции социального действия М. Вебера, который считает действие социальным по своему смыслу тогда, когда оно ориентировано на поведение других¹. Дальнейшее развитие концепция социального действия получила у Т. Парсонса, включившего ее в свою теорию социального поведения человека. Он вводит в толкование этого понятия два момента, которые детерминируют его и заставляют понять в качестве элемента системы человеческого действия вообще. Сознательное человеческое действие Т. Парсонс поставил в зависимость от действующих «за спиной» индивидов механизмов институционализации ценностей и образцов культуры, которые превращают их в принудительные нормы человеческого поведения и обязательные требования, предъявляемые ему².

Важнейшей формой организации социально-экологической деятельности служит ее институционализация, т. е. такой

ЕЖОВ Павел Евгеньевич, соискатель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

способ регуляции, который основан на институциональной структуре, системе формирующихся институтов, нормирующих, санкционирующих, упорядочивающих процесс взаимоотношения человека и общества с природой и регламентирующих трудовую деятельность. Институционализация — способ интеграции нового вида социальной деятельности в существующую структуру общественных отношений.

Институциональный подход к исследованию единой социальной системы охраны окружающей среды, а также экологических аспектов трудовой деятельности является целесообразным, так как эта система, сложившаяся и продолжающаяся формироваться в современном обществе, имеет все признаки социального института. Рассматривать систему охраны окружающей среды как институт удобно, так как у нее своя структура, признаки и функции. Состояние институтов служит своеобразным индикатором (значимым показателем) социальной стабильности всей общественной системы: общество стабильно тогда, когда функции его институтов понятны, очевидны, неизменны.

В системе глобальных проблем современности экологическая проблема характеризуется самой высокой степенью сложности внутренних и внешних взаимосвязей, среди которых важное место занимает институт права в регламентации отношений и потребностей общества на благоприятную окружающую среду. Это право впервые урегулировано в Декларации Стокгольмской конференции ООН в 1972 г. Тогда же стало очевидным, что попытки решения проблемы сохранения природы усилиями отдельных государств малоперспективны. Снизить негативную нагрузку на окружающую среду на глобальном уровне возможно только при сотрудничестве всех стран. Однако роль регулятора в области охраны окружающей среды играет регион, который становится фактором достижения экологической безопасности государства в целом, установления равновесия экологических интересов стран с различным экономическим развитием.

Важное место в ряду технологий экологического контроля занимает экологический мониторинг, который относится к информационным методам управления. Он играет важную роль в решении проблем охраны окружающей среды, управления природопользованием и обеспечения устойчивого развития общества. Под мониторингом понимают систему

непрерывного наблюдения, измерения и оценки состояния окружающей среды. Объектом общего мониторинга является окружающая среда, подверженная естественным динамическим изменениям и антропогенному воздействию.

Цель создания Единой государственной системы экологического мониторинга России — информационное обеспечение управления в области охраны окружающей природной среды, рационального использования природных ресурсов, обеспечения экологически безопасного устойчивого развития страны и ее регионов. Функциями экологического мониторинга являются наблюдение за состоянием окружающей среды; отслеживание ее изменений, связанных с антропогенным воздействием; анализ произошедших изменений состояния окружающей среды, математическое моделирование и оценка ее состояния; прогнозирование вариантов развития состояния окружающей среды.

На территории Республики Мордовия Единая государственная система экологического мониторинга начала создаваться в 2000 г. Мониторингом окружающей природной среды в 2000 г. занимались различные ведомства и организации: Комитет природных ресурсов по Республике Мордовия, Министерство экологии и природопользования Республики Мордовия, Комитет лесного хозяйства по Республике Мордовия, Мордовский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Государственный комитет по земельным ресурсам и землеустройству, Мордовский республиканский центр государственного санитарно-эпидемиологического надзора и др.

Составными частями Единой государственной системы экологического мониторинга стали государственный мониторинг подземных вод; государственный мониторинг экзогенных геологических процессов; государственный мониторинг поверхностных вод; государственный мониторинг загрязнения природной среды, включающий в себя природные и сточные воды, атмосферный воздух, отходы, почвы; государственный мониторинг земель; государственный мониторинг лесов.

На территории Мордовии проводилась работа по созданию Территориальной комплексной схемы охраны природы (ТерКСОП) — научно обоснованного комплексного плана хозяйственного освоения природно-ресурсного потенциала республики, который позволил бы объединить информацию по мониторингу окружающей природной среды³.

Объектами природоохранного законодательства являются природная среда в целом и ее отдельные естественные системы (например, озеро Байкал) и элементы (вода, воздух), а также международное право. Впервые в мировой практике требование охраны и рационального использования природных богатств включено в Конституцию РФ. Существует около 200 юридических документов по природопользованию. Например, в Законе «Об охране окружающей природной среды» (1991 г.) устанавливается общая схема достижения совпадения интересов общества и отдельных природопользователей через лимиты, платежи, налоговые льготы, а определенные параметры (точные значения нормативов, размеры ставок и платежей) конкретизируются в постановлениях Правительства РФ и отраслевых инструкциях.

Каждый гражданин обязан принимать участие в охране окружающей природной среды, повышать уровень своих знаний о природе, экологическую культуру, а также соблюдать требования природоохранительного законодательства и установленные нормативы качества окружающей природной среды. Если они нарушаются, то виновный несет уголовную, административную, дисциплинарную и материальную ответственность. За более тяжелые нарушения (поджог леса и т. п.) человек может быть подвергнут уголовному наказанию: лишению свободы, наложению крупных денежных штрафов, конфискации имущества. Чаще применяется административная ответственность (наложение штрафа на отдельных лиц и предприятия), которая наступает в случае порчи или уничтожения природных объектов, загрязнения природной среды, невыполнения мер по восстановлению нарушенной окружающей среды, браконьерства. Должностные лица могут подвергаться дисциплинарной ответственности (полное или частичное лишение премий, понижение в должности, выговор или увольнение) за невыполнение природоохранных мероприятий и несоблюдение экологических нормативов. Выплата штрафа не освобождает от материальной гражданско-правовой ответственности (возмещение причиненного загрязнением или нерациональным использованием природных ресурсов вреда окружающей среде, здоровью и имуществу граждан, народному хозяйству).

Закон «Об охране окружающей природной среды» формулирует также экологические требования, касающиеся

строительства и эксплуатации различных объектов; показывает экономический механизм охраны окружающей среды; провозглашает принцип международного сотрудничества в этой области. Природоохранительное законодательство на практике действует недостаточно эффективно. Одна из важных причин этого — несоответствие наказания тяжести преступления (низкие ставки взимаемых штрафов: для должностного лица — от трехкратного до двадцатикратного размера минимальной месячной оплаты труда; для рядовых граждан — до десятикратного размера минимальной оплаты труда), так как часто невозможно возместить понесенный природой ущерб.

Недообеспеченность предприятий техническими средствами для очистки сточных вод и загрязненных газов, а проверяющих организаций приборами для контроля за загрязнением окружающей среды является другой причиной слабого действия природоохранительного законодательства.

Большое значение имеет низкая экологическая культура населения, незнание основных природоохранных требований, снисхождение к нарушителям, отсутствие навыков отстаивания своих прав на здоровую окружающую среду. Таким образом, необходима разработка правового механизма защиты экологических прав человека (конкретизирующих эту часть закона подзаконных актов): обращение с жалобами в прессу и вышестоящие инстанции, иски в судебные органы. Если каждый человек, здоровье которого подорвано из-за отходов какого-либо предприятия, подаст иск в суд или обратится в прокуратуру с требованием возмещения материального ущерба, то оно будет вынуждено принять меры по снижению загрязнения.

В целом экологический контроль — составная часть управления природопользованием и охраной окружающей среды России⁴. Основной задачей экологического контроля является обеспечение соблюдения экологического законодательства, его норм (нормативов) и правил, а также выполнения планов и мероприятий по охране окружающей природной среды всеми предприятиями, учреждениями, организациями и иными органами, а также должностными лицами и гражданами.

По форме экологический контроль бывает информационным, предупредительным и карательным. Информационная

форма контроля выражается в сборе и анализе соответствующей экологической информации, необходимой для принятия государственными органами решений в области природопользования и охраны окружающей среды. Предупредительная форма направлена на предотвращение экологических правонарушений. Карательная форма контроля заключается в применении мер государственного принуждения к физическим и юридическим лицам, нарушающим экологическое законодательство.

Закон «Об охране окружающей природной среды» устанавливает, что система экологического контроля состоит из государственной службы наблюдения за состоянием природной среды, государственного производственного и общественного контроля. В рамках своей компетенции государственный экологический контроль осуществляют органы представительной и исполнительной власти всех уровней, а также специально уполномоченные органы РФ в области охраны окружающей среды.

Важной формой экологического контроля служит экологическая экспертиза. Она призвана осуществлять предупредительный контроль в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Так, сформулированные в Законе РФ «Об экологической экспертизе» принципы выражают сущность и социальное назначение экспертизы, основы ее правового регулирования и осуществления. Принципы должны соблюдаться всеми участниками экспертного процесса, включая заказчика планируемой деятельности, проектные органы, органы экспертизы и общественные организации⁵.

Принцип презумпции потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной и иной деятельности означает, что каждый вид деятельности может негативно повлиять на окружающую среду. Принцип обязательности проведения государственной экологической экспертизы до принятия реализации объекта адресован заказчику планируемой деятельности и органам государственной экологической экспертизы. Заказчик не вправе принимать решение о реализации намечаемой деятельности и осуществлять ее без положительного заключения государственной экологической экспертизы. Он обязан провести ее до начала деятельности. Этим и определяется обязательность и превентивный характер экологической экспертизы.

Принцип комплексности оценки воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и ее последствий реализуется в соответствии с Положением по оценке воздействия. Задачи экспертизы — анализ оценок воздействия, определение достаточности, обоснованности выбранных систем и методов оценивания и прогнозирования, характеристика комплексности оценки воздействия.

Принцип обязательности учета требований экологической безопасности при проведении экологической экспертизы обусловлен правом каждого на благоприятную окружающую среду. Он предусматривает обязанность участников эколого-экспертного процесса соблюдать правовые, экологические требования проектирования, размещения, строительства, эксплуатации объектов экспертизы и выявлять, соблюдаются ли нормативы качества в случае реализации проекта.

Принцип достоверности и полноты информации, предоставляемой для экологической экспертизы, обязывает заказчика планируемой деятельности обеспечить государственную экспертизу достоверной и полной информацией об объекте экспертизы, оценке его воздействия на окружающую среду, а также о современной экологической ситуации в регионе, реализации проекта.

Принцип независимости экспертов экологической экспертизы означает, что никто не вправе вмешиваться в работу эксперта, выполняемую в соответствии с требованиями законодательства, техническим заданием и задачами, поставленными перед экспертом руководителем экспертной комиссии или руководителем группы. В соответствии с этим принципом эксперт свободен в оценках экспертируемого объекта и выводах по нему. Любое оказываемое давление на эксперта является противоправным действием.

Заключения экологической экспертизы должны быть научно обоснованными. Принцип научной обоснованности, объективности и законности — один из главных. Это требование касается как индивидуальных заключений экспертов, так и сводных заключений экологической экспертизы. Содержащиеся в заключении суждения и выводы должны быть научно аргументированными. Критериями при этом могут служить не только собственные научные утверждения, ссылки на позиции и труды авторитетных ученых, но и положения законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования.

Заключения экологической экспертизы должны быть объективными. Объективность в области экологической экспертизы проявляется в непредвзятой, беспристрастной оценке объекта экологической экспертизы и подготовке входящих в заключения выводов каждого участника эколого-экспертного процесса и комиссии в целом.

Содержание принципа законности заключений экологической экспертизы заключается в том, что при планировании, проектировании деятельности заказчик (проектировщик) обязан учесть (выполнить, соблюсти) экологические требования, в том числе предусмотренные законодательством об охране окружающей среды и природопользования.

Принцип гласности, участия общественных организаций (объединений), учета общественного мнения при проведении экологической экспертизы служит проявлением демократизации российского экологического права и средством реализации права граждан на благоприятную окружающую среду.

Принцип ответственности участников экологической экспертизы и заинтересованных лиц за ее организацию, проведение и качество адресован в основном участникам проведения государственной экологической экспертизы. Он означает, что в случае невыполнения ими требований организации и проведения экспертизы они будут нести ответственность, предусмотренную действующим законодательством Российской Федерации⁶.

Государственная экологическая экспертиза на территории Мордовии осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об экологической экспертизе», Положением о порядке проведения государственной экологической экспертизы (утверждено Постановлением Правительства РФ от 11 июня 1996 г., № 698), Регламентом проведения государственной экологической экспертизы (утверждено Приказом Госкомэкологии РФ от 17 июня 1997 г., № 280; зарегистрировано в Минюсте РФ 28 июля 1997 г., № 1359), а также Положением о государственной экологической экспертизе на территории республики (утверждено Постановлением Правительства РМ от 19 декабря 1997 г., № 552). Основная ее задача — установление соответствия хозяйственной деятельности требованиям природоохранного законодательства.

В государственном докладе «Состояние природных ресурсов и охрана окружающей среды Республики Мордовия в

2005 году» отмечено, что в истекшем году государственная экологическая экспертиза была проведена для 44 объектов, (положительных заключений — 40, отрицательных — 4). Общая сумма средств, полученных за проведение экспертиз, составила 88 700 тыс. руб. Снижение количества проведенных государственных экологических экспертиз в 2005 г. по сравнению с 2004 г. обусловлено разделением функций по объектам их проведения между Росприроднадзором и Ростехнадзором. При проведении экспертиз в состав экспертных комиссий включались штатные и внештатные эксперты. Внештатные специалисты — 23 чел., которые работают в различных областях науки и техники.

Проводились проверки в области государственной экологической экспертизы: внедрение нового технологического оборудования; строительство зданий и сооружений по проектам, не имеющим положительного заключения государственной экологической экспертизы; неисполнение требований заключения государственной экологической экспертизы. Выдано 1 539 пунктов предписаний, из них выполнено 1 244 пункта предписаний, составлено 102 протокола об административных правонарушениях. Сумма предъявленных штрафов по всем направлениям составила 76,2 тыс. руб., из них 28 протоколов (48,5 тыс. руб.) касаются охраны атмосферного воздуха, 70 протоколов (22,2 тыс. руб.) — деятельности по обращению с отходами производства и потребления, 1 протокол (4 тыс. руб.) — государственной экологической экспертизы, 3 протокола (1,5 тыс. руб.) — общих экологических требований⁷.

В системе экологического контроля заметную роль играют ГИС-технологии. Под ГИС-технологиями понимают комплекс методов и подходов, основанных на точном географическом позиционировании различных объектов и данных любого типа на участке земной поверхности⁸. ГИС-технологии позволяют анализировать информацию по мониторингу окружающей среды и рассчитывать наиболее эффективный вариант развития территории при заданном уровне ее экономического и технологического развития с учетом соблюдения экологических нормативов. При работе с географической информационной системой (ГИС) доступны разнообразные пространственные данные, топографические или тематические карты, материалы аэрофотосъемки и космических

снимков, результаты полевых исследований, данные научных и других публикаций, кадастровая и иная информация. ГИС-технологии, сочетающие в себе географические информационные системы и методы дистанционного зондирования земной поверхности, широко применяются при изучении, в том числе дистанционном, и анализе природных экосистем. В Мордовии региональной геоинформационной системе отводится главное место в компьютерном моделировании экологического состояния природно-социально-производственных систем. На кафедре геоэкологии и ландшафтного планирования Национального исследовательского Мордовского государственного университета ведутся работы по развитию региональной геоинформационной системы «Мордовия».

ГИС-технологии объединяют традиционные операции разного типа: запрос и статистический анализ результатов исследований, включая элементы многомерной статистики, с преимуществами полноценного пространственного анализа, расчета площадей и периметров, протяженности любых линейных объектов и т. п. ГИС-технологии вводят данные о различных пространственных объектах в общий массив информации, доступной для прямой обработки различными статистическими методами. ГИС дают пользователям качественно новые возможности. Эти системы позволяют оперативно реагировать на возникающие на какой-либо территории ситуации, получая всю необходимую для принятия решения по этой территории картографическую и тематическую информацию.

Общественный экологический контроль в соответствии с Законом «Об охране окружающей природной среды» осуществляется профсоюзными организациями, общественными экологическими объединениями (движениями), трудовыми коллективами и гражданами. Его главной задачей является проверка исполнения требований экологического законодательства министерствами, ведомствами, предприятиями, учреждениями, организациями.

Граждане имеют право создавать экологические общественные объединения, фонды и иные общественные формирования, а также делать запрос в органы государственной власти об информации, характеризующей состояние окружающей среды и принятие мер по ее охране. Что касается общественных экологических объединений (движений), то они

вправе осуществлять общественный контроль за выполнением экологических требований и условий при организации и ведении хозяйственной или иной деятельности, создавать общественные экологические фонды и определять порядок их функционирования и расходования средств.

Социальная система правовой регуляции экологической деятельности как общественный институт возникла и продолжает формироваться в обществе как способ реализации ряда человеческих потребностей, в том числе экологических. Если на раннем этапе институционализации эта потребность была односторонней, односоставной и до минимума упрощенной (сохранение некоторых уголков, участков, объектов природы в первозданном виде для будущих потомков), то по мере усиления человеческой экспансии на природу и ее богатства потребности общества возрастают. Соответственно, разветвленное и сложнее становится и институт правовой охраны окружающей среды.

В России процесс правовой институционализации экологической деятельности активно развивается в течение последних четырех десятилетий и проходит ряд этапов. Эти этапы обусловлены спецификой общественно-политической и социально-экономической обстановки в стране. При этом отметим ведущую роль СМИ в формировании общественного экологического сознания, своеобразном повороте общества в сторону экологических проблем. Основная побудительная сила в рассматриваемом процессе — творческая интеллигенция, научная элита, выступления которых влияют на общественность.

Таким образом, институтами правовой регламентации экологической деятельности являются формирующиеся в современном обществе социальные механизмы государственного, общественного регулирования и экологизации общественного сознания. Формирование этих механизмов как структурных элементов системы шло одновременно с развитием всей социальной системы охраны окружающей среды и управления практикой природопользования на всей территории РФ. Развитие и совершенствование этих механизмов продолжается и сегодня, поэтому мы говорим о формирующихся институтах регуляции и регламентации экологической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990. С. 626.

² См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. 880 с.

³ См.: Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Республики Мордовия в 2000 году. Саранск, 2001. С. 185.

⁴ См.: Боголюбов С.А. Управление охраной окружающей среды: территориальные аспекты // Тр. ВНИИ законодательства. М., 1988. С. 104—118.

⁵ См.: Дьяконов К.Н., Дончева А.В. Экологическая экспертиза и проектирование. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 303.

⁶ Там же. С. 303—316.

⁷ См.: Государственный доклад «Состояние природных ресурсов и охрана окружающей среды Республики Мордовия в 2005 году» / редкол.: В.Т. Шумкин, А.Н. Макейчев, В.Н. Сафонов, А.А. Ямашкин и др. Саранск, 2006. С. 111.

⁸ См.: Пасхин Е.Н., Перчук Е.Е. Информационные технологии в экологической сфере. М., 2006. 55 с.

Поступила 12.10.12.

Н. П. ЛЕДОВСКИХ

ПРАВОСЛАВНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ: ЦЕННОСТНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: самоидентификация, православие, эволюция ценностей, ментальные структуры, история русской культуры

Key words: self-identification, Orthodoxy, evolution of valuables, mental structures, history of the Russian culture.

Проблема веры всегда занимала особое место в отечественной философской мысли. На протяжении столетий между понятиями «русский» и «православный» ставили знак равенства. В свою очередь слово «православный» означало «воцерковленный». И. К. Смолич справедливо утверждает, что «вплоть до XVIII в. мировосприятие и быт русского народа в полной мере формировались Церковью, и только ею. Семейная, общественная и государственная жизнь подчинялась церковным установлениям. Народное мировосприятие вырабатывалось исключительно на основе учения православной Церкви»¹.

Таким образом, вера и церковь до XVIII в. не разделялись. При этом, по общему признанию (в том числе и церковных иерархов), русское православие представляло собой «смесь» восточно-христианских и языческих воззрений, о чем убедительно писал П. Н. Милюков. По его мнению, языческая обрядность, магические заклинания в виде православных молитв стали сутью Русской православной церкви и веры, что в научной литературе нашло отражение в таких понятиях, как «бытовое христианство», «двоеверие», «народная версия христианства»².

Авторитет Русской православной церкви и веры появился не только благодаря обрядам. Изначально на Руси сложилась

ЛЕДОВСКИХ Наталья Петровна, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета, доктор философских наук.

не просто церковь, а, как подчеркивает А. И. Клибанов, мирская церковь, или «своя церковь». Ее сооружали на общие средства, покупали книги и утварь, избирали батюшек, низший состав причта. Священниками могли стать грамотные крестьяне и посадские. «Мир» отводил землю для ведения храмового хозяйства. Церковь играла роль центра общественной жизни общины. Здесь хранилась мирская казна. По инициативе прихожан духовенство выполняло функции социального призрения. Появлялись монастыри, подчиненные волостным общинам³.

Церковь не только поддерживала, но и охраняла древнерусскую традицию *соборности*. Для коллективных собраний предоставлялись трапезные церкви. Учитывалось мнение большинства, или принималось обязательно приемлемое решение для всех в спорном вопросе. Но соборность позволяла человеку видеть в себе личность или, говоря словами А. И. Клибанова, христианство воспитывало внутренний суверенитет личности. В «идеале Правды» русского народа большое внимание уделялось возможности построения справедливого общества, «земного рая». *Установление гармонии отношений в земной жизни* — именно так можно сформулировать нравственное кредо средневековой Русской православной церкви.

Появление теории «Москва — третий Рим» в этих условиях закономерно не только с политической, но и с морально-этической точки зрения. Идея веры пришла из Византии, на Руси она встала на защиту земного человека, взялась за его совершенствование. На фоне европейской «охоты на ведьм» это не могло восприниматься первыми шагами к «земному раю». Здесь же находятся корни российской «самости» — самая верная вера, самый верный народ и самая верная страна, хранительница самой верной веры. Идея православия как самой правильной веры и в связи с этим особого положения Руси, ставшей единственной наследницей этого вероучения, принимается безоговорочно.

В этих гармоничных отношениях в стороне осталась материальная компонента человеческой жизни. Протестантизм уже провозгласил новый подход к миру, хотя и во имя Бога, но через труд к материальному достатку и свободе. Православие выбирает внутреннее совершенство, подчиняя материальное гармонии человеческих отношений. Демокра-

тичность духа была более характерна для русского народа, чем для любого другого. Итак, гармонию человеческих отношений в реальной жизни можно считать основополагающей ментальной единицей россиян и отнести к разряду культурных универсалий допетровской эпохи. В стереотипных представлениях фиксируется максима православной веры — *земная справедливость*.

На вторую половину XVII — начало XVIII в. приходится смена ценностных ориентиров. Власти наносят авторитету церкви весьма ощутимый удар, она больше не представляет абсолютной ценности в массовом сознании населения. В любой культуре власть и церковь тесно связаны между собой. На Руси уже к XVII в. церковь добровольно сдалась на милость государственной власти. В этом нет ничего удивительного: церковные иерархи просто последовали примеру Византии, тем более сами власти не собирались отступать от той же византийской традиции и строго следили за тем, чтобы церковь не выходила за определенные рамки. Достаточно вспомнить попытку Никона устроить «бунт на корабле». Он провозгласил «священство выше царства», назвал патриарха «солнцем», а царя — «луной». Набожный Алексей Михайлович виртуозно обыграл эту ситуацию: лишил Никона поддержки и молчаливо принял его отставку.

С XVIII в. русские цари четко разделили институты веры и церкви. На веру никто не посягал. В то же время власти пресекали малейшие попытки церкви одерживать верх. Желание патриархов контролировать государственную власть больше всего злило Петра I, который на первое место ставил развитие Отечества, а не охрану православия. Упраздняется должность патриарха, издается Монастырский приказ во главе со светским чиновником, который должен был ведать всеми монастырями и делами священнослужителей.

С петровских преобразований ведется традиция отношения к церкви как к малополезной организации. Церковные реформы Петра I ослабили и без того пошатнувшийся после раскола авторитет церкви, тем более что Петр откровенно издевался над церковными иерархами и традициями. «Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор» — яркое подтверждение этого. Голландец К. де Бруин, очевидец событий, с удивлением заметил, что русский государь может неограниченно «располагать имуществом и жизнью своих

подданных», «власть его простирается даже на дела духовные, устройство и изменение богослужения по своей воле: это уже такая область, касаться которой другие венчаные особы воздерживаются из опасения возбудить против себя духовенство»⁴.

Ощутимые удары по церковной организации нанесла Анна Иоанновна. Именно ей, по словам И. К. Смолича, удалось придать церковной реформе стабильность и до конца правления Романовского дома устранить малейшую «возможность борьбы „двух властей“»⁵. Все императоры, несмотря на их «реверансы» в сторону церкви, считали своим долгом вмешиваться в ее дела. При этом никто не стеснялся в средствах.

Таким образом, власти нанесли авторитету церкви весьма ощутимый удар, плохо понимая, что «рубили сук, на котором сидели». Трудно усомниться в правильности вывода Н. М. Карамзина: «Усердие к ней (церкви) слабеет, а с ним и вера, а с ослаблением веры государь лишается способа владеть сердцами народа»⁶.

После восстания декабристов правительство признало свою ошибку. Стало ясно, что церковь не справляется с задачей воспитания масс, а государственная власть теряет авторитет. Теперь делалось все, чтобы приобщить народ к православию. В учебных заведениях, армии требовали соблюдения православных обрядов.

Решить проблему возвращения населения в церковь пытались посредством церковно-приходских школ. Вторая половина XIX в. отмечена их стремительным ростом. Особенно за такие школы ратовали Александр III и обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев. Николай II продолжил дело отца и покровительствовал именно церковно-приходским школам. Проводимая политика была рассчитана только на население. Двойной стандарт оказался слишком очевидным, так как никто из императоров не собирался восстанавливать патриаршество, как и кардинально изменять положение самой церкви, в которой в XVIII—XIX вв. происходили серьезные изменения.

Под давлением власти церковь отказалась от своих лучших традиций. Священников перестали выбирать, они назначались, к ним сразу же изменилось отношение. Доверие у населения по-прежнему пользовались периодически

избираемые из местных жителей церковные старосты. Только им разрешалось вести церковное денежное хозяйство. Эти представители народа имели значительные мирские льготы, получали жалование, освобождались от подушного платежа и господского оброка.

Секуляризация земель, искусно завершенная Екатериной II, и включение духовенства в податное (зависимое, неуважаемое и эксплуатируемое) сословие привели к превращению священнослужителей в «пахарей в рясе». Все служители культа стали «мздоимцами». К ним начали применять жесткие меры. Смена батюшек по требованию общины была далеко не редким случаем. Если поп слишком много себе позволял, его могли посадить на цепь, как это было в Елоховской общине графа В. Г. Орлова⁷.

О роли церковнослужителей в повседневной жизни народа можно узнать из воспоминаний А. Т. Болотова, который рассказывает о двух батюшках своего прихода, которые постоянно враждовали друг с другом. Несмотря на бедность населения, батюшки жили обеспеченно, потому что приход был большим. Их «вечная тяжба» закончилась полным разорением обоих. В консистории, куда они обращались с жалобами, их обирали.

Одного из них, Иллариона, жители любили за его «степенность», приглашали в свои дома. Желанным гостем он был и в доме Болотовых, а хозяйка «воздавала ему превеликое почтение», поскольку «была склонна к набожному житию». Однако «любимец публики» пользовался весьма странными методами для «воспитания» паствы. Он терпеть не мог, когда ему в чем-то отказывали. Однажды в немилость впала мать Болотова. Илларион, «зная коротко расположение ее нрава и великую привязанность ее ко всему суеверному, вздумал ей при сем случае мстить свою мнимую обиду, но чем же? — так называемым связанием на духу, о важности которого постарался он уже издавна вперить в нее страшные мысли». Бедная женщина сочла себя «не иначе как погибшею», «впала было... в сущую меланхолию». «Нечего было делать, принуждены были засылать к попу и ходить за ним и уговаривать; он спесивится и гордится, и насилу его как-то уговорили и довели до того, что он мать мою разрешил. Вот каковы были тогда времена и обстоятельства!»⁸.

Официальная церковь во многом проигрывала и по той причине, что она в XVIII—XIX вв. была примером *чрезмерно ревностного служения государственной власти*. Официально церковь настаивает на возвращении к «вере отцов», сохранении старых обычаев. Парадокс заключается в том, что теперь она всеми силами пыталась заставить человека подняться на ту ступень, которая была заповедана византийской традицией, а также низвести его исключительно до роли бессловесной «твари Божьей». Характер нашей земной жизни, как считает святитель XIX в. И. Кронштадтский, есть «постоянное ожидание Божьего зова из этой жизни в другую... мы рабы Божии..., а рабы с часу на час должны ожидать, что вот-вот позовет Господь»⁹.

Следует отметить, что труды и деятельность И. Кронштадтского могли бы сыграть важную роль в совершенствовании отечественного православия. Русский подвижник говорит о новом понимании веры, предлагает человеку каждый свой поступок рассматривать через призму божественных заповедей, жить так, как будто ты каждую минуту отчитываешься перед Богом. Как известно, это основной постулат иудаизма. Только тот же И. Кронштадтский, называя злейшими врагами человечества самолюбие, чревоугодие, сластолюбие, злобу, зависть, блуд, нетерпение, не забывает поставить на первое место в этом списке ропот и непослушание. Теперь *главной задачей церковной иерархии становится внушение своей пастве мысли о беспрекословном подчинении властям*.

Закономерно, что с развитием образования и просвещения в России усиливаются критические настроения. Они характерны как для народных масс, так и для российской элиты. По отношению к вере появляются новые мотивы. С. Е. Трубецкой пишет, что «главная основа воспитания была у Мама — религиозная. Религия была отнюдь не формальная и даже далеко не в такой мере традиционно-церковная, как бывало в прежних поколениях. „Бог есть любовь“ — вот чем было проникнуто религиозное сознание Мама и, естественно, все ее воспитание нас. Даже голос Мама становился совершенно особенным, когда она читала нам в Евангелии о любви, как о первой и главнейшей заповеди Господней. Может быть, именно вследствие этой религиозной атмосферы, которой я дышал с детства, понятие „страха Божия“ сделалось мне понятным только гораздо позднее, и

то больше умом, чем чувством. Мама прививала нам именно любовь к Богу, а не „страх Божий“, который, конечно, отнюдь не противоречит любви, но относит человека к Богу как бы под другим углом зрения»¹⁰. Вера, Бог есть любовь, выраженная в конкретных делах на благо человека. Такова вновь формирующаяся доминанта российской интеллигенции.

В конце XIX — начале XX в. в русской культуре очевидно наличие трех основных ценностных доминант. Большая часть населения предпочитает обрядовую веру, оставляя за собой право нарушать сложившиеся установки при необходимости. В России появляются атеисты, выступающие против религиозно-мистических символов, но они, как правило, находят себе «новых богов». Наконец, вера начала трансформироваться в общечеловеческий, гуманистический идеал. Ратуя за восстановление православия, мы должны отдавать отчет, какую именно традицию мы собираемся возродить. Тогда станет понятным, почему, согласно опросам, в настоящее время у нас 57 % верующих, а воцерковленных только 12 %.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смолич И.К. История русской церкви: 1700—1917. Кн. 8. Ч. I. М., 1996. С. 29.

² См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1901. Т. 3. 436 с.

³ См.: Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 14—18.

⁴ Бруин К. де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 86.

⁵ Смолич И.К. История русской церкви. С. 116.

⁶ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 36.

⁷ См.: Александров В.А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976. С. 165—167.

⁸ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 130—131.

⁹ Кронштадтский И. Моя жизнь во Христе. М., 1991. С. 31.

¹⁰ Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 38—39.

Поступила 12.10.12.

Ю. В. ИНЮШКИНА

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: авторская песня, автор-исполнитель, музыкально-поэтическое творчество

Key words: original song, bard, musical and poetic creative work

Авторская песня представляет собой музыкально-поэтическое явление, наиболее полноценно раскрывшее многие грани своего феномена в 50—60-е гг. XX в., в так называемую «эпоху оттепели». Зарождение и развитие авторской песни в СССР совпало с важными общественно-политическими и культурными событиями страны: движением «шестидесятников», расцветом эстрадной поэзии, проведением в Москве Всемирного фестиваля молодежи и студентов, а также огромным успехом Советского Союза в освоении космоса. Термин «авторская песня» активно стал использоваться только в 70—80-е гг. XX в. До этого времени широко употреблялся термин «самодельная песня».

Однако несправедливо считать, что авторская песня перестала эволюционировать и быть ценностью русскоязычной культуры на современном этапе. Авторская, или бардовская, песня представляет собой открытую систему, «способную воспринять и претворить по-своему едва ли не все предшествующие и современные богатства поэтической и песенной культуры»¹.

Авторская песня во второй половине 50-х гг. XX в. была частью жизни практически любого человека, однако часто создатель песни не рассматривался как личность в силу «безымянности-неизвестности-неустановленности» авторства. Позднее, когда благодаря всесоюзным фестивалям, КСП (клубам самодельной песни) и выходящим в свет музыкально-поэтическим сборникам стали постепенно сгла-

ИНЮШКИНА Юлия Вячеславовна, аспирант кафедры изобразительного искусства и культурологии Пензенского государственного педагогического университета.

живаться инварианты мелодий и текстов, на первый план выходил автор песни, более важной стала «интимизация» стиля как эстетическая категория восприятия.

Авторская, или бардовская, песня представляет собой уникальный жанр музыкально-поэтической культуры Пензенского края. По определению Б. Ш. Окуджавы, авторская песня — это «думающая песня для думающих людей». Удивительное сочетание голоса автора, его манеры исполнения и гитарной мелодии позволяет слушателю воспринимать песню как энерго-информационную единицу. Однако благодаря особому вниманию к слову авторскую песню часто называют «поэтической», поэтому среди авторов-исполнителей в настоящее время достаточно много поэтов: Борис Шигин, Владимир Юраков, Ольга Коршунова, Елена Чебалина, Александр Заносиенко и др.

С 2004 г. при литературном журнале «Сура» действует клуб любителей авторской песни «Поющие поэты», который объединяет не только авторов собственных песен, но и исполнителей классики жанра бардовской песни. Его участники (поэты, барды) — творческие люди, не равнодушные к авторской песне. «Поющие поэты» принимают активное участие в концертах, творческих встречах и сами являются инициаторами музыкально-поэтических мероприятий. Так, за несколько лет клуб организовал концерт памяти Б. Ш. Окуджавы, вечер бардовской песни «Наполним музыкой сердца», Всероссийский фестиваль авторской песни «Возрождение» и др. Руководителем клуба является Б. В. Шигин, известный пензенский поэт, журналист, автор песен, лауреат многих всесоюзных фестивалей авторской песни, главный редактор журнала «Сура».

Песни Б. В. Шигина известны далеко за пределами Пензенской области. Их слушали, им давали высокую оценку Б. Окуджава, В. Берковский, В. Ланцберг, Е. Клячкин, Б. Вахнюк, Т. Визбор. Сегодня эти песни поют спасатели и туристы на Тянь-Шане, Кавказе и Валааме, участники клубов авторской песни в разных городах страны, так как многие песни Б. В. Шигина становились лауреатами на всероссийских фестивалях, а в настоящее время самые популярные из них можно найти в Интернете.

По мнению Э. Анашкина, многие песни Б. В. Шигина «отмечены печатью лирической созерцательности и некой

философской отстраненности. Но на самом деле внутри них бьется острый пульс современности — не той современности, что сиюминутна и преходяща, а той, что ощущает биение пульса эпохи»²:

Зазимье — и птицы в отлет.
Я буду их ждать, я дождусь их.
На утренних лужицах — лед,
Над полем — кричащие гуси.

На сердце светло и тепло,
Но в горле какое-то слово...
Давай не скажу я его.
Не будем тревожить былого³.

На протяжении нескольких лет активным участником клуба «Поющие поэты» является лауреат премии журнала «Сура» в номинации «Поэзия», член Союза писателей России В. А. Юраков. Он автор книг «Пою многоточие...», «Настольная лампа», «Капелька», «Сколько весит сон?», «Прогулка по небу», «Забавные прописи» и «Веселое естествознание». Уникальность этого автора и исполнителя песен в том, что его творчество интересно взрослым и детям. Взрослым слушателям он поет про любовь и «сиреневый вечер», а в каждом ребенке может увидеть «маленького волшебника». Песни В. А. Юракова светлы и лучезарны, нежны и душевны:

Кораблик бумажный, кораблик бумажный
В потоке весеннем несется отважно
К неведомым странам, в чужие места.
Кораблик бумажный с названьем «Мечта»⁴.

Вместе с сотрудниками областной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова он выезжает в школы города и области, библиотеки, социокультурные центры с целью привить людям любовь к родному краю, чтению и авторской песне.

Одно из наиболее ярких имен в песенно-поэтической культуре Пензы — имя Е. Г. Чебалиной, девушки с гитарой, чей талант, несмотря на молодость, производит сильное впечатление благодаря глубине заложенной мысли. Е. Г. Чебалина — автор поэтического сборника «Шахматы», лауреат купринского конкурса «Гранатовый браслет» в номинации «Литература» и Всероссийского поэтического конкурса молодых поэтов «Мцыри». В 2006 г. она стала лауреатом

конкурса авторской песни «Аккорд», в 2010 г. победила в номинации «За лучшие стихи» на фестивале «Возрождение». Саратовская поэтесса М. Борцова отмечает, что главное в стихотворно-песенном творчестве Е. Чебалиной — «поиск духовных основ, разговор со своей душой и разумом. Что есть счастье, вера? — поэтесса постоянно задает самой себе эти вопросы и сама же пытается на них ответить»⁵. Ее песни заставляют задуматься над смыслом жизни, поиском и открытием внутреннего «я», над теми проблемами, которые часто остаются незамеченными в ежедневной суете.

Авторская песня всегда привлекала внимание слушателей доверительным тоном и неподдельной атмосферой искренности, красотой лирического настроения и особой музыкально-поэтической палитрой исполнения. К сожалению, невозможно рассказать обо всех авторах-исполнителях Пензы, поскольку их много. Все они талантливы и самобытны: Владимир Медведев, Михаил Тихонов, Дмитрий Букин, Игорь Мирвинский, Сергей Барехов, Ольга Коршунова, Александр Заносиенко, Валерий Александров и др. Каждый автор уникален и по праву является гордостью «звонкопесенного» Сурского края.

Уже несколько лет музыкально-поэтические встречи с участниками клуба «Поющие поэты» стали доброй традицией, и с каждым годом их становится все больше, так как у пензенцев не угасает интерес к современной авторской песне. Клуб всегда рад новым друзьям и новым интересным участникам. Каждую субботу барды, поэты и все, кто интересуется авторской песней, собираются в редакции журнала «Сура», чтобы вновь «наполнить музыкой сердца».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Андреев Ю.А., Вайнонен Н.В. Наша самодеятельная песня. М.: Знание, 1983. С. 18.

² Анашкин Э. «Наши песни просты, но не лживы...» (о творчестве Б. Шигина). URL: <http://www.voskres.ru/literature/critics/anashkin3.htm> (дата обращения: 18.09.2012).

³ Шигин Б.В. Я двух женщин люблю. Песни. Пенза: Редакция лит. журн. «Сура», 2007. С. 8.

⁴ Юраков В.А. Капелька: стихи и песни для взрослых и детей. Пенза, 2007. 27 с.

⁵ Борцова М. Брежу родным языком (о творчестве Е. Чебалиной) // Сура. 2009. № 6. С. 193—194.

Поступила 07.10.12.

МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА «НАРОДНАЯ МУЗЫКА НА СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕРТНОЙ ЭСТРАДЕ И В ОБРАЗОВАНИИ»

28 ноября 2012 г. в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете прошел семинар с международным участием, посвященный проблемам изучения, возрождения, сохранения и трансляции в современную музыкально-образовательную среду национально-культурных традиций финно-угорских и соседних народов. Музыкальный фольклор — это многомерная, не до конца познанная сфера культуры человечества, которая развивается по своим законам и имеет разные языки выражения. Активное научное осмысление этого богатейшего материала способствовало формированию различных подходов и методик изучения, способов и форм претворения в современном композиторском и исполнительском творчестве. Это определило основные направления тематики семинара, которые были объединены в три блока: актуальные проблемы музыкальной финно-угристики; народная музыка в образовательном и исполнительском пространстве финно-угорского мира: опыт и перспективы; проблема «фольклор и композитор» в музыкальной культуре.

Актуальные проблемы музыкальной финно-угристики

Ж. Пяртлас,
старший научный сотрудник
Эстонской академии музыки и театра,
кандидат искусствоведения (г. Таллин)

Kergütäminõ в сетуской народной песне: практическая необходимость, обычай или композиционный прием?

На юго-востоке Эстонии проживает маленькая этническая группа эстонцев — сету. Музыкальная традиция сету не только значительно отличается от музыки остальных эстонцев, но и весьма оригинальна в более широком масштабе. Наряду с сохранившимся архаическим многоголосием и редкими ладовыми структурами спецификой сетуской песни является особый исполнительский прием, который сами певцы называют *kergütäminõ*.

Kergütäminõ — нисходящая модуляция, которую несколько раз осуществляет запевала на протяжении песни и которой обычно предшествует постепенное повышение высоты строя. Хотя повышение строя — обычное явление в песенных традициях с интенсивной манерой звукоизвлечения, однако нисходящая модуляция как осознанный и регулярно используемый прием встречается редко (о таком приеме у мордвы пишет Н. Н. Гилярова¹). Значение слова *kergütäminõ* (от *kergütämä* — облегчать) указывает на основную функцию этого приема — облегчать пение, когда преобладающее расположение звуков по высоте в музыкальном произведении (тесситура) становится слишком напряженным.

По утверждению Я. Сарва, использование *kergütäminõ* может быть связано с содержанием текста и подчеркивать начало смысловых разделов песни². Хотя такая возможность не исключается, анализ песен из репертуара сетуской певицы А. Вабарна, проведенный Л. Лаанеметс, не подтверждает этого наблюдения³.

Акустические исследования записей хора А. Вабарна выявили некоторые тенденции в изменении абсолютной высоты строя песни. Во-первых, повышение строя происходит особенно быстро после применения *kergütäminõ* и затем замедляется. Во-вторых, запевала начинает каждую следующую строфу чуть ниже конца предыдущей (на слух это почти не воспринимается). В-третьих, повышение строя перед нисходящей модуляцией может быть небольшим и не требовать применения *kergütäminõ*.

Создается впечатление, что *kergütäminõ* — это старый обычай, который стараются соблюдать и тогда, когда для этого нет практической необходимости. Особенно это характерно для современных сетуских хоров, в пении которых повышение тесситуры не выражается так ярко, как прежде. Последнее, очевидно, связано с изменениями в манере пения, которая у большинства современных хоров менее интенсивна. Впрочем, современные хоры используют *kergütäminõ* намного реже, чем это было принято раньше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гилярова Н.Н. Многоголосие как один из компонентов музыкального диалекта // Песенное многоголосие народов России: тез. докладов науч.-практ. конф. (Воронеж, 24—29 сент. 1989 г.). М., 1989. С. 34—36.

² См.: Sarv J. Üheksa setu rahvalaulu // Soomeugri rahvaste muusikapärandist. Tallin, 1977. S. 68—103.

³ См.: Laanemets L. Setu lauliku Anne Vabarna viisirepertuaarist ERA helisalvestiste põhjal. Magistritöö. Tallin: Eesti muusika ja teatriakadeemia, 2007.

М. В. Медведева,
заведующая кафедрой хорового и сольного народного пения
Российской академии музыки им. Гнесиных,
кандидат педагогических наук, профессор (г. Москва)

Особенности функционирования народно-песенных традиций

Фольклор выступает как целостное социально-историческое обусловленное явление, обладающее «художественно-образными средствами, рассчитанными на непосредственное слуховое сочетающееся со зрительным восприятие в момент исполнения»¹. Нерасчлененность процессов создания, исполнения и восприятия фольклорных произведений обуславливает художественную специфику народного музыкального творчества. Синкретичность творческого процесса воссоздания фольклорного первообраза порождает своеобразную художественную систему, в которой функциональное предназначение произведения и его содержательно-структурные особенности выступают как единое целое.

Фольклорное песнетворчество обладает специфическими свойствами: служит этнообъединяющим фактором; основано на эстетике канонического тождества; подразумевает множественное, вероятностное воплощение художественных текстов; предполагает особый тип общения; базируется на коллективной художественной памяти народа; отражает мифологическое сознание носителей традиций; передает закодированную информацию, обладающую недосказанностью; наследует не многовариантные продукты творческой деятельности, а порождающие их модели.

Многовариантность выступает структурно-художественным принципом народного песнетворчества. Вариативность вызвана устной формой бытования и передачи фольклорных традиций. Изустный характер проявляется во взаимодействии слухового (вербального, музыкального), визуального и пластического способов передачи информации.

Фольклорной песенной традиции свойственна интенсивная и непрерывная коммуникация, взаимообщение носителей фольклора и слушателей, которые при определенных условиях также становятся носителями. В народно-песенной практике встречаются разные виды общения: самообщение в процессе творчества для себя, например, «индивидуализированные виртуозные стили пения»; взаимообщение участников песенной общины («артели»), которому соответствуют имеющие постоянный состав «замкнутые» ансамбли умельцев²; общение исполнителей со слушателями, характерное творчеству певцов-сказителей.

Традиционная народная музыкальная культура — это культура памяти. Фольклорное певческое искусство творится по определенной модели (по аналогии), где «принцип формул» — основной метод композиции... для всех времен и народов»³. Конкретная формула реализуется на основе взаимодополняемости вариантов. В грамматических (ритмических и словесно-музыкальных) формулах проступает система устойчивых жанрово-стилевых признаков, выявляющихся в способах выражения, типах интонирования и артикулирования.

Основу песенной формулы составляет единая слоговая музыкально-ритмическая форма и ладовая структура песни. Именно усвоение ритмоформулы позволяет певцам в условиях вероятностного интонирования творчески воссоздавать песню, сочетая вариантную множественность фольклорного текста с его модельной первоосновой. Формула как принадлежность «искусства тождества» лежит в основе принципиально неразделимых процессов усвоения, создания и исполнения народно-песенного произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Л., 1967. С. 93.

² См.: Двадцать русских народных песен / сост. Е.В. Гиппиус. М., 1979. С. 6.

³ Герцман Е. Византийское музыкознание. Л., 1988. С. 256.

С. А. Исаева,
заведующая кафедрой народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
кандидат культурологии, доцент

Сохранение и преемственность музыкального наследия мордовского народа

Интерес к этническому музыкальному наследию, решению вопросов исторической реконструкции, сохранения и преемственности в культуре, а также к возрождению национальных традиций является определяющим фактором формирования духовно-нравственных ценностей современного общества.

При обращении к мордовской музыкальной культуре следует указать на ее «многовековую и содержательную историю», которая «отразила духовную жизнь людей, запечатлела все то, что волновало их на протяжении долгой истории. Народ создал великую музыкальную традицию, признанную во всем мире, ставшую весомым вкладом в общечеловеческую культуру»¹. Мордовские народные музыкальные традиции послужили основой для формирования композиторского и концертно-исполнительского творчества, массовых видов художественной самодеятельности.

Сегодня мы можем наблюдать плодотворное влияние мордовского музыкального фольклора, что выражается в новых формах его освоения, появлении оригинальных стилевых направлений в профессиональной музыке и исполнительской практике. Способы сохранения и популяризации музыкального наследия мордовского народа разнообразны: фольклорно-этнографические экспедиции, фестивали и праздники; концерты народной музыки; образовательные программы по финно-угорской (в том числе мордовской) музыкальной культуре; тематические теле- и радиопередачи; досуговые формы приобщения (фольклорные ансамбли и студии). Однако такое многообразие не всегда позволяет наблюдать подлинно этнографические образцы, сохраняющие исторически сложившиеся музыкально-стилевые традиции мордовского народа. Часто слушателю предлагаются произведения стилизованного фольклора, где обнаруживается не только несоответствие, но и незнание компонентов художественного языка (законов традиционного мордовского

многоголосия, диалектных особенностей стилей и т. д.). Такой подход ведет к обезличиванию народной песни, поверхностному, упрощенному и искаженному представлению о традиционной музыкальной культуре мордовского народа. В связи с этим решение проблемы сохранения и преемственности аутентичных форм народной музыки требует особой деликатности и профессионализма.

Большое значение при этом имеет собирательская деятельность, которая приобрела целенаправленный характер уже со второй половины 30-х гг. XX в. Материалы фольклорных экспедиций (традиционные мордовские песни; инструментальные наигрыши на нюди, скрипке, гармошке, балалайке), собранные в разное время Е. В. Гиппиусом, Н. И. Греховодовым, М. И. Душским, М. Г. Ильиным, Л. П. Кирюковым, Г. И. Сураевым-Королевым, М. В. Учватовым, М. И. Чувашевым, А. А. Шахматовым, И. М. Яушевым и др., до настоящего времени представляют практический интерес для композиторов и исполнителей.

Значительный вклад в возрождение и изучение традиционной мордовской музыкальной культуры внес Н. И. Бояркин, который сделал записи комплексного характера с сохранением голоса каждого певца при одновременном звучании общей мелодии. Это позволило сохранить «особую развитость традиции многоголосного пения мордвы, природу его жанров, стиливых особенностей, разнообразие форм их исполнительства»². Ученый-этнофольклорист составил и опубликовал многотомную академическую антологию «Памятники народного музыкального искусства», в которой представлен органичный сплав словесного и музыкального материала, дана обширная библиография по истории изучения и собирания песен и наигрышей мордовского народа.

Для профессионального творчества мордовских композиторов характерно обращение к мелодике различных жанрово-стилевых пластов народно-певческой культуры, использование гармонических и сонористических возможностей этнической ангемитоники, а также приемов композиции, позволяющих синтезировать их с современными средствами музыкального письма. Если раньше композиторы опирались на эмпирический опыт, а работа с народным мелосом носила преимущественно интуитивный характер, то с 90-х гг. XX в. их деятельность базируется на глубоких теоретиче-

ских знаниях. Она представляет собой некие творческие исследования, направленные на разработку типологических основ традиционной разножанровой мелодики и разной по исторической глубине полифонии (гетерофония, диафония, бурдонная полифония). Обработка народно-песенного материала продолжает оставаться важным направлением композиторского творчества и приобретает новые особенности. Народный мелос органично вводится в стилистику различных сочинений, расширяются средства выразительности за счет использования инструментальной мелодики и полифонии. Наиболее ярко эти тенденции проявились в творчестве Г. И. Сураева-Королева, Г. Г. Вдовина, Н. И. Бояркина, сочинения которых являются образцами претворения стиливых черт традиционной музыкальной культуры в современных формах.

Стремление к сохранению и популяризации архаичных фольклорных традиций можно наблюдать в деятельности разных народно-певческих коллективов, в настоящее время активно функционирующих в Республике Мордовия (фольклорный ансамбль «Гайги моро» и народно-хоровая капелла Мордовского государственного университета, фольклорный ансамбль «Келу», традиционный ансамбль мокша-мордовской музыки «Левож», фольклорный ансамбль «Мерима», молодежный арт-фолк ансамбль «Морденс», аутентичный шокша-мордовский певческий ансамбль «Норовава», Старотеризморский женский народный хор, мужской ансамбль мордовской народной музыки «Торама», Государственный ансамбль песни и танца «Умарина» и др.). Н. И. Бояркин отмечает: «В зависимости от типов и этнических особенностей культуры и региональных ее традиций, а также различных методологических подходов руководителей к проблеме вторичных форм бытования произведения фольклора, различна степень аутентичных элементов народной культуры в творчестве коллективов»³. Однако основной вектор их творческой деятельности — опора на живое интонирование, овладение импровизационной культурой народного исполнительства.

Таким образом, можно говорить о том, что наблюдаются устойчивые тенденции к возрождению, изучению, сохранению и популяризации музыкального наследия мордовского народа, а также к его трансформации в профессиональном творчестве с учетом современных эстетических требований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бояркина Л.Б. Мордовская музыкальная энциклопедия / под ред. Н.И. Бояркина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. С. 3.

² Одинокова Т.И. Овладение профессией. Изучение народной музыки // Бояркин Николай Иванович. Грани творчества / Мордов. регион. финно-угор. обществ. фонд культ. и экон. сотрудничества «Масторава»; сост. Л.Б. Бояркина. Саранск, 2002. С. 11.

³ Бояркин Н.И. О концептуальных принципах подготовки руководителей народно-певческих коллективов (проблемы и задачи): учеб.-метод. материалы по спец. «дирижирование народным хором» / сост. и отв. ред. Л.Б. Бояркина. Саранск, 1999. С. 10.

Е. О. Модина,
преподаватель кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Фольклор в системе современной музыкальной культуры

В последние годы в фольклористике много сделано по изучению природы фольклора, специфики его отдельных жанров, стилистических особенностей и т. д. Разнообразие теоретических вариантов определения фольклора объясняется тем, что в прошлом он был широкой полифункциональной областью словесного и музыкального народного творчества, отграничить и определить которую можно, если принять во внимание комплекс характерных свойств (устность, коллективность, народность, вариантность и др.).

Фольклор видоизменяется под натиском современной культуры, приобретая формы вынужденного трансформированного искусства. Хотя условия бытования фольклора меняют свою среду обитания и бытовую значимость, они несут в себе зерно мудрости и духовности. Рассмотрение отличий фольклора от современного музыкального творчества строится на серии противопоставлений (природа бытования, стилистические различия, соотношение традиций и новаций, природа творчества, форма существования). Анализ этих противоречий позволяет говорить о том, что современная профессиональная музыкальная культура, доминируя новациями и отличающаяся индивидуализмом, все больше отдаляется от подлинного народного творчества. Фольклор при всем своем многообразии и богатстве красок служит лишь основой современного искусства.

Н. П. Трегулова,
старший преподаватель кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Становление профессиональной музыкальной культуры Мордовии

Мордовское профессиональное музыкальное искусство тесно связано с народными истоками. Становление профессиональной музыки происходило одновременно со становлением мордовской музыковедческой науки, изучением народного музыкального искусства. Вся история развития мордовской профессиональной музыки — это история постижения композиторами специфики традиционной культуры мордовского народа, овладения своеобразием музыкального языка.

На раннем этапе мордовские композиторы, как правило, не выходили за рамки народных мелодий. Они вводили в свои сочинения народные напевы почти в нетронутым виде. Стремление воспроизвести с максимальной точностью главные стилевые черты традиционного фольклора было необходимо для постижения национальной специфики.

Сегодня в связи с развитием профессионального музыкального искусства актуальна подготовка специалистов по разным видам музыкально-творческой деятельности, которые обладают глубокими знаниями в сфере традиционной мордовской музыкальной культуры и могут органично и талантливо претворять их в современных формах искусства. Важной задачей остается и дальнейшее исследование музыкального наследия мордовского народа, где еще много неизученного. На современном этапе требуется научное переосмысление многих положений о его природе и специфике.

Не менее актуальной задачей является и изучение творчества композиторов, исполнительских коллективов и солистов, а также деятельности учреждений культуры и образования для того, чтобы выявить все позитивное и ценное, что может служить прочной основой для дальнейшего развития культуры Мордовии.

Специфика традиционного мордовского музыкального искусства позволяет выявить сложные творческие процессы, происходящие в нем. Направления художественных устремлений, методы работы с традиционным мелосом об-

условливались многими объективными и субъективными факторами, среди которых важными были сложившиеся на том или ином историческом этапе научные представления о традиционной музыке народа. Именно национальная почвенность, проникновение композиторов в тайны традиционного музыкального искусства определяют глубину, масштабность их творчества, его значимость и востребованность. Успехи композиторов Мордовии во многом обусловлены их интересом к народной музыке и феноменальным богатством мордовского народного музыкального искусства.

Э. Н. Киласония,
доцент кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
кандидат искусствоведения

Этническое своеобразие музыкальной культуры мордвы

Этническое своеобразие музыкальной культуры, обусловленное социальной историей того или иного этноса, имеет большую устойчивость. Веками в культурах удерживаются одни и те же концептуальные представления о сущности музыки, ее значении и соотношении с другими видами искусства. Этническая музыкальная культура обусловлена общностью происхождения людей (кровным родством) и совместно осуществляемой хозяйственной деятельностью. Специфика музыкальной культуры мордовского народа состоит в том, что ее важной частью является традиционная обрядность. Основным занятием мордвы издревле было земледелие, поэтому главное место занимали обряды земледельческого цикла.

Этническое своеобразие музыки мордвы заключается в ладовости (ангемитоника и гемитоника), мелодике (выразительность, специфичность) и интонационности (особо построенные интервальные попевок в объеме кварты, квинты, сексты). Мордовские песни многоголосны и исполняются в открытой певческой манере. Важным средством выразительности является ритм, который акцентируется при топтыванием и прихлопыванием. Исполнение мордовских песен включает в себя элементы театрализации. Большое значение имеет народный мордовский костюм, состоящий из

различных ярких специфических деталей: несколько одетых друг на друга платьев, шейных (монисты) и поясных (пулай с колокольчиками) украшений, сапогов из грубой кожи. Такой громоздкий наряд утяжеляет пение, но не лишает его своеобразия.

Проблема изучения этнического своеобразия музыкальной культуры мордвы обусловлена тем, что в связи с усилением процесса глобализации национальная музыкальная культура, опирающаяся на литературу, музыку и др., постепенно исчезает и вытесняется «псевдокультурой», часто не имеющей никакой ценности.

Этническая специфика музыкальной культуры мордвы состоит еще и в том, что музыка имеет эстетическое, а также практическое значение. Этнический характер искусства — это традиция, создаваемая народом и его видными представителями, традиция, в которой отражается мышление, мироощущение и характер этноса.

Народная музыка в образовательном и исполнительском пространстве финно-угорского мира: опыт и перспективы

Л. Р. Мухаева,
доцент кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
кандидат культурологии

Театральные формы как средство этнохудожественного воспитания и обучения (из опыта работы детских музыкальных школ г. Саранска)

Современное образование — один из наиболее мощных институтов моделирования будущего, поэтому ведется поиск новых путей этнохудожественного воспитания подрастающего поколения. Педагоги, ученые, творческие люди ищут ответы на вопросы, как и какими методами заинтересовать молодежь народными традициями, поднять их духовный уровень.

Известно, что на разных этапах развития культуры есть периоды, когда привычные формы художественно-творческой деятельности уже не отвечают требованиям изменившейся ситуации. Сегодня сформировался иной культурный фон, синтезирующий эстрадное искусство и телевизионное шоу.

Другой стала и социокультурная среда, сменился ее «код» (система знаков общения с аудиторией). Зрелищность сегодня — это понятие, через которое современная культура входит в искусство и делает его понятным, доступным для восприятия. Поэтому наиболее перспективным направлением в развитии теории и практики этнообразования на современном этапе является создание оптимальной модели педагогического процесса с элементами театрализации. В связи с этим показателен опыт работы педагогических коллективов образовательных учреждений дополнительного образования детей г. Саранска.

Первое в Республике Мордовия музыкально-театральное отделение на базе детской музыкальной школы № 7 создано в 1997 г. (сегодня — ДШИ № 7). Творческий «багаж» театрального коллектива школы составляет несколько десятков музыкальных спектаклей. Результатом накопленного опыта работы стал мини-спектакль детского коллектива «Волшебники» «Волшебная сметана» на III городском фестивале-конкурсе театров малых форм «Сохраним этот мир», посвященном 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства. Жюри отметило спектакль особым призом «За сохранение национальных традиций».

В 2009/10 учебном году в детской музыкальной школе № 4 создан фольклорный театр «Тейтерень морсемат» («Девичьи песни»). Уже в первый год своего существования он неплохо зарекомендовал себя посредством музыкально-театральной постановки «Эрямо ки» («Жизненный путь»), посвященной быту и обрядам мордовского народа. В 2010/11 учебном году фольклорный театр дебютировал со спектаклем «Роштовань кудо» («Рождественский дом»), который показан на многих сценических площадках г. Саранска и за его пределами. В 2012 г. коллектив театра занял I место на III городском фестивале-конкурсе театров малых форм «Сохраним этот мир», где представил новую работу «Эрзянь-мокшень свадьба».

Безусловно, такое воссоединение музыкального фольклора с театральными формами перспективно: во-первых, театрализация позволяет юным артистам показывать богатый образный мир народной песни, зритель же может наблюдать ее в движении, а не только воспринимать ее как «сфотографированную» плоскость; во-вторых, сюжетно-

ролевые, народные, театральные игры и сказки содержат яркий материал для развивающей работы с детьми, где в мире образов и чувств созданы условия для понимания эмоционально-ценностного смысла общекультурных норм и правил. Таким образом, объединяясь с элементами театра, фольклор становится не только средством воздействия, но и воспитания подрастающего поколения.

Ю. Л. Колесникова,
старший преподаватель кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Актуализация музыкально-творческого потенциала студентов в процессе изучения культуры финно-угорских народов

В эпоху инноваций главная задача образовательного процесса — подготовка творчески мыслящей личности, стремящейся к совершенству и способной принимать нестандартные решения, выходить за рамки традиционных подходов. В связи с этим появляются новые образовательные технологии и модернизируются существующие.

Поступая в университет, человек имеет определенные возможности для овладения культурой музыкального творчества. В современных условиях главной проблемой музыкально-профессионального обучения становится поиск, изучение, разработка и организация такого образовательного процесса, педагогическая система которого отвечала бы логике развития потенциально имеющихся возможностей и способностей студентов до уровня музыкально-творческой профессиональной деятельности. Образовательные технологии такой педагогической системы были бы технологиями качественного преобразования личностно-творческого потенциала студента, основанного на логике профессионального роста и самосовершенствования.

Проблема творчества личности интересует исследователей со времен античности до настоящего времени. Бытует мнение, что до XX в. этой проблемой занимались преимущественно философы. XX в. характеризуется появлением большого количества крупных исследований в области творчества

(Дж. Гилфорд, П. Ф. Кравчук, Я. А. Пономарев, С. Л. Рубинштейн, Е. П. Торранс). Разрабатываются педагогические и психологические методики диагностического характера по выявлению и развитию творчества личности, формируются различные подходы к изучению этой проблемы.

Образовательная деятельность студентов по специальности «музыкальное искусство» Института национальной культуры Национального исследовательского Мордовского государственного университета связана с изучением музыкальной культуры народов финно-угорского мира. Студенты принимают участие в полевых экспедициях, знакомятся с бытом и традициями финно-угорских народов. В составе концертных коллективов они исполняют как авторские, так и оригинальные произведения традиционной культуры.

Основная проблема заключается в том, какими образовательными технологиями обеспечить продуктивный характер музыкально-творческой деятельности студентов, каким образом способствовать актуализации их музыкально-творческого потенциала. Задачей преподавателя является не только выявление исходного творческого потенциала студента, но и создание благоприятных условий для формирования творческого подхода в образовательной деятельности.

Т. В. Тюркина,
доцент кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Творчество С. Я. Терханова: традиции и новаторство в композиторской и исполнительской практике

Творчество композитора Республики Мордовия С. Я. Терханова — яркий образец органичного синтеза традиций и новаторства, творческого преобразования и переосмысления стилевых исканий, характерных для музыки XX в. Личностные свойства творческого мышления композитора предопределили систему выразительных средств музыкальной мысли и композиционных приемов, направленных на проникновение в тончайшие сферы психологии человека.

Произведения С. Я. Терханова, исполняемые на фестивалях, конкурсах, авторских и студенческих концертах, представляют интерес с позиции сложного эмоционального

воздействия на слушателей, а также решения художественных задач. Творческое прочтение его сочинений возможно при наличии у исполнителей определенных психологических свойств, позволяющих чутко реагировать на изменения эмоционального состояния, на трансформации в «стереостилем» музыкальном языке композитора.

Сочинения С. Я. Терханова привлекают внимание многих исполнителей и часто звучат в концертных программах республики и за ее пределами. Так, репертуар Государственного камерного хора Республики Мордовия включает такие духовные произведения, как «Молитва ко Пресвятой Богородице», «Молитва Господня». Камерно-инструментальное наследие композитора, тяготеющее к специфической программности, звучит в исполнении камерного оркестра Мордовской государственной филармонии («Ожидание», «На закате», «Родное» и т. д.). Для раскрытия многогранного содержания триптиха («Трубушка», «Из-за лесу», «Как по ельничку») в исполнении студентов Саранского музыкального училища привлекаются выразительные возможности современного музыкального языка с использованием сонорных эффектов, дифференцированного прослушивания фактурных пластов.

Раскрытие сложного психологического мира современного человека позволяет композитору выразить свои мысли о судьбах человечества, обогатить духовный мир современников и расширить их представления о действительности.

Проблема «фольклор и композитор» в музыкальной культуре

Е. В. Герасимова,
старший преподаватель кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

О некоторых стилевых особенностях фортепианного творчества Я. Сибелиуса

Фортепианные произведения Я. Сибелиуса — заметная часть его творческого наследия. Он заложил основы фортепианной стилистики, вобравшей в себя мелодизм и художественно-образный строй финской народной музыки, в том числе рунической культуры, музыкально-эстетические

концепции европейского классицизма, позднего романтизма и импрессионизма. На идейно-образные концепции фортепианных произведений композитора наложил отпечаток литературный эпос Э. Леннрота «Калевала», ставший во второй половине XIX в. духовным символом финской литературы и искусства.

Фортепианное творчество Я. Сибелиуса, мало известное в России, включает в себя обширный круг произведений: сонату F-dur (ор. 12); три сонатины (ор. 67); циклы миниатюр (более 120 пьес), в том числе фортепианный цикл «Кюллики» (ор. 41); обработки шести напевов финских народных песен и фортепианные переложения ряда оркестровых пьес, первоначально созданных композитором для драматических спектаклей. Фортепианные сочинения Я. Сибелиуса представлены различными жанрами: песней, романсом, вальсом, экспромтом, юмореской, новеллеттой и др. Образная сфера произведений связана с духовными константами финской культуры: образы священных деревьев (пьесы «Береза», «Ель» и др.), почитаемых цветов и трав («Гвоздика», «Львиный зев», «Колокольчик» и др.), героев «Калевалы» (например, «Кюллики» — образ девушки из 11 и 12 рун).

Несколько в стороне от образного строя большинства фортепианных пьес находится популярное переложение оркестрового эпизода из музыки к драме А. Ярнефельта «Kuolema» («Смерть», ор. 44), написанного в форме медленного вальса. В связи с образно-тематическим и жанровым особенностям пьеса получила название «Грустный вальс». Композитор в этом сочинении поднимает одну из вечных философских проблем — проблему жизни и смерти, в значительной степени присущую не только христианству (в том числе лютеранской гимнографии), но и мифологическим концепциям финно-угорского эпоса. В выборе музыкально-выразительных средств пьесы композитор опирается на стиливые элементы сарабанды (средневековый народный погребальный танец), получившей большую популярность у композиторов-полифонистов.

Изучение фортепианной музыки Я. Сибелиуса может выявить и другие аспекты, теоретическое осмысление которых важны для дальнейшего развития современной инструментальной музыки финно-угорских композиторов.

Т. Н. Гулая,

доцент кафедры народной музыки

Национального исследовательского

Мордовского государственного университета,

кандидат культурологии

Национальные истоки музыкального языка в фортепианных циклах композиторов Мордовии

Фортепианные произведения композиторов Мордовии — одна из страниц профессиональной музыкальной национальной школы, где нашел свое место народный песенный мелос и инструментальные наигрыши мордвы. Многие произведения для фортепиано имеют программный характер, а ряд пьес объединяются в циклическую форму.

Одним из первых композиторов Мордовии, обратившихся к созданию фортепианного цикла, стал Л. П. Кирюков. Пьесы цикла «Одиннадцать фортепианных миниатюр» — своеобразный калейдоскоп настроений, где представлена спокойная созерцательная лирика («Элегия», «Прелюдия», «Утро», «Весенние отзвуки»), миниатюрные жанровые сценки («Праздник в Пимбуре», «Хороводная пляска», «Кштима»), миниатюры в стиле народных песен («Мордовская протяжная песня», «Мордовская свадебная песня»).

Идея создания триптиха «Музыка на скульптуры С. Д. Эрзэй» возникла у Г. Г. Вдовина как эмоциональный отклик на работы мордовского скульптора. «Моисей», «Грезы», «Танец» — звуковая проекция образов, запечатленных С. Д. Эрзэй в дереве. Специфические музыкальные средства в произведениях (ангемитонный мелодизм, метроритмическая свобода развития музыкального материала, кварто-квинтовые и большесекундовые гармонические созвучия) указывают на национальные истоки музыкального языка композитора.

«Женская тема» творчества мордовского скульптора находит свое место в фортепианном цикле Н. В. Кошелевой «Женские портреты» («Утро», «Юность», «Любовь», «Портрет матери»). Музыкальный материал произведений насыщен фольклорными элементами. В создании музыкальных образов большую роль играет характерная для мордовской музыки ангемитоника, ладовая переменность, а также гармоническая вертикаль голосов фортепианной фактуры, представленная диссонантными созвучиями (кварты, секунды).

Г. Г. Сураев-Королев продолжил традиции основоположников мордовской профессиональной музыки, обогатив музыкальный язык элементами джаза, рок-музыки. В фортепианном цикле «Десять прелюдий-импровизаций» представлен синтез современных ритмов с народными мордовскими интонациями.

Интересен фортепианный цикл Н. Н. Митина «Десять прелюдий». В современном видении композитора романтический жанр «прелюдия» предстает в спектре новых выразительных и формообразующих средств, проникнутых духом музыки XX в. с ее завоеваниями в области гармонии, формы, тематического развития и фактуры.

Композиторами Мордовии создано также немало произведений для юных исполнителей. К детской аудитории обращается Н. И. Бояркин. Циклы «Ютазде лецтнемат» («Воспоминания о прошлом») и «Четыре пьесы для фортепиано» («Песня», «Пряха», «Рекрутская», «Сельский праздник») составляют яркие жанровые образцы, сочетающие традиционный народный мелос и инструментальные наигрыши мордвы.

Цикл Г. Г. Вдовина «Восемь пьес для фортепиано» — своеобразный «словарь настроений», раскрывающий перед слушателем мир детства с яркими эмоциональными переживаниями, фантазийным восприятием мира. «Портреты» — музыкальные образы великих художников («В. Моцарт», «Р. Шуман», «П. Чайковский», «Б. Барток», «С. Прокофьев»), стилизация идейных, интонационно-мелодических, фактурных особенностей творчества композиторов.

Можно наблюдать, что пьесы фортепианных циклов различаются по стилистике, жанровой принадлежности, композиционной структуре. Однако объединяющим началом сочинений являются глубоко национальные истоки музыкального языка композиторов с устойчивыми ладово-интонационными (ангемитоника) и гармоническими (кварто-квинтовые и большесекундовые созвучия) образованиями, свободной темпоритмической организацией.

Л. В. Княкина,
старший преподаватель кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Стилевые особенности хоровых обработок Г. Г. Вдовина

Творчество Г. Г. Вдовина, композитора, собирателя и исследователя мокшанского и эрзянского фольклора, педагога и музыкально-общественного деятеля Республики Мордовия, отличается глубиной и значительностью эмоционально-образного содержания, совершенством художественной формы, ярким своеобразием национального музыкального языка. Его наследие в области театральной, симфонической, вокально-хоровой и камерно-инструментальной музыки во многом определило характер развития профессиональной музыки Мордовии второй половины XX в. В его творчестве представлены не только национальные музыкальные традиции мордвы, но и специфические черты фольклора финно-угорских и славянских народов России и зарубежья.

Народная музыка, отражающая ментальные характеристики карельского, финского и марийского этносов, является первоисточником многих сочинений Г. Г. Вдовина. Аранжировки песенных образцов карельского и финского фольклора «Руна», «Роза в долине», «Веселый пастух», «Полька», «Наши ценности» (из сб. «54 Suomalaista Kansanlaulua» А. Маасало, 1957) композиционно выстраиваются автором в хоровой цикл. Сохраняя авторскую гармонию А. Маасало и О. Мериканте как необходимый стилистический компонент прибалтийско-финской вокальной и инструментальной музыки (народной и профессиональной), композитор привносит в исходный тематический материал оригинальные, обусловленные особенностями русской и европейской хоровой культуры, черты.

В середине 90-х гг. XX в. композитором созданы «Три обработки марийских свадебных песен» для смешанного хора «Элнет гына марийын олыкешыже» («Над Ильнетью, над рекой»), «Сяан толеш, сцй толеш» («Свадьба едет»), «Лудыж дене комбыжын» («Как утка с гусем»), которые представляют собой образцы органичного синтеза национально-этнической сущности первоисточника и специфических приемов мордовского вокального многоголосия. Музыкальный материал обработок «Свадьба едет» и «Как утка с

гусем» является результатом творческой трансформации одноголосного напева марийских народных песен. Композитор сочетает унисонное и октавно-унисонное звучание с многоголосным, применяет типичные для мордовской народной музыки обращения квартаккордов, сохраняет унисоны в кадансовых оборотах.

В обработке исходного фольклорного материала «Над Ильнетью, над рекой» привлекаются различные интонационно-мелодические, ладовые и фактурные средства развития музыкального материала: в ангемитонику вводятся диатонические сопряжения, разнообразнее становится динамическое звучание и хоровая фактура в целом, одноголосный мотив первоисточника трансформируется в развитую структуру подголосочного склада.

Таким образом, рассматриваемые произведения композитора представляют собой яркие образцы взаимодействия и взаимообогащения музыкальных языков этнически родственных культур.

С. В. Колесникова,
доцент кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Вокальная музыка Г. Г. Вдовина: национальный аспект

Г. Г. Вдовин — основоположник таких вокальных жанров мордовской профессиональной музыки, как хоровой концерт и вокальный цикл. Вокальная музыка композитора — это фундаментальный пласт его творчества, в котором жанровое многообразие представлено произведениями крупных и малых форм: две оперы, оперетта, музыкальная драма, шесть кантат, вокальные циклы, вокальные триптихи, романсы и песни (песни-баллады, песни-монологи), обработки народных песен (мордовских, русских, марийских, удмуртских, финских, эстонских и др.). При их создании композитор обращается к сюжетам и образам традиционной поэзии, а также к текстам поэтов России (Е. А. Евтушенко, А. А. Прокофьев, Б. В. Соколов, Л. М. Талалаевский и др.) и Мордовии (П. У. Гайни, И. А. Калинин, Р. С. Кемайкина, П. К. Любаев, С. М. Люлякина, Н. Ф. Мокшин, А. И. Пятайкин, И. Д. Пиняев, Я. М. Пинясов, Н. Л. Эркай и др.).

Особенностью музыкального языка вокальных сочинений, как и других жанров, является не только цитирование характерных для мордовского мелоса интонаций, но и создание автором собственных интонаций, тождественных традиционным. По этому поводу сам композитор отмечает, что ему «захотелось изучить песню настолько хорошо, чтобы самому свободно сочинять в том же духе, то есть по-народному, не прибегая к цитированию. Иногда при создании вокальных произведений я обращаюсь к текстам народных песен, чтобы с помощью музыкально-выразительных средств, подчас самых современных, написать сочинение на эту тему, сюжет, на эту идею»¹.

Вокальная музыка Г. Г. Вдовина имеет музыкально-художественную и эстетическую ценность, востребована в профессиональной и учебной исполнительской практике. Она отличается «индивидуальным композиторским языком, требующим от исполнителей глубинного постижения авторского замысла»². В своем творчестве композитор обращается к традициям финно-угорских и поволжских народов. Н. И. Бояркин определяет, что наиболее важные стилевые особенности музыки композитора — это «новаторство и опора на традиционный мелос, не только мордовский, но и шире: мелос как основу разных этнических и полиэтнических исканий»³.

Таким образом, можно говорить о том, что вокальное творчество Г. Г. Вдовина отличается оригинальным синтезом многовековых музыкально-эстетических традиций мордовского народного искусства и достижений европейской композиторской школы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Макарова А.И. Вариации на одну тему // Гавриил Вдовин: постижение мастерства: сб. ст. и материалов (к 65-летию композитора) / авт.-сост. и отв. ред. Н.М. Ситникова. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2006. С. 201.

² Молоствовова И.Е. Под знаком Вдовина // Там же. С. 169.

³ Бояркин Н.И. Проблемы стиля в творчестве Г. Вдовина // Там же. С. 15.

И. Г. Коленченко,
аспирант Российской академии музыки им. Гнесиных (г. Москва)

Преломление жанра духовного стиха в творчестве Н. А. Римского-Корсакова

Жанр духовного стиха привлек внимание композиторов уже на раннем этапе развития фольклористики (сборники К. Данилова, Н. А. Римского-Корсакова, Т. И. Филиппова, М. А. Балакирева, Ю. Н. Мельгунова, А. К. Лядова). Обращение отечественных авторов к жанру духовного стиха обнаруживает подлинный интерес к этому древнейшему пласту фольклора, отразившему нравственно-философские воззрения народа. В произведениях русских композиторов-классиков посредством воссоздания образной сферы духовных стихов передаются основы народной этики.

Мелодическая составляющая стихов стала богатым материалом для воссоздания композиторами исторической атмосферы и передачи жанровой специфики, однако в подходе к их претворению проступают явные различия. Н. А. Римский-Корсаков, А. С. Аренский, А. К. Лядов цитируют и обрабатывают музыкальный материал, тогда как М. П. Мусоргский его стилизует и преобразовывает. В творчестве отечественных композиторов XX в. эти подходы получают дальнейшее развитие.

Особое место духовные стихи занимают в песенных собраниях Н. А. Римского-Корсакова («Сто русских народных песен» и «40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым»). Композитор использовал этот жанр в своих сочинениях. Впервые он обратился к нему во время работы над второй редакцией «Псковитянки»¹, где приводится духовный стих «Алексей Божий человек». Римский-Корсаков так писал об этом в своей «Летописи»: «Балакирев настаивал на том, чтобы в 4-м действии, в 1-й картине которого дело происходит в виду Печерского монастыря, я вставил хор калик перехожих в виде песни об Алексее Божьем человеке. Напевом должна была служить подлинная мелодия этого стиха из сборника Т. И. Филиппова»². Благодаря введению в начале картины у Печерского монастыря хора калик перехожих передается историко-социальный колорит.

Напев этого духовного стиха композитор использовал еще дважды: в симфонической сюите «Музыка к драме Л. Мея „Псковитянка“» (1877) и кантате «Стих об Алексии Божьем человеке» для мужского хора и симфонического оркестра (1878). Для воссоздания соответствующей исторической обстановки Н. А. Римский-Корсаков ввел подлинные напевы в оперы «Садко» и «Сказание о невидимом граде Китеже». В 4-й картине «Садко» используется эпический по характеру «Стих о Голубиной книге», который звучит в хоре калик перехожих, а во II действии «Сказания о невидимом граде Китеже» композитор цитирует поминальный стих «Да помянет Господи» в хоре нищей братии «Кормильцы вы, милостливые»³.

Следует отметить, что в обращении Н. А. Римского-Корсакова к жанру духовного стиха прослеживается единый подход. Композитор всегда использует подлинный напев как завершенную музыкальную тему, а затем определенным образом развивает ее, сохраняя при этом первоначальный художественный образ. Во всех вышеприведенных примерах духовный стих вложен в уста калик перехожих (нищей братии) — той социальной группы, в которой он бытовал в предшествующую эпоху.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Теплова И.Б. Духовный стих «Алексей Божий человек» в творчестве Н.А. Римского-Корсакова. URL: <http://ruskiydom.spb.ru/index.php/2011-06-06-14-36-30/9-1-r> (дата обращения: 17.03.2012).

² Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1982. С. 133.

³ См.: Бачинская Н.М. Народные песни в творчестве русских композиторов / под ред. Е.В. Гиппиуса. М., 1962. С. 88—89.

О. В. Жесткова,
доцент кафедры истории музыки
Казанской государственной консерватории им. Н. Г. Жиганова,
кандидат искусствоведения

Национальная история и ее воплощение во французской большой опере

Многие из опер, которые предназначались для Королевской академии музыки в Париже в течение нескольких лет

до и после Июльской революции, создавались на сюжет, основанный на социально-переломных событиях средневековой истории эпохи Возрождения. Романтическое искусство Франции проявило увлеченность кризисными моментами, когда были актуальны вопросы статуса нации. Такую увлеченность следует контекстуализировать с точки зрения европейского национализма и романтического историзма.

Проблема государственности получила наиболее наглядное воплощение в текстах либретто больших французских опер. Первым образцом этого жанра стала опера «Немая из Портичи» (1828) на либретто Э. Скриба и музыку Ф. Обера. В основе сюжета лежит восстание неаполитанцев под предводительством рыбака Мазаньелло против испанских угнетателей, произошедшее в 1647 г. С этой оперы тема национальной трагедии становится основополагающей для большой оперы.

Исторически переломный момент отражен в опере «Вильгельм Телль» (1829) Дж. Россини (либретто Э. Жуи и И. Би) по мотивам одноименной пьесы Шиллера, где повествуется о рождении Швейцарии как нации в XIII в. Как и в «Немой из Портичи», здесь изображен бунт угнетенного народа против диктата иностранных правителей. Любви австрийки Матильды и швейцарца Арнольда препятствует национальный конфликт. Личное и политическое — не только параллельные сюжеты, которые переплетаются в драматической дилемме любви и долга, но и стремление героев достичь национальной самоидентификации.

Сотрудничество Скриба и Обера продолжилось в опере «Густав III» (1833). В либретто абсолютно точно указаны место (Стокгольм) и время действия (15 и 16 марта 1792 г.). Авторы снова прибегают к сюжетному взаимообогащению любовной линии (между королем-композитором Густавом и Амелией, женой его лучшего друга Анкарстрема) политическим заговором против короля. Хотя король и отказывается от грешных помыслов, предсказание мадам Арвидсон исполняется, когда Анкарстрем стреляет в него.

Проблема национальных, а также религиозных различий усиливается в либретто, которое Скриб написал для «Жидовки» (1835) Ф. Галеви. Действие происходит в Швейцарии во время Констанцского собора в 1414 г. и сосредоточено на трагической любви христианина Леопольда, который

из-за ненависти еврея Элеазара к христианам выдает себя за иудея, для того чтобы видеться с его дочерью Рахиль. Жертвенная смерть невинной Рахиль является следствием религиозной и национальной нетерпимости.

Проблеме угрозы национальной безопасности французского государства посвящена одна из ярчайших больших опер — «Гугеноты» (1836) на либретто Э. Скриба и музыку Дж. Мейербера. Сюжет произведения выстраивается вокруг массового убийства католиками гугенотов в Париже в Варфоломеевскую ночь 24 августа в 1572 г. и возвращается к теме сосуществования врагов, которые различаются не только по этническим, но и по религиозным признакам.

Таким образом, в приведенных примерах большая опера опирается на национальную историю, вдыхая жизнь в прошлое нации на разных художественных уровнях. Символическая роль большой французской оперы заключается в защите наследия нации как «сокровищницы» исторических примеров, формирующих национальное самосознание людей XIX в.

АННОТАЦИИ

Г. Р. Ростом. Уровень развития различных форм организации пространства в регионе.

В статье рассмотрено, как на территории Липецкой области выделяются пространства, различающиеся по функциональному признаку и представляющие собой различные формы организации пространства.

К. А. Сулимко. Ресурсный подход к экономическому районированию в контексте стабильного социально-экономического роста.

Описывается современный подход к экономическому районированию страны, предлагается метод обобщенной оценки изменений нематериальных ресурсов в регионе в контексте достижения стабильного социально-экономического развития.

И. В. Морозов. Принципы формирования сетевых структур на региональном уровне.

Даны особенности формирования сетевых структур по признаку территориальной близости, которые являются основой для построения стратегии регионального экономического развития.

И. Ф. Дедкова, Т. И. Петрова, А. В. Махортова. Воспроизводственная структура человеческого капитала в экономическом пространстве региона.

В статье рассмотрена воспроизводственная структура человеческого капитала. Особое внимание уделено анализу воспроизводства человеческого капитала в Краснодарском крае, сделаны выводы о необходимости дальнейшего увеличения инвестиций во все его элементы.

Н. Н. Бутрюмова, Д. В. Сидоров. Проблемы привлечения финансирования в инновационные компании на ранних стадиях их развития в регионе.

В статье даны результаты исследования проблемы привлечения финансирования в инновационные компании на ранних стадиях их развития. Даны рекомендации по решению выявленных проблем.

Д. В. Кормишкин. Организация маркетингового планирования на предприятии строительной индустрии региона.

В статье предпринята попытка обосновать необходимость организации стратегического планирования маркетинга. В качестве примера выбрано ОАО «Мордовцемент», одно из крупных предприятий России.

А. М. Тиньгаев, С. С. Артемьева. Основные рыночные тенденции кластера региона «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением».

Рассмотрены основные тенденции развития рынка организаций-участников инновационного территориального кластера Республики Мордовия «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением». Сделан вывод, что реализация крупных инвестиционных проектов будет способствовать расширению рынков сбыта и позволит существенно увеличить объемы производства.

Л. А. Карякина. Методы анализа факторов инновационного развития региона.

Предпринята попытка рассмотреть методы анализа факторов инновационного развития, а также раскрыть возможности их использования при формировании инновационного климата в регионе.

И. В. Сокольник. Современные тенденции и проблемы развития рынка услуг высшего профессионального образования.

В статье анализируются периоды развития рынка услуг высшего профессионального образования в России. Для каждого периода характерны свои особенности, тенденции и проблемы.

Н. В. Ивашкина. Организационные формы взаимодействия государственных и общественных институтов по формированию и развитию этнокультурного образования в регионе.

В статье охарактеризованы различные организационные формы взаимодействия государственных и общественных институтов по формированию и развитию этнокультурного образования в регионе.

Н. В. Шумкова. Формирование этнокультурной идентичности в системе дошкольного образования.

Обоснована необходимость формирования этнической идентичности детей в рамках системы дошкольного образования.

М. А. Капаев. Специфика этнокультурного компонента в системе среднего профессионального образования.

Рассмотрена специфика этнокультурного компонента в системе среднего профессионального образования. Представлены показатели его эффективности.

Л. И. Савинов. Социология закономерностей социальных систем.

В статье выявляются социологические аспекты изучения проявления закономерностей социальных систем.

А. Н. Ершов, А. П. Кулапин, А. А. Салатова. Социологические аспекты управления в условиях нестандартной занятости.

Предпринята попытка типологизации людей, предпочитающих нестандартную занятость. Выявлены причины, побуждающие людей выбирать ненормированный рабочий день и свободный график работы.

О. С. Чернявская. Размещение горожан в пространстве социальных связей.

Дан анализ процесса включения жителей г. Нижнего Новгорода в пространство различных социальных связей.

О. В. Салмова. Социологический портрет торговцев городских рынков региона.

Представлен социологический портрет торговцев городских рынков Республики Мордовия, дана их типология на основе мотивации занятости, выявлены их социально-психологические характеристики и статусные противоречия.

Ж. В. Чернова. Восприятие мер семейной политики и потребности семей в государственной поддержке.

На основе результатов социологического исследования, проведенного в Санкт-Петербурге и Ульяновске, дан анализ потребностей семей в господдержке и восприятия мер проводимой государством семейной политики.

Л. И. Ватанина. Сельское население региона в конце XX — начале XXI в.: социокультурный аспект.

На примере с. Старые Найманы Большеберезниковского муниципального района Республики Мордовия рассмотрено современное состояние повседневной жизни сельского населения.

Н. Н. Азисова, О. А. Богатова. Проблемы гармонизации взаимодействия этнокультурной политики, религиозности и светских культурных ценностей в современном эрзянском обрядовом празднике.

В статье анализируется взаимодействие религиозности и этнокультурной политики в контексте мировых процессов политизации современной религиозности на примере эрзянских постсоветских обрядовых праздников в Республике Мордовия.

М. В. Мосин, Т. М. Шеянова. Из истории создания терминологии в мордовских языках.

В статье представлена история разработки принципов и способов терминосистемы мордовских языков, дан анализ материалов языковых

научных конференций XX в. и исследовательских работ, посвященных созданию терминологии мокшанского и эрзянского литературных языков.

А. Н. Ракин. Этимологизация заимствованной лексики коми языка.

Работа посвящена этимологизации заимствованной лексики, использованной авторами «Краткого этимологического словаря коми языка». Анализируемый материал относится к различным типам заимствований, проникновение которых в коми язык происходило на разных этапах его развития.

Д. В. Цыганкин. Этимологически общие уральские именные и глагольные основы в мордовских и ненецком языках: сравнительный анализ.

Дан сравнительный анализ этимологически общих уральских именных и глагольных основ в мордовских и ненецком языках.

Е. Н. Мокшина. Историография религиозной жизни мордовского народа.

Дан историографический анализ религиозной жизни мордовского народа с раннего средневековья и до современности. Отмечается, что интерес к изучению самобытных религиозных верований и обрядов мордвы, ее христианизации проявляют многие исследователи.

Н. С. Савкин. Философская интерпретация языка культуры региона.

Анализируются проблемы объективации ментальности в регионе, соотношение сознания и души, формирование второй природы (технической среды), наполненной человеческим смыслом.

П. А. Баёв, А. В. Кобжицкий, А. А. Надольная. Атеистическое мировоззрение личности в условиях социальной дезорганизации.

На примере анализа прессы за последние 30 лет рассматривается трансформация атеистического мировоззрения личности в эпоху социальных потрясений. Делаются выводы о месте атеистического мировоззрения в процессе интеграции общества.

Круглый стол «Этическая мысль в регионе».

Обсуждаются различные этические проблемы, анализируется процесс становления этической мысли в Республике Мордовия.

П. Е. Ежов. Институционализация социальной системы правовой регуляции экологической деятельности в регионе.

Рассматриваются вопросы экологической безопасности государства на региональном уровне. Отмечается особое значение экологического контроля.

Н. П. Ледовских. Православная самоидентификация: ценностная эволюция в истории русской культуры.

Анализируется эволюция отношения общественного сознания россиян к православной вере и церкви как социальному институту.

Ю. В. Инюшкина. Авторская песня в Пензенской области.

Статья посвящена авторской песне как особому музыкально-поэтическому явлению, а также знакомству с творчеством бардов Пензенской области.

Материалы семинара «Народная музыка на современной концертной эстраде и в образовании».

Определяются различные подходы и методики изучения традиционной музыкальной культуры финно-угорских народов, способов и форм ее превращения в современном композиторском и исполнительском творчестве.

ANNOTATIONS

G. R. Rostom. Development Level of Different Forms of Space Organisation in the Region.

The way spaces differing in functional characteristics and representing different forms of space organisation in the territory of the Lipetsk Region is considered in the article.

K. A. Sulimko. Resource Approach to Economic Regionalism in the Context of Stable Social and Economic Growth.

Modern approach to economic regionalism in the country is described. The method for generalised estimation of non-material resources changes in the region in the context of the achievement of stable economic and social development is offered.

I. V. Morozov. Principles for Net Structures Formation in the Regional Level.

Peculiarities for net structures formation by the territorial proximity characteristics representing the basis for the regional economic development strategy formulation are presented.

I. F. Dedkova, T. I. Petrova, A. V. Makhortova. Reproduced Human Capital Structure in Economic Space in the Region.

Reproduced human capital structure is considered in the article. Special attention is paid to the analysis of the reproduced human capital structure in the Krasnodar Region. The conclusions on the necessity in the further increase in investments into all its elements are made.

N. N. Butryumova, D. V. Sidorov. Problems in Financing Attraction into Innovative Companies in the Early Stages of their Development in the Region.

The results of the research of the problem of attracting financing into innovative companies in the early stages of their development are presented in the article. Recommendations for the problems solution are offered.

D. V. Kormishkin. Marketing Planning Organisation at Regional Construction Industry Enterprise.

An attempt to substantiate the necessity for marketing strategic planning organisation is made in the article. JSC «Mordovcement», one of the largest enterprises in Russia, has been chosen as example.

A. M. Tingaev, S. S. Artemyeva. Basic Marketing Tendencies of Regional Cluster «Energy-Efficient Lighting Engineering and Intellectual Lighting Management Systems».

Basic tendencies in the development of the market of organisations-participants of innovative territorial cluster of the Republic of Mordovia «Energy-Efficient Lighting Engineering and Intellectual Lighting Management Systems» are considered. The conclusion that implementation of large investment projects will promote sales market development and allow to considerably increase production volumes is made.

L. A. Karyakina. Methods for Regional Innovative Development Factors Analysis.

An attempt to consider the methods for innovative development factors analysis as well as to uncover opportunities for their application in the process of investment climate formation in the region is made.

I. V. Sokolnik. Modern Tendencies and Problems in the Development of Higher Professional Education Service Market.

Periods in the development of higher professional education service market in Russia are analysed in the article. Each period is characterised by its own peculiarities, tendencies and problems.

N. V. Ivashkina. Organisational Forms of Governmental and Public Institutions Interaction on Formation and Development of Ethno-Cultural Education in the Region.

Different organisational forms of governmental and public institutions interaction on the formation and development of ethno-cultural education in the region are characterised in the article.

N. V. Shumkova. Formation of Ethno-Cultural Identity in Pre-School Education System.

The necessity for the formation of children ethnic identity in the framework of the pre-school education system is substantiated.

M. A. Kapaev. Ethno-Cultural Component Specificity in Secondary Vocational Education System.

Ethno-cultural component specificity in the secondary vocational education system is considered. Its efficiency indices are presented.

L. I. Savinov. Sociology of Social Systems Regularities.

Sociological aspects in the research of social systems regularities expression are brought to light in the article.

A. N. Ershov, A. P. Kulapin, A. A. Salatova. Sociological Aspects of Management in the Conditions of Non-Standard Employment.

An attempt to make a typology of people preferring non-standard employment is made. Reasons motivating people choose non-standard working day and irregular working hours are brought to light.

O. S. Chernyavskaya. Location of Urban Residents in Social Ties Space.

The analysis of the inclusion of Nizhny Novgorod residents into the different social ties space is presented.

O. V. Salmova. Sociological Portrait of Regional City Market Sellers.

A sociological portrait of the Republic of Mordovia city market sellers is presented; their types on the basis of employment motivation are distinguished; social and psychological characteristics as well as status contradictions are brought to light.

Zh. V. Chernova. Perception of Family Policy Measures and Family Needs in State Support.

On the basis of the results of the sociological research carried out in Saint-Petersburg and Ulyanovsk the analysis of families' needs in state support and their perception of state family policy measures is presented.

L. I. Vatanina. Rural Population of the Region in the End of the XX — Beginning of the XXI Centuries: Socio-Cultural Aspect.

By the example of the village Starye Naimany of the Bolshebereznykovsky Municipal District of the Republic of Mordovia modern state of rural population everyday life is considered.

N. N. Azisova, O. A. Bogatova. Problems in Harmonisation of Interaction between Ethno-Cultural Policy, Religiousness and Public Cultural Values in Modern Erzya Ceremonial Festival.

The interaction between religiousness and ethno-cultural policy in the context of world processes of politicisation of modern religiousness by the example of the Erzya post-Soviet ceremonial festivals in the Republic of Mordovia is analysed in the article.

M. V. Mosin, T. M. Sheyanova. From the History of Terminology Formation in Mordovian Languages.

The history of the development of principles and methods of terminology systems in the Mordovian languages as well as the analysis of materials

of language scientific conferences of the XX century and research works devoted to the development of terminology of the Moksha and Erzya literature languages are presented in the article.

A. N. Rakin. Etymologisation of Borrowed Vocabulary in the Komi Language.

The article is devoted to the process of etimologisation of the borrowed vocabulary used by the authors of «Short Etymological Dictionary of the Komi Language». The material under analysis belongs to different types of borrowed words penetrated into the Komi language in the different stages of its development.

D. V. Tsygankin. Etymologically General Ural Nominal and Verb Stems in the Mordovian and Nenets Languages: Comparative Analysis.

A comparative analysis of etymologically general Ural nominal and verb stems in the Mordovian and Nenets languages is presented.

E. N. Mokshina. Historiography of Religious Life of the Mordovian People.

A historiographic analysis of the religious life of the Mordovian people from the Early Middle Ages up to the modern time is presented. It is underlined that many researchers interest in the investigation of the original religious believes and rites of the Mordva as well as in their Christianisation.

N. S. Savkin. Philosophical Interpretation of Regional Language of Culture.

Problems of objectification of the mentality in the region, the correlation between the consciousness and the soul, the formation of the second nature (technical environment) filled with the human sense are analysed.

P. A. Bayev, A. V. Kobzhitsky, A. A. Nadolnaya. Atheistic Worldview of Personality in the Conditions of Social Disorganisation.

By the example of printed mass media transformation of the atheistic worldview of the personality in the age of social turbulence in the period of the last thirty years is considered. Conclusions on the place of the atheistic worldview in the process of the society integration are made.

Panel «Ethical Thought in the Region».

Different ethical issues are discussed. The process of the ethical thought formation in the Republic of Mordovia is analysed.

P. E. Ezhov. Institutionalisation of Social System of Ecological Activity Legal Regulation in the Region.

Issues of environmental safety of the state in the regional level are treated. Special attention is paid to environmental control.

N. P. Ledovskikh. Orthodox Self-Identification: Axiological Evolution in the History of Russian Culture.

Evolution of the relation of the Russian public consciousness to the Orthodox Faith and the Church as social institution is analysed.

Ju. V. Inyushkina. The Original Song in the Penza Region.

The article is devoted the original song as special musical and poetical phenomenon as well as to the acquaintance with the creative work of bards in the Penza Region.

Materials of the Panel «Folk Music on the Modern Concert Stage and in Education».

Different approaches and methods for the research of traditional musical culture of the Finno-Ugric peoples, ways and forms of its objectification in the modern composing and performing arts are determined.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций и ключевых слов *С. В. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 27.12.12. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 16,28. Уч.-изд. л. 15,11. Тираж 1 000 экз. I завод — 500 экз. Заказ № 1807.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в Издательстве Мордовского университета.
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24.